

Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ»

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ УРОВНИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ
В ЗОНЕ ДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА
О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

XIX международная научно-практическая конференция

(21–22 апреля 2016 г.)

Материалы конференции

Часть 2

Ответственный редактор И.А. Медведев

Красноярск
СибЮИ ФСКН России
2016

ББК 67.05+67.51

Ответственный редактор

И.А. Медведев (Сибирский юридический институт ФСКН России).

Редакционная коллегия:

Д.Д. Невирко, доктор социологических наук, профессор (Сибирский юридический институт ФСКН России);

А.Г. Калугин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России);

А.В. Жильцов, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт ФСКН России);

С.М. Мальков, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России);

Е.В. Панов, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России);

В.В. Пономарева, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт ФСКН России);

О.А. Суров, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России);

П.В. Тепляшин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт ФСКН России);

С.А. Чумаров (Сибирский юридический институт ФСКН России);

Ю.В. Леонтьева (Сибирский юридический институт ФСКН России).

Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе в зоне действия Организации Договора о коллективной безопасности : материалы XIX международной научно-практической конференции (21–22 апреля 2016 г.) : в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев ; СибЮИ ФСКН России. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2016. – ISBN 978-5-7889-0236-4. – Ч. 2. – 300 с. – ISBN 978-5-7889-0240-1.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников XIX международной научно-практической конференции «Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе в зоне действия Организации Договора о коллективной безопасности», прошедшей на базе Сибирского юридического института ФСКН России 21–22 апреля 2016 г.

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-7889-0236-4

ISBN 978-5-7889-0240-1 (ч. 2)

© Сибирский юридический институт ФСКН России, 2016

Federal Public Educational Institution of Higher Education
«SIBERIAN LAW INSTITUTE
OF THE FEDERAL DRUG CONTROL SERVICE
OF THE RUSSIAN FEDERATION»

**NATIONAL AND INTERNATIONAL LEVELS
OF COUNTERACTION TO THE DRUG THREAT
IN THE OPERATING RANGE OF THE COLLECTIVE
SECURITY TREATY ORGANIZATION**

XIX International Scientific-Practical Conference
(April 21–22, 2016)

Conference proceedings

Part 2

Editor-in-Chief Igor A. Medvedev

Krasnoyarsk
SLI of the FDPS of Russia
2016

ББК 67.05+67.51

Editor-in-Chief

Igor A. Medvedev (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia)

Editorial Board:

Dmitry D. Nevirko, Doctor of Sociology, Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia).

Aleksey G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Andrey V. Zhil'tsov, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Sergey M. Mal'kov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Yevgeny V. Panov, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Valeriya V. Ponomaryova, Doctor of Law, Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Oleg A. Surov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Pavel V. Teplyashin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Sergey A. Chumarov (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia);

Yuliya V. Leontyeva (Siberian Law Institute of the FDSC of Russia).

National and international levels of counteraction to the drug threat in the operating range of the Collective Security Treaty Organization : proceedings of the XIX International Scientific-Practical Conference (April 21–22, 2016) : in 2 parts / editor-in-chief Igor A. Medvedev ; SLI of the FDSC of Russia. – Krasnoyarsk: SLI of the FDSC of Russia, 2016. – ISBN 978-5-7889-0236-4. – Part 2. – 300 p. – ISBN 978-5-7889-0240-1.

The collection of proceedings include abstracts of reports, speeches and presentations of the participants of the XIX International Scientific-Practical Conference «National and international levels of counteraction to the drug threat in the operating range of the Collective Security Treaty Organization» held at Siberian Law Institute of the FDSC of Russia on April 21–22, 2016.

Proceedings are published in authors' versions.

ISBN 978-5-7889-0236-4

ISBN 978-5-7889-0240-1 (p. 2)

© Siberian Law Institute of the FDSC of Russia, 2016

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

<i>Лонь С.Л.</i> Национальная уголовно-правовая и уголовно-процессуальная основа противодействия преступности в сфере отношений, возникающих в связи с оборотом наркотиков.....	11
<i>Мезинов Д.А.</i> Цель уголовно-процессуального доказывания и стандарт «вне разумных сомнений».....	16
<i>Дудина Н.А.</i> Некоторые вопросы доказывания при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	20
<i>Калугин А.Г.</i> Правовое регулирование использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности: опыт бывших республик СССР	23
<i>Судницын А.Б.</i> Состояние здоровья обвиняемого (подозреваемого) при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу можно не учитывать?	28
<i>Логина Н.Г.</i> К вопросу о недостатках законодательного регулирования порядка обжалования следователем решения прокурора, принятого в соответствии со статьями 211, 214 УПК РФ	32
<i>Сапожников М.С.</i> Проблемные вопросы при возбуждении уголовных дел, связанных с незаконным оборотом анаболических стероидов, по заявлению о преступлении.....	37
<i>Черняков М.М.</i> Особенности проверки сообщений о незаконном обороте наркотических средств в местах лишения свободы.....	38
<i>Александрова О.Ю.</i> Требования, предъявляемые к постановлению о возбуждении уголовного дела.....	43
<i>Карлов А.Л.</i> Необходимость выделения уголовного дела по факту неочевидного сбыта наркотиков как препятствие проведению дознания в сокращенной форме	48
<i>Меремьянина О.В.</i> К вопросу подмены следственных действий.....	52
<i>Баркова Т.В.</i> К вопросу об использовании специальных знаний при получении образцов для проведения сравнительного исследования при назначении экспертиз.....	55

<i>Гончаров Е.В., Клемичев Р.В., Артюх И.Н. Особенности изъятия реакционных масс при пресечении деятельности незаконных лабораторий по изготовлению психоактивных веществ.....</i>	<i>60</i>
<i>Мельников Е.Б. Методические подходы к исследованию аналогов наркотических средств и психотропных веществ.....</i>	<i>63</i>
<i>Климович Л.П. Методы судебной экономической экспертизы, проводимой в органах наркоконтроля.....</i>	<i>67</i>
<i>Дюгаев К.П., Михайличенко А.Г., Гончаров Е.В. Особенности обеспечения деятельности экспертно-криминалистических групп в удаленных межрайонных отделах в Управлении ФСКН России по Красноярскому краю.....</i>	<i>71</i>
<i>Земцова С.И. К вопросу о содействии специалиста при производстве допроса по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков.....</i>	<i>76</i>
<i>Репин А.В. Некоторые особенности подготовительного этапа допроса по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков.....</i>	<i>80</i>
<i>Минисламов М.Н. К вопросу о тактике контроля и записи переговоров обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.....</i>	<i>84</i>
<i>Михайлов А.Н. Особенности доказывания субъективной стороны при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом аналогов наркотических средств.....</i>	<i>87</i>
<i>Космодемьянская Е.Е. К вопросу об отдельных элементах криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных в исправительном учреждении</i>	<i>92</i>
<i>Суров О.А., Бондаренко Е.А. Средства анонимизации сделок и финансовых операций при сбыте наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет</i>	<i>96</i>
<i>Железняк Н.С. К вопросу о необходимости судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в неотложном порядке</i>	<i>100</i>
<i>Чумаров С.А. О преодолении кризиса легитимности принуждения при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.....</i>	<i>104</i>

<i>Смирнов И.А.</i> О некоторых проблемах подготовки и проведения оперативно-розыскного мероприятия наведение справок	107
<i>Кузьмин Н.Т.</i> Проблемы гласного обследования жилища без согласия проживающих в нем лиц при осуществлении оперативно-розыскной деятельности органами наркоконтроля	111
<i>Галушин П.В.</i> О выявлении латентных связей в социальных сетях для решения задач оперативно-розыскной деятельности органов наркоконтроля	116
<i>Черипко Д.П.</i> К вопросу о пенсионном обеспечении отдельных лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	120

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ

<i>Муслимов Э.С.</i> Проблемы реализации юридической ответственности как средства противодействия наркоугрозе	124
<i>Клевцов В.В.</i> Проблемы законодательного регулирования признания веществ новыми потенциально опасными психоактивными веществами	130
<i>Горелик А.В.</i> Отдельные проблемы применения норм административного права в сфере противодействия нелегальному обороту наркотиков	134
<i>Иванов А.Ю.</i> Результаты медицинского освидетельствования на состояние опьянения как основание для расторжения трудового договора с отдельными категориями граждан	139
<i>Кохан Р.Ю.</i> О правовой природе медицинского освидетельствования на состояние опьянения как меры государственного принуждения	144
<i>Димитрова Е.А.</i> Проблемы определения судом оснований возложения обязанностей, предусмотренных частью 2.1 статьи 4.1 КоАП РФ	147
<i>Жильцов А.В.</i> О порядке применения административной ответственности, предусмотренной статьей 6.9.1 КоАП РФ	153
<i>Килин А.З., Калачев А.А.</i> О некоторых вопросах правоприменительной практики по реализации Федераль-	

ного закона от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ на территории Красноярского края..... 157

Вершинин А.Н. Реализация мер административной ответственности за пропаганду наркотических средств в сети Интернет по материалам расследуемых уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотиков как средство противодействия информационным технологиям рекламы наркотиков: методико-правовые аспекты и процессуальный опыт Управления ФСКН России по Курганской области..... 161

Бакиш Д.А. Некоторые проблемы, связанные с ограничением распространения информации о наркотических средствах в сети Интернет: на примере статьи «Чарас» (Википедия)..... 166

Кудашова И.В. Отдельные проблемы применения мер административного принуждения к иностранным гражданам за правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков..... 169

Рябинин Н.А. К вопросу о принудительной ликвидации юридических лиц по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах» 174

Казанцева К.Ю. К вопросу о проблемах определения размера компенсации морального вреда, причиненного преступлением..... 178

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Тепляшин П.В. Теоретические основы формирования регионального антинаркотического права государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности..... 183

Костюченко А.Н., Карымсакова Д.Т. Перспективы развития государственной политики Республики Казахстан в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 187

Пономарева В.В. Унификация антинаркотического законодательства России и Казахстана как государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества: современное состояние и перспективы развития 192

<i>Тетерятников Н.Ю.</i> К вопросу об унификации антинаркотического законодательства России и Казахстана как государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического союза	197
<i>Галимова М.А.</i> К вопросу о взаимодействии органов наркоконтроля России и Казахстана в борьбе с трансграничной наркопреступностью	202
<i>Якушев В.А.</i> Проблемы сотрудничества органов наркоконтроля России и Казахстана в сфере борьбы с наркопреступностью	206
<i>Османова А.К.</i> Международное сотрудничество ФСКН России с компетентными органами государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере уголовного судопроизводства как инструмент противодействия транснациональной организованной преступности	212
<i>Невирко Д.Д.</i> Проблема распространения сильнодействующих веществ в контексте принципа единого экономического пространства в Евразийском экономическом союзе	216
<i>Масягутова Г.Р.</i> Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и пропаганда наркотиков: уголовная ответственность по законодательству зарубежных государств	220
<i>Шеслер А.В., Шеслер С.С.</i> Противодействие наркобизнесу как основа формирования антикоррупционной политики	224
<i>Мальков С.М.</i> Криминологическая профилактика наркопреступности в Вооруженных Силах и воинских формированиях России	227
<i>Астахова А.О.</i> Об усилении превентивной составляющей административного надзора в сфере незаконного оборота наркотиков.....	232
<i>Середа И.М., Кружкова Я.А.</i> Современная уголовная политика в сфере борьбы с наркотизмом и ее тенденции в свете сравнительного правоведения	237
<i>Ступина С.А.</i> Некоторые вопросы квалификации места и обстановки совершения сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов	241

<i>Винокуров В.Н.</i> Вопросы квалификации сбыта наркотических средств и психотропных веществ при проведении проверочной закупки	246
<i>Шеслер В.А.</i> Квалификация хищений наркотических средств и психотропных веществ, совершенных организованной группой	249
<i>Невирко А.Д.</i> К вопросу о понятии «оборот», используемом в статье 228.2 УК РФ	252
<i>Токманцев Д.В.</i> Субъект нарушения правил оборота наркотиков.....	257
<i>Ермаков М.Г.</i> Совершенствование уголовного законодательства в сфере незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ	262
<i>Иванова Л.А.</i> Некоторые вопросы правового регулирования оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ.....	264
<i>Алиев Э.Г.</i> Квалификация контрабанды сильнодействующих веществ, совершенной путем международного почтового отправления	268
<i>Огурцов А.С.</i> О некоторых вопросах предмета преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ (легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путем)	272
<i>Гордеев Р.Н.</i> О судебном толковании финансовых операций с наркодоходами	277
<i>Примак А.А.</i> Основания (условия) применения отсрочки отбывания наказания, предусмотренной статьей 82.1 УК РФ	281
<i>Салакко А.С.</i> Применение статьи 82.1 УК РФ как метод борьбы с наркоманией	285
<i>Корнейчук И.С.</i> Проблемы лечения и реабилитации наркозависимых лиц, отбывающих наказание в учреждениях ФСИН России	289
<i>Рахматулин З.Р.</i> Законодательная оптимизация практики применения уголовного наказания в виде ограничения свободы в части его противодействия преступлениям, совершаемым наркопотребителями.....	294

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Лонь С.Л.,

кандидат юридических наук, доцент
Томский государственный универ-
ситет

НАЦИОНАЛЬНАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СВЯЗИ С ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

Отношения, возникающие в связи с оборотом наркотиков, весьма разнообразны по характеру и содержанию. Вместе с тем их всех объединяет в единую сферу отношений взаимосвязь с узко специальным предметом правового регулирования – оборот наркотиков в государстве (Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»).

В то же время в обществе современного развития уже сформировались иные виды специализированной деятельности органов государства по охране и защите государственно-правовых интересов, к которым можно отнести разведывательную, агентурную, охранную, государственно-административную, оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную, следственную, экспертно-криминалистическую, судебную и другие. Все названные виды деятельности в определенной части могут быть применимы к раскрытию «реализации уголовной ответственности» за незаконный оборот наркотиков, опираясь на отраслевую правовую основу – УК РФ, УПК РФ, КоАП РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие.

Социальной основой уголовно-правовой и уголовно-процессуальной базы противодействия преступности в сфере отношений, возникающих в связи с оборотом наркотиков, являются существование человека и его общественно-государственные формы отношений с себе подобными; возможное различное воз-

действие на его организм и сознание употребляемой еды и питья, содержащего определенные химические соединения; наличие в природе наркосодержащих растений и их использование человеком в различных целях; современные возможности человека вырабатывать наркотики из растительного или синтетического сырья, производить медикаменты, биологически активные добавки, курительные смеси и т.д.

Кроме того, социальную основу уголовной ответственности и ее реализации в рамках уголовного процесса могут составлять производственные и профессиональные отношения, связанные с созданием, перемещением и использованием наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также их сырьевых или исходных составляющих. При определенных условиях они высокопрофессиональны, научно проработаны, финансово и материально выгодны и стимулируются.

Это связано с тем, что производство наркотиков касается различных сфер социальных отношений, складывающихся и развиваемых в обществе, – это и разнопрофильный бизнес, и лечение болезней человека, это и возможное причинение вреда здоровью человека. О многих указанных аспектах с использованием фактического материала говорил в выступлениях в различных специализированных аудиториях и на конференциях председатель Государственного антинаркотического комитета директор ФСКН России Виктор Иванов.¹

Наши национальные правовые реалии таковы, что государство вводит жесткую регламентацию поведения человека и любой его деятельности по выращиванию наркосодержащего сырья, всех форм производства, перемещения и использования наркотиков и связанных с ними элементов. Презюмируется монополия в этой сфере отношений государства и запрет всем другим в государстве что-либо делать с наркотиками, формируется закрытая, ограниченная сфера законных отношений и действий с наркотиками (ч. 1 ст. 4 и ст. 5 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»).

Основной социально-экономической, политической, человеческой проблемой реализации уголовно-правовой и уголовно-процессуальной базы противодействия преступности в сфере отношений, возникающих в связи с оборотом наркотиков, является двойное назначение растительного и иного сырья, самих наркотиков и условий их использования и потребления в жизни и для

жизни людей. Чем-то эта сфера отношений сродни отношениям в сфере военных разработок, производства оружия, военной техники, их продажи, использования.

Двойное назначение сырья, наркотиков, условий их использования с необходимостью ведет отношения в обществе к ограничению применения их положительного значения: продуктов питания, сырья отраслей экономики, лекарственного воздействия и т.д., например мака, конопли и др.

В связи с этим законность отношений, возникающих в связи с оборотом наркотиков, которая устанавливается государством, его законодательными и правоприменительными органами, с необходимостью порождает как минимум четыре варианта необходимого поведения лиц, вовлекаемых в эту сферу отношений, с точки зрения правовой регламентации. А именно:

1) полезные и законные схемы поведения и отношений людей: производство, питание, лечение в рамках государственной политики и монополии;

2) полезные, но незаконные схемы поведения и отношений людей: производство, питание, лечение, то же, что и 1), но за рамками государственной монополии и политики;

3) законные, но вредные схемы поведения и отношений людей;

4) вредные и незаконные схемы поведения и отношений людей: неправильное потребление человеком наркотиков, их самопроизводство, нелегальный бизнес и т.д.

Как все четыре варианта поведения развести, учитывая двойное назначение сырья наркотиков и их самих? Что и как положить в основу правовой регламентации поведения и действий людей при их правильном полезном использовании и вредном незаконном?

Общественная опасность деяния и ее размер – оценочные категории, без четко определенных параметров и для проступков, и для административных правонарушений, и для преступлений по статьям и частям статей УК РФ, поэтому на первое место выходит формальный критерий «незаконного» действия, поведения, решения: ст. 228 (незаконные...), 228.1, 228.3, 228.4, 229.1, 231, 233, 234.1 УК РФ, где непосредственно используется это понятие. Следует отметить, что и другие статьи главы 25 УК РФ содержат прежде всего признаки незаконности действий.

Двойственность материально-социального назначения отношений, возникающих в связи с оборотом наркотиков, предполага-

ет и формирует проблемы реализации ответственности, в том числе уголовной, в рамках уголовного процесса. Определенная социальная и материальная полезность использования сырья наркотиков и их самих изначально предполагает законную ограниченность монополией и политикой государства внутри страны. Отсюда основой уголовно-правовой базы становится нарушение установленных правил – незаконность. К сложности и неоднозначности оценки материальной ответственности в рамках уголовного права по названным отношениям добавляются социальные, производственные, человеческие факторы, влияющие на развитие отношений, возникающих в связи с оборотом наркотиков, изменение их уголовно-правовой значимости и квалификации, а также реализацию государственных возможностей в рамках уголовно-процессуальной деятельности.

Национальной материальной основой уголовной ответственности могут быть: проблема правильного, рационального, эффективного использования наркотиков и сырья для их изготовления в силу жесткой формализации отношений, жесткой урегулированности поведения людей, действий должностных лиц, правового статуса организаций; в этом урегулированном формальном поведении граждан, работников, должностных лиц могут проявляться недобросовестность, или злоупотребления своими правами, или личный интерес лечебного или опьяняющего характера; и, что еще сложнее, формирующийся или сформированный экономический, финансовый интерес возможного нелегального производства и использования наркотиков и сырья для их производства. Сказанное значительно усложняет создание формальной уголовно-правовой базы противодействия преступности в сфере отношений, возникающих в связи с оборотом наркотиков, в силу неоднозначности, а иногда и взаимоисключающего общественного восприятия широкого спектра этих отношений. Отсюда сложность диспозиций ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 228.2, ч. 1 ст. 228.3 УК РФ.

Эти вопросы и проблемы перекладываются на уголовно-процессуальную деятельность органов ФСКН России, а также деятельность других служб, агентств и министерств, которые связаны с отношениями, возникающими в связи с оборотом наркотиков.

Национальная уголовно-процессуальная основа по работе с преступлениями в сфере отношений, возникающих в связи с оборотом наркотиков, опирается на сложные многовариантные проявления связей этих отношений. Они могут носить как положи-

тельный характер – производство и все остальное, по объективной стороне – преступление главы 25 УК РФ, для медицины, еды, парфюмерии, химии, но внутри всего этого цикла могут быть обман, злоупотребления, нарушения по работе, службе специальных субъектов, хищения, так и иметь сразу незаконную, противоправную направленность, деятельность по производству сырья и наркотиков в рамках бизнеса, организованной преступной группировки, межнационального наркокартеля.

Специализация и специфика уголовно-процессуальной деятельности по этой категории преступлений «перемешивает» в себе и нелегальную информацию, и агентурные данные, и данные разведки, и результаты оперативно-розыскной деятельности, и материалы следственных действий. В связи с этим вынужденно начинают появляться контрольная закупка, контролируемая продажа (поставка) и т.д. Однако в рамках уголовного процесса могут законно использоваться только доказательства, обладающие признаком допустимости.

Напрашивается вывод, что в уголовный процесс необходимо вводить дополнительно новые следственные действия или иные средства с учетом специфики преступлений главы 25 УК РФ, дополняя уголовно-процессуальное законодательство, или изменять преступность деяний указанных в этой главе, корректируя их квалификационные признаки и увязывая возможность их доказывания с возможностями имеющихся уголовно-процессуальных средств. При этом следование конституционным принципам и принципам уголовного права и уголовного процесса остается неизменным.

¹ Выступления директора ФСКН России В.П. Иванова 30 марта 2015 г. в г. Екатеринбурге, 11 марта 2015 г. и 24 декабря 2014 г. в Москве, в зале Коллегии ФСКН России, 5 декабря 2014 г. на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ, 10 февраля 2015 г. в Москве в «Президент-отеле» перед судьями. Официальный сайт ФСКН России. URL: http://fskn.gov.ru/pages/main/community_ties/press_service/5617/index.shtml)

Мезинов Д.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт
Национального исследовательского
Томского государственного универ-
ситета

ЦЕЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ И СТАНДАРТ «ВНЕ РАЗУМНЫХ СОМНЕНИЙ»

Вопрос о цели доказывания в уголовном процессе в современной научной дискуссии конкретизируется следующим образом: является ли целью доказывания в отечественном уголовном процессе так называемая объективная истина, либо в качестве цели более правильно рассматривать иную по характеру истину, например, юридическую, судебную, формальную, презумпционную? Следует отметить, что к настоящему времени большинством ученых в качестве цели доказывания в отечественном уголовном процессе рассматривается объективная истина, называемая также материальной истиной, под которой еще с советского периода принято понимать «полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела» (М.С. Строгович).

Думается, значение рассмотрения в качестве цели (то есть идеального желаемого образа будущего результата) доказывания в отечественном уголовном процессе объективной истины в целом необходимо признать. Это соответствует формированию отечественного уголовного процесса в континентальной правовой системе (Л.В. Головкин). В то же время реальные выводы об устанавливаемых фактах, к которым должен прийти суд при разрешении уголовного дела, более правильно называть не объективной истиной, даже если он стремился достичь таковую, а уголовно-судебной достоверностью или практической достоверностью либо, используя мнение части еще дореволюционных ученых, еще точнее называть такие выводы юридической или судебной истиной (Л.Е. Владимиров, В.К. Случевский, Н.Н. Розин). Под юридической (судебной) истиной здесь понимаются полученные судом (а в определенных случаях и органом уголовного преследования) при стремлении к достижению объективной (по своему содержанию) истины и строгом соблюдении требований уголовно-процессуальной формы, основанные на его внутреннем убеждении

(при отсутствии разумных сомнений), предельно обоснованные доказательствами достоверные выводы об обстоятельствах уголовного дела, имеющих значение для его разрешения.¹

Субъектам доказывания, уполномоченным принимать решение по существу уголовного дела, к которым относится суд, а в известных пределах и органы уголовного преследования, необходимо руководствоваться определенными критериями достижения обозначенной выше в виде цели доказывания юридической (судебной) истины. В уголовном процессе континентальной правовой системы, включая отечественный уголовный процесс, в качестве такого внутреннего критерия для данных субъектов доказывания принято рассматривать наличие у них внутреннего убеждения в соответствии объективной действительности (тому, что было «на самом деле») полученных ими выводов о фактах (обстоятельствах) совершения преступления. Именно оно является (должно являться) спусковым механизмом, обуславливающим принятие судом (а в известных пределах и органом уголовного преследования) обоснованного достигнутой целью доказывания процессуального решения по существу уголовного дела, вызывающим у данного субъекта доказывания соответствующую решимость. Очевидно, что это субъективный критерий.

При этом процессуалистами континентальной правовой системы признается то, что отмеченная разумная уверенность субъекта доказывания не должна и не может иметь характер абсолютной, полной несомненности (В.К. Случевский). В то же время вопрос о том, какое по характеру (степени) внутреннее убеждение должно сформироваться у субъекта доказывания при принятии им решения по существу уголовного дела, не теряет актуальности для уголовного процесса континентальной правовой системы. В поисках ответа на этот вопрос уместно обратиться к характерному исходно для уголовного процесса англо-американской правовой системы объективному критерию достижения цели уголовно-процессуального доказывания, именуемому стандартом доказывания «вне разумных сомнений».

«Стандарт «за пределами разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*), сформировавшийся в Англии во второй половине XVIII в., означает, как явствует из его названия, что в достоверности факта (виновности обвиняемого по уголовному делу), – пишет С.Л. Будылин, – не должно остаться разумных сомнений. Это не обязательно означает, что в его достоверности нет вообще

ни тени сомнения (*beyond a shadow of doubt*), а означает лишь, что все альтернативные возможности объяснения представленных доказательств являются чрезвычайно маловероятными (*it is possible but not in the least probable*)»².

Как видно, доказывание «вне разумных сомнений» означает при принятии решения в ходе мыслительной деятельности субъекта доказывания исключение не всех абсолютно сомнений в соответствии полученных им выводов действительности (тому, что было «на самом деле»), а только разумных сомнений, поскольку некоторые («неразумные») сомнения у вменяемого субъекта познания всегда должны оставаться. Разумные сомнения, соответствующие всем иным разумным версиям устанавливаемого события, кроме одной разумной версии, подтвержденной доказательствами и включенной в окончательные выводы субъекта доказывания, должны быть устранены. Такие разумные сомнения должны устраняться в ходе активной мыслительной деятельности субъекта доказывания, основанной на общепризнанном понимании того, какие выводы-знания при определенной доказательственной базе в определенных ситуациях следует считать достоверными, а какие невероятными или маловероятными (в уголовном процессе последние выступают в виде отвергнутых версий).

Полагаю, что использование стандарта «вне разумных сомнений» в уголовном процессе континентального типа (включая отечественный уголовный процесс) предостережет от понимания характерного для этого процесса субъективного критерия – внутреннего убеждения как полной абсолютной несомненности и в то же время поможет субъекту доказывания ориентироваться не на простой «перевес доказательств» (стандарт, характерный для гражданского процесса англо-американской правовой системы), а на веские и убедительные доказательства виновности обвиняемого, тем самым более точно определять характер (степень) внутреннего убеждения, необходимый для принятия решения по существу уголовного дела.

Как верно отмечает С.Л. Будылин: «В самом деле, для достижения судьей «внутреннего убеждения» в истинности того или иного факта недостаточно, по-видимому, простого перевеса доказательств в пользу того, что этот факт имел место, а требуются доказательства существенно более убедительные. Судя по тому, что на основании принципа «внутреннего убеждения» разрешаются уголовные дела, а соображения о настоятельной необходимости

предотвращения судебных ошибок в уголовных делах вполне универсальны, можно предположить, что стандарт «внутреннего убеждения» примерно соответствует англосаксонскому стандарту «за пределами разумных сомнений». Это звучит вполне логично, ведь «у судьи не осталось разумных сомнений в виновности обвиняемого», – это по сути то же самое, что судья внутренне убежден в его виновности»³.

В связи с вышеизложенным полагаю, что имеются основания не согласиться с мнением отдельных авторов, по сути, отвергающих приемлемость стандарта «вне разумных сомнений» для отечественного уголовного судопроизводства (Г.К. Смирнов). Так, прежде всего остается не ясным, каким критерием достижения цели доказывания вместо этого стандарта необходимо будет руководствоваться. Видимо, авторы полагают, что вместо «разумной доказанности» должна быть «абсолютная» доказанность или внутреннее убеждение при отсутствии всякого сомнения?

Но возможно ли внутреннее убеждение «вне всякого сомнения» у *вменяемого, объективно и разносторонне* (а не субъективно и шаблонно) мыслящего человека (судьи, прокурора, следователя)? При многих обстоятельствах такой человек, делая маловероятные или невероятные (на первый взгляд) предположения об устанавливаемых фактах, будет переживать сомнения, которые невозможно полностью устранить, но и нельзя в конкретной ситуации признать разумными (например, при наличии достаточной совокупности косвенных доказательств вины обвиняемого, делая предположения о том, что убийство совершил не он, а лицо, прошедшее к месту происшествия под неусыпным взором свидетелей, но оставшееся незамеченным ими в силу владения этим лицом навыками гипноза). По логике отвергающих стандарт «вне разумных сомнений» в таких ситуациях суду надо продолжать процесс познания, дальше проверяя подобные маловероятные и невероятные (на первый взгляд) версии.

В реальности же именно стандарт «вне разумных сомнений» реализуется при исследовании обстоятельств совершения преступлений следователями, прокурорами, судьями, в том числе теми, которые считают, что устанавливают «объективную истину». Иными словами, ими устраняются именно «разумные сомнения», до устранения «неразумных сомнений», к счастью, на практике дело не доходит, иначе процесс исследования обстоятельств каждого совершенного преступления был бы бесконечен. Таким образом, стан-

дарт «вне разумных сомнений» как соответствующий осуществляемому в уголовном судопроизводстве реальному процессу оценки доказательств нет оснований противопоставлять стремлению суда (и должностных лиц стороны обвинения) к достижению объективной (по своему содержанию) истины, влекущему при соблюдении требований уголовно-процессуальной формы получение достоверных выводов об устанавливаемых по уголовному делу обстоятельствах. Этот стандарт удачно дополняет традиционно рассматриваемое в уголовном процессе континентальной правовой системы в качестве субъективного критерия достижения указанной цели доказывания внутреннее убеждение субъекта доказывания в соответствии объективной действительности полученных им выводов о фактах (обстоятельствах) совершения преступления.

¹ Подр.: Мезинов Д.А. О возможности и критериях достижения объективной истины в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 102-103; Мезинов Д.А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 179-181; Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 84-91.

² Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 3. С. 33.

³ Там же. С. 51-52.

Дудина Н.А.,

кандидат юридических наук
Межмуниципальное управление
МВД России «Красноярское»

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Согласно данным официальной статистики МВД России (URL: <https://mvd.ru>), в январе 2016 г. выявлены 18 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, сотрудниками органов наркоконтроля – 7,4 тысячи преступлений (-8,2%), сотрудниками органов внутренних дел – 10,4 тысячи преступлений (-17,7%). По сравнению с январем 2015 г. на 8,9% сократи-

лось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, однако их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, вырос с 47,1% в январе 2015 г. до 49,9%.

Наиболее актуальным вопросом при расследовании рассматриваемой категории преступлений является вопрос доказывания. Ошибки в собирании доказательств могут привести к неверному установлению лица (лиц), совершившего преступление, неверной квалификации их деяний, а как следствие вынесение незаконного и необоснованного приговора судом. Для полноценного расследования уголовного дела данной категории и успешного направления в суд следователю необходимо собрать все необходимые доказательства по делу, свидетельствующие о виновности лица (или лиц, если преступление совершено в соучастии). В соответствии с нормами УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном законе порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Не вдаваясь в теорию доказывания, напомним, что доказательства должны обладать следующими признаками: относимость, допустимость, достоверность, достаточность. При этом в качестве доказательств допускаются: 1) показания подозреваемого, обвиняемого; 2) показания потерпевшего, свидетеля; 3) заключение и показания эксперта; 3.1) заключение и показания специалиста; 4) вещественные доказательства; 5) протоколы следственных и судебных действий; 6) иные документы.

При расследовании рассматриваемой категории преступлений следователь нередко сталкивается с трудностями в доказывании, обусловленными специфичностью данного вида преступлений. В связи с этим хотелось бы кратко обозначить некоторые факторы (на отдельных примерах), создающие проблемы в вопросах доказывания преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, возникающие в судебно-следственной практике.

1. Незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, не подтвержденный доказательствами:

– суд относится критически к показаниям нескольких лиц, поскольку показания этих лиц, данные в ходе предварительного

следствия и в ходе судебного заседания, совпадают слово в слово, обстоятельства изложены в одинаковой последовательности, с одними и теми же выражениями, что в жизни исключено (приговор Каспийского городского суда (Республика Дагестан) от 12 декабря 2014 г. № 1-158/2014. URL: <http://sudact.ru>);

– факт привлечения лица по иному уголовному делу за аналогичное преступление (за совершение незаконного сбыта наркотических средств) не доказывает вину этого лица по данному уголовному делу (приговор Первомайского районного суда г. Омска (Омская область) от 2 октября 2014 г. № 1-319/2014. URL: <http://sudact.ru>);

– отсутствие документального или технического фиксирования в ходе проведения ОРМ.

2. Изменение показаний обвиняемых (подозреваемых) на разных стадиях процесса (такая ситуация особенно часто встречается при совершении преступления в соучастии).

3. Ненадлежащее документальное оформление получения вещественных доказательств (выдержка из приговора суда: «...наличие двух отпечатков пальцев Ч. на двух пакетиках с наркотическим средством, изъятым у ФИО4, не указывает на совокупность доказательств в виновности Ч. в совершении указанного преступления, поскольку не установлено, при каких обстоятельствах отпечатки пальцев ФИО2 оказались на указанных пакетиках, в связи с чем нельзя сделать вывод, что именно Ч. участвовала в покушении на сбыт наркотических средств...»). URL: <http://sudact.ru>).

4. Обвинение построено на догадках, предположениях и не подтверждено допустимыми доказательствами.

Хотелось бы особо отметить, что именно оперативно-розыскная деятельность, наряду с выявлением события преступления и лиц (лица), его совершивших, обеспечивает процесс доказывания, что во многом обусловлено спецификой рассматриваемых преступлений.

В связи с этим результаты оперативно-розыскной деятельности и их надлежащее оформление в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и с соблюдением требований УПК РФ, которые впоследствии признаются судом допустимыми доказательствами, несут основную функцию доказы-

вания при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

При все при этом следует констатировать тот факт, что на сегодняшний день отсутствует законодательное закрепление четкой и последовательной процедуры приобщения результатов ОРД к материалам уголовного дела, что затрудняет, а порой делает невозможным их использование в доказывании.

Здесь же хотелось бы обратить внимание на зарубежный опыт, на примере англосаксонской системы права, где в уголовном судопроизводстве практически отсутствует процессуальная регламентация досудебного производства и информация, полученная полицией до суда, беспрепятственно используется в судебном разбирательстве.¹ В данном случае речь не идет об имплементации такой зарубежной практики, но, учитывая, что в российском уголовном процессе результаты оперативно-розыскной деятельности обеспечивают предмет доказывания, в том числе и по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, не исключаем необходимость законодательного закрепления уголовно-процессуального использования результатов ОРД.

¹ Ковалев В.А. Уголовный процесс буржуазных государств. М., 1983. С.25.

Калугин А.Г.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ
РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ОПЫТ БЫВШИХ РЕСПУБЛИК СССР**

Сегодня уже ни у кого из специалистов не вызывает сомнений, что выявление и расследование организованной преступной деятельности в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ невозможно без применения средств и методов оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем вопрос уголовно-процессуальной регламентации использования результатов

ОРД в доказывании по уголовным делам в российском законодательстве остается открытым.

Уже стала притчей во языцех ст. 89 УПК РФ, название которой «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» противоречит ее содержанию, она прямо запрещает использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом. Однако очевидно, что они и не могут соответствовать этим требованиям, так как уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность регулируются разными федеральными законами; при этом первая предполагает использование исключительно гласных процедур, вторая основывается в значительной мере на негласных методах получения информации и следует принципу конспирации во всем, что касается источников оперативной информации, что само по себе исключает во многих ситуациях возможность проверки ее на достоверность традиционными для уголовного судопроизводства способами.

Наличие межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27 сентября 2013 г. проблемы не решает, так как она не имеет силы федерального закона и регулирует лишь порядок передачи материалов, но не вопросы их процессуальной проверки и оценки.

В связи с этим представляет определенный интерес то, как пытаются решить эту проблемы законодательные власти некоторых государств, ранее бывших союзными республиками в составе СССР, в которых так же, как и в Российской Федерации, уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность разделены: осуществляются разными субъектами и регулируются разными законодательными актами.

Современное уголовно-процессуальное законодательство Грузии, Казахстана, Латвии и Украины идет по пути регламентации непосредственно в уголовно-процессуальном законе порядка производства так называемых негласных следственных действий, основным отличительным признаком которых является их производство втайне (без уведомления) от лица, в отношении которого они проводятся.

Так согласно ст. 232 УПК Казахстана, принятого 4 июля 2014 г., негласные следственные действия производятся, если для

выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, сведения о фактах необходимо получить, не информируя вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересы которых они затрагивают.

При этом негласные следственные действия, за исключением негласного контроля почтовых и иных отправлений, производятся по поручению органа досудебного расследования уполномоченным подразделением правоохранительного или специального государственного органа с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности.

В ст. 231 УПК Казахстана перечислены виды негласных следственных действий:

- 1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места;
- 2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;
- 3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- 4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;
- 5) негласный контроль почтовых и иных отправлений;
- 6) негласные проникновение и (или) обследование места;
- 7) негласное наблюдение за лицом или местом;
- 8) негласная контролируемая поставка;
- 9) негласный контрольный закуп;
- 10) негласные внедрение и (или) имитация преступной деятельности.

Статьи 237-239 УПК Казахстана регламентируют порядок представления результатов негласных следственных действий органу досудебного расследования, их исследование и оценку:

– по завершении проведения негласного следственного действия все имеющие значение для дела материалы, полученные в ходе его проведения, с соблюдением конфиденциальности передаются сопроводительным письмом органу досудебного расследования;

– исследование результатов негласного следственного действия производится органом досудебного расследования с соблюдением требований конфиденциальности, при необходимости с привлечением специалиста и соответствующего сотрудника органа дознания;

– о результатах исследования составляется протокол, в котором отражаются результаты проведенного негласного следственного действия. К протоколу приобщаются звукозаписи и записи изображений, фотографии, другие зафиксированные с помощью научно-технических средств результаты, изъятые предметы и документы или их копии;

– результаты негласных следственных действий используются в доказывании наравне с доказательствами, полученными в результате следственных действий.

В данном случае мы видим некий аналог российского порядка представления результатов ОРД органам предварительного расследования, только закрепленный в уголовно-процессуальном законе.

Согласно ст. 246 УПК Украины, принятого 13 апреля 2012 г., негласные следственные (розыскные) действия – это разновидность следственных (розыскных) действий, сведения о факте и методы проведения которых не подлежат разглашению. Они проводятся в случаях, если сведения о преступлении и лице, его совершившем, невозможно получить другим способом. Решение о проведении негласных следственных (розыскных) действий принимает следователь, прокурор, а в отдельных случаях – следственный судья по ходатайству прокурора или по ходатайству следователя, согласованному с прокурором.

Проводить негласные следственные (розыскные) действия имеет право следователь, который осуществляет предварительное расследование преступления, или по его поручению уполномоченные оперативные подразделения органов внутренних дел, органов безопасности, Национального антикоррупционного бюро Украины, Государственного бюро расследований, органов, осуществляющих контроль за соблюдением налогового и таможенного законодательства, органов Государственной пенитенциарной службы Украины, органов Государственной пограничной службы Украины. По решению следователя или прокурора к проведению негласных следственных (розыскных) действий могут привлекаться и другие лица.

Фиксация хода и результатов негласных следственных (розыскных) действий осуществляется по общим правилам фиксации уголовного производства, предусмотренным УПК Украины (ст. 252). По результатам проведения негласного следственного (розыскного) действия составляется протокол, к которому в слу-

чае необходимости прилагаются аудио- или видеозаписи, фотографии, другие результаты, полученные с помощью применения технических средств, изъятые во время их проведения вещи и документы или их копии.

Результаты негласных следственных (розыскных) действий используются в доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения других следственных (розыскных) действий во время досудебного расследования (ст. 256 УПК Украины).

Таким образом, в украинском уголовно-процессуальном законодательстве не делается различия между «традиционными» следственными действиями и розыскными, в том числе негласными действиями с точки зрения использования их в качестве способов получения доказательственной информации. Обратим внимание, что в отличие от УПК Казахстана в украинском уголовном процессе к субъектам, осуществляющим негласные следственные (розыскные) действия, относятся как органы, осуществляющие ОРД, так и следователь.

В целом аналогичную схему содержит и УПК Латвии, принятый 21 апреля 2005 г., согласно ст. 210 которого «специальные следственные действия» производятся, если для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном процессе при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, сведения о фактах необходимо получить, не информируя вовлеченных в уголовный процесс лиц и лиц, которые могли бы предоставить эти сведения.

Специальные следственные действия на основании постановления следственного судьи производятся направляющим процесс лицом (следователем, прокурором), а если для реализации такого действия необходимо использовать средства и методы оперативной работы, их производство поручается только особо уполномоченным законом специализированным государственным учреждениям.

Направляющее процесс лицо при самостоятельном производстве специального следственного действия составляет протокол. Если специальное следственное действие производится специализированным государственным учреждением, его представитель составляет письменный отчет и вместе с материалами, полученными в результате этого действия, представляет его направляющему процесс лицу (ст. 216 УПК Латвии).

В соответствии со ст. 259 УПК Латвии протоколы специальных следственных действий, отчеты о них, звукозаписи и записи изображений, фотографии, другие зафиксированные с помощью технических средств результаты, изъятые предметы и документы или их копии используются в доказывании в таком же порядке, как результаты других следственных действий.

Приведенные примеры показывают, что установление в уголовно-процессуальном законе порядка применения негласных способов получения информации, имеющей доказательственное значение, а также единых правил проверки и оценки полученных в результате этих способов фактических данных наряду с результатами следственных действий – наиболее очевидный и логичный путь решения существующей в российском уголовном процессе проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности.

Судницын А.Б.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО)
ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ МОЖНО НЕ УЧИТЫВАТЬ?**

Вынесение вопроса в качестве заглавия определяется двумя важнейшими факторами. С одной стороны, стремление обеспечить баланс между интересами личности и необходимостью эффективного осуществления уголовного судопроизводства привело к установлению системы обстоятельств, определяющих возможность избрания и применения мер пресечения в целом (заключения под стражу в частности): основания, условия, порядок, сроки и другие обстоятельства, в том числе состояние здоровья обвиняемого и подозреваемого (ст. 99 УПК РФ). С другой стороны, в складывающейся судебной-следственной практике состояние здоровья не всегда учитывается при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Более того, использованная Конституционным Судом РФ формулировка – «уголовно-процессуальное законодательство не связывает с состоянием здоровья подозреваемого или обвиняемого наступление обязательных правовых последствий в

виде отказа суда от избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу»¹ – не только не внесла ясность в этот вопрос, но и в определенной мере усугубила его неоднозначность. Приблизиться к ответу на поставленный в заглавии вопрос позволит краткий исторический экскурс.

До конца 2010 г. состояние здоровья рассматривалось лишь как обстоятельство, учитываемое при избрании и применении любой меры пресечения (ст. 99 УПК РФ). Более детальной регламентации применительно к заключению под стражу оно не имело. К этому времени было известно множество случаев заключения и содержания под стражей лиц, которые страдали серьезными заболеваниями. Так, по состоянию на май 2010 г. общая численность тяжелобольных, содержащихся в следственных изоляторах России, составляла около 130 тысяч человек. Кроме того, имели место факты смерти в местах содержания под стражей. Например, в 2008 г. в следственных изоляторах России умерли от заболеваний 276 человек, содержащихся под стражей, в 2009 г. – 233. Причиной смерти в большинстве случаев стала тяжелая, нередко трудноизлечимая болезнь или патология.²

В 2010 г. в целях обеспечения конституционных прав подозреваемых и обвиняемых в ст. 110 УПК РФ были внесены изменения, а в 2011 г. Были определены порядок, правила медицинского освидетельствования, форма медицинского заключения. Однако лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, и после изменений законодательства умирали в местах содержания.

Следующий этап в череде попыток разрешения анализируемого проблемного аспекта связан с обобщением судебной практики Верховным Судом РФ. В конце 2013 г. в ходе обсуждения проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ рассматривался вопрос по редакции п. 25, касающегося влияния состояния здоровья обвиняемого на решение о заключении под стражу. Первый вариант редакции предполагал, что суд не вправе избрать в качестве меры пресечения заключение под стражу в отношении обвиняемого (подозреваемого), а также продлить срок, если выявлено препятствующее тому заболевание, удостоверенное медицинским заключением. Второй – суд не вправе продлить срок содержания под стражей обвиняемого, если у него обнаружено соответствующее заболевание. От первого варианта формулировки в ходе обсуждения отказались, но даже сам факт его существования под-

черкивает важность учета состояния здоровья при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Примечательно, что и Генеральная прокуратура Российской Федерации в ходе обсуждений проекта постановления выступала за первый вариант редакции п. 25.³

По прошествии пяти лет с момента изменений процессуального законодательства в соответствующей части смерти задерживаемых и заключаемых под стражу лиц продолжают иметь место. Так, в 2015 г. в России умерли 197 задержанных, из них 42 человека – в ИВС, 31 – в СИЗО⁴. Сравнение этих и ранее приведенных данных позволяет утверждать, что число лиц, умерших в местах содержания под стражей, уменьшилось, однако смерть лиц, заключаемых под стражу, не исключена из судебно-следственной практики.

Одной из причин, приводящих к таким смертям, по нашему мнению, является то, что в соответствии с УПК РФ наличие тяжелого заболевания устанавливается лишь при решении вопроса о замене меры пресечения. И это несмотря на то, что имеют место ситуации, когда до избрания заключения под стражу у обвиняемого уже имеется соответствующее заболевание.

Вернемся к ранее указанному решению Конституционного Суда РФ. Соглашаясь с его мнением, уточним ряд моментов в целях исключения неверного истолкования формулировки. Во-первых, необходимо учитывать, что предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ стала ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ, регламентирующая отмену или изменение ранее избранной меры пресечения при выявлении тяжелого заболевания, а также связанные с ней правовые положения. Во-вторых, в настоящий момент уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает обязательных правовых последствий в виде отказа суда от избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу (отметим, такое последствие в УПК РФ прямо не закреплено). В-третьих, ценность состояния здоровья обвиняемого (подозреваемого) бесспорна. Эта позиция фигурирует и в анализируемом решении Конституционного Суда РФ.

Так, обозначена важная обязанность государства в виде обеспечения посредством правосудия защиты значимых для общества ценностей, права на надлежащее медицинское обследование, обслуживание и лечение. Подчеркнуто: из ст. 99 УПК РФ следует, что состояние здоровья подозреваемого или обвиняемого наряду с другими обстоятельствами *учитывается при избрании меры пресечения*

(выделено мной. – А.С.) и продлении ее срока. Подобных подход присутствует и в других решениях Конституционного Суда РФ.

Принимая во внимание вышеприведенные доводы, следует сделать вывод, что состояние здоровья обвиняемого (подозреваемого) может привести к правовым последствиям в виде отказа суда от избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу. В приведенном решении Конституционный Суд РФ подчеркивает необходимость взвешенного подхода при разрешении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Кроме того, учет состояния здоровья, в частности наличие или отсутствие заболеваний, препятствующих содержанию лица под стражей, при избрании меры пресечения позволяет достичь ряд значимых задач. Во-первых, это реально обеспечивает защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Причем речь идет не только о праве на свободу и личную неприкосновенность, но и о таких главенствующих благах, как право на жизнь, запрет пыток, бесчеловечного обращения, право на доступную и качественную медицинскую помощь и других. Это может способствовать уменьшению случаев наступления смерти в местах содержания под стражей. Во-вторых, учет тяжелого заболевания обвиняемого при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу приводит к экономии процессуальных сил, средств, времени (отсутствует необходимость избирать меру пресечения, проводить освидетельствование, изменять меру пресечения). В-третьих, это позволяет привести существенно отличающуюся практику в этом вопросе к единству.

В связи с изложенным следует сделать однозначный вывод, о том, что состояние здоровья обвиняемого (подозреваемого) при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу невозможно не учитывать. Данная установка фактически вытекает из закона (ст. 99, 110 УПК РФ и др.), развивая и конкретизируя его положения путем указания на необходимость учета тяжелого заболевания, препятствующего избранию заключения под стражу. Иной подход вступает в острое противоречие как с законом, так и с судебной практикой высших судов России.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Дохова М.Б. на нарушение его конституционных прав ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1485-О // СПС КонсультантПлюс.

² Подр.: Судницын А.Б. О необходимости дальнейшего совершенствования порядка применения меры пресечения в виде заключения под стражу

// Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков : материалы конференции : в 2 ч. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013. Ч. 2. С. 203-209.

³ Меркулова С. Верховный Суд разобрался с заключением под стражу, домашним арестом и залогом. URL: http://pravo.ru/court_report/view/99889 (дата обращения: 01.02.2016).

⁴ «Русская эбола», 2015: 197 человек. URL: <http://zona.media/practice/ebola-2015> (дата обращения: 15.02.2016).

Логинова Н.Г.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСИН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТКАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПОРЯДКА ОБЖАЛОВАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ РЕШЕНИЯ ПРОКУРОРА,
ПРИНЯТОГО В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЯМИ 211, 214 УПК РФ**

Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ ч. 1 ст. 211 УПК РФ дополнена п. 1.1 и внесены изменения в ч. 1 ст. 214 УПК РФ. Указанные положения предоставляют право прокурору отменить постановление руководителя следственного органа или следователя о приостановлении предварительного следствия или прекращении уголовного дела в случае признания решения незаконным или необоснованным, о чем выносится мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию, которое вместе с материалами уголовного дела незамедлительно направляется руководителю следственного органа.

Ввиду существующих в законе установок о процессуальной самостоятельности следователя и основываясь на положениях принципа, предусмотренного ст. 17 УПК РФ – свобода оценки доказательств, допускается возможность обжалования следователем отдельных решений прокурора.

Вместе с тем механизм реализации рассматриваемых положений законодателем не определен. Во-первых, не ясен порядок обжалования следователем данного решения, во-вторых, открыт вопрос по порядку исчисления срока предварительного следствия ввиду обжалования решения прокурора.

Неполнота правового регулирования данных вопросов приводит в практической деятельности к конфликту интересов органов предварительного следствия и прокуратуры. Не обходят стороной эти вопросы и следственные подразделения органов наркоконтроля. Из опросов следователей, проходящих обучение на факультете дополнительного профессионального образования и заочного обучения СибЮИ ФСКН России, известно, что рассматриваемые проблемы возникали в следственных службах управлений ФСКН России по Красноярскому и Камчатскому краям, Регионального управления ФСКН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и ряда других территориальных органов.

Рассматриваемая проблема может усугубляться и тем, что подобное расширение полномочий прокурора может повлечь за собой злоупотребления с его стороны, связанные с удовлетворением потребностей прокуратуры в повышении ведомственных показателей при оценке своей деятельности.

Следует отметить и то, что вступление в силу рассматриваемых изменений в УПК РФ в отдельных регионах спровоцировало активное формирование практики обжалования решений прокурора в порядке ст. 125 УПК РФ. По отдельным проблемам, возникающим в данной области судопроизводства, Верховным Судом РФ даны разъяснения в постановлении Пленума от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в редакции от 28 января 2014 г.), но вопросы обжалования решений прокурора в названном постановлении не нашли отражения и по-прежнему толкуются неоднозначно. Вместе с тем анализ указанного документа позволяет сделать категоричный вывод о том, что следователь в этом случае не может являться субъектом обжалования – речь идет только о тех участниках, права и интересы которых нарушены.

Но это не позволяет говорить о том, что следователь оказался заложником ситуации, – решение прокурора об отмене постановления о приостановлении предварительного следствия или прекращении уголовного дела обжалованию не подлежит. Положительно сложившаяся ситуация может быть разрешена.

Полагаем, что в данном случае вполне уместно обратиться к аналогии. О том, что следователь вправе обжаловать решение прокурора в ходе предварительного расследования свидетельствуют положения ряда статей УПК РФ.

1. Процессуальный порядок обжалования следователем решения прокурора закреплен в ст. 38 УПК РФ. В соответствии с п. 5 ч. 2 следователь вправе обжаловать решения прокурора:

- об отмене постановления о возбуждении уголовного дела;
- о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия;
- об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или о пересоставлении обвинительного заключения и устранении выявленных недостатков.

2. Часть 4 ст. 124 УПК РФ гласит, что в случаях, предусмотренных УПК РФ, дознаватель, следователь вправе обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора или руководителя следственного органа соответственно вышестоящему прокурору или руководителю вышестоящего следственного органа.

3. Согласно ч. 3 ст. 162 УПК РФ в срок предварительного следствия не включается время на обжалование следователем решения прокурора в случае, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ.

4. В ч. 4 ст. 221 УПК РФ указано: решение может быть обжаловано следователем с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору, а при несогласии с его решением – Генеральному прокурору РФ с согласия председателя Следственного комитета РФ либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) в течение 72 часов с момента поступления уголовного дела. Вышестоящий прокурор в течение 10 суток с момента поступления соответствующих материалов должен принять решение либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя, либо об отмене постановления нижестоящего прокурора, и в этом случае вышестоящий прокурор утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд.

На наш взгляд, из всего перечня предлагаемых законодателем процедур по обжалованию следователем решения прокурора в установленных законом случаях в части порядка обжалования вопросов не возникает. Полагаем, что при обжаловании решения прокурора об отмене постановления о приостановлении предварительного следствия или прекращении уголовного дела верным будет применение следователем той последовательности действий, которая предусмотрена для обжалования иных решений прокурора: об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о

возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков, в течение 72 часов с момента поступления к следователю уголовного дела с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору, а при несогласии с его решением – Генеральному прокурору РФ с согласия председателя Следственного комитета РФ либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти).

Однако исчисление срока представляется проблематичным, так как законодатель не дает ответа на вопрос о том, должен ли следователь в данном случае вновь принять уголовное дело к своему производству и установить сроки следствия, после чего обратиться к вышестоящему прокурору, или же обжаловать решение о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования можно, не прибегая к указанной процедуре.

Вместе с тем в ч. 3 ст. 162 УПК РФ законодатель указывает на то, что в срок предварительного следствия не включается время на обжалование следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков с письменными указаниями, а также время, в течение которого предварительное следствие было приостановлено по основаниям, предусмотренным положениями ст. 208 УПК РФ.

Можно было бы предположить, что подобный порядок исчисления срока предварительного следствия должен распространяться и в случае обжалования решений прокурора об отмене постановления о приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного дела. Но логичен и последователен ли законодатель в своих идеях? Представляется, что нет, поскольку под сомнение ставится соблюдение такого принципа уголовного процесса, как законность. Попытаемся разобраться почему. В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ одно из требований, предъявляемых к решению следователя, равно как и к решениям других участников, – законность. Один из критериев законности – принятие решения надлежащим субъектом, и во всех других случаях на это указывает либо

решение о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, либо решение о принятии дела к производству.

Возникает вопрос: законны ли действия следователя по обжалованию решения прокурора об отмене постановления о приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного дела, равно как и о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями без решения о принятии уголовного дела к своему производству?

Более того, с подобной ситуацией может столкнуться и тот следователь, у которого уголовное дело с отмененным решением прокурором в производстве не находилось, а поступило к нему с соответствующим постановлением прокурора от руководителя следственного органа. Вправе ли этот следователь обжаловать решение прокурора, и будет ли он в этом случае надлежащим субъектом без принятия дела к своему производству? Представляется, что нет, ввиду того, что любая процессуальная деятельность должна происходить только в рамках срока предварительного следствия и лишь тем следователем, в производстве которого находится уголовное дело.

Таким образом, действующий УПК РФ, закрепив за прокурором право отмены постановлений следователя о приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного дела, не урегулировал порядок обжалования следователем этих решений, а также вопросы, связанные с исчислением срока предварительного следствия. Это позволяет констатировать факт недостаточности правового регулирования института обжалования следователем действий и решений прокурора, влекущий за собой проблемы в практической деятельности.

Сапожников М.С.

Управление ФСКН России
по Псковской области

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
АНАБОЛИЧЕСКИХ СТЕРОИДОВ, ПО ЗАЯВЛЕНИЮ О ПРЕСТУПЛЕНИИ**

При принятии процессуальных решений по фактам незаконных операций с анаболическими стероидами правоприменители сталкиваются с рядом проблемных вопросов, которые требуют осмысления.

УПК РФ предусматривает такие понятия, как повод и основание для возбуждения уголовного дела.

Перечень поводов ограничен законом (заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании).

Заявление о преступлении у законодателя находится на первом месте в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Под заявлением понимается сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, сопровождаемое просьбой о привлечении лица к уголовной ответственности.

Однако правоохранительные органы редко сталкиваются с заявлением как отправной точкой при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по делам, связанным с незаконным оборотом анаболиков. В Управлении ФСКН России по Псковской области заявления с просьбой привлечь сбытчиков анаболиков не подавались ни разу с момента начала функционирования органа.

Причин несколько. Прежде всего крайне ограничен круг лиц, осведомленных о противоправных операциях с анаболиками. При этом, как правило, граждане либо не осознают вредных последствий, либо заинтересованы в результатах незаконных сделок с анаболическими стероидами (например, являются покупателями). Естественно, отсутствует потерпевший. Но самое главное, законодательно не предусмотрен побудительный механизм для заявителя. В уголовном законе нет ответственности за хранение анаболических стероидов, равно как и за их приобретение без цели сбыта.

Отсюда – нет стимула их добровольно выдавать и изобличать сбытчика.

Незаконные операции с анаболическими стероидами осуществляются, как правило, в обособленной социальной группе – среди спортсменов. Поэтому требование закона об обязательном именном заявлении также не способствует желанию граждан, осведомленных о преступлениях, подавать их в правоохранительные органы.

Представляется возможным законодательно предусмотреть побудительный механизм к написанию заявлений – предусмотреть ответственность за немедицинское употребление анаболиков и возможность при их добровольной выдаче избежать таковую при указании на сбытчика.

Возможным стимулирующим механизмом в изобличении сбытчиков анаболических стероидов могло бы стать засекречивание данных заявителя, причем сразу с момента подачи заявления. В то же время нельзя согласиться с мнением ряда авторов¹ о необходимости рассматривать анонимные заявления в уголовно-процессуальном порядке, поскольку в данном случае не подразумевается ознакомление заявителя с уголовной ответственностью по ст. 306 УК РФ за заведомо ложный донос, что может послужить инструментом в неправомерном решении личных споров.

¹ Ермаков С.В., Макаренко Е.М. Возбуждение уголовного дела: проблемные вопросы // Российский следователь. 2015. № 6. С. 27-31.

Черняков М.М.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Анализ уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что незаконный оборот наркотических средств в местах лишения свободы невозможен без предварительной подготовки, изучения обстановки, создания ряда условий, способствующих достижению преступной цели и цели самосохранения.

На этапе изучения и оценки материалов оперативно-розыскной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела мы рекомендуем обращать внимание на необходимость установления в представленных материалах следующих обстоятельств.

1. Время, возникновения умысла на совершение преступления, время начала и окончания преступных действий.

В практической деятельности правоохранительных органов иногда встречаются нарушения, допускаемые при установлении времени совершения преступления, что является также проблемой доказывания при расследовании преступлений этого вида.

Необходимо обращать внимание, что при установлении времени совершения преступления для принятия обоснованного решения необходимо устанавливать как минимум точный месяц совершения преступления. Принимая решение о возбуждении уголовного дела, следователь должен исследовать вопрос о течении сроков давности совершенного преступления, так как в случае истечения этих сроков уголовно-процессуальный закон предписывает вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Анализ процессуальных документов показывает неправильную тенденцию в деятельности следователей – в качестве описания времени совершения преступления включать фразу «в период до...», который заканчивается датой непосредственно выявления преступления. Подобная фраза недопустима в постановлениях о возбуждении уголовного дела и тем более в постановлениях о привлечении лица в качестве обвиняемого.¹

Анализ судебной практики дает основания полагать, что результаты оперативно-розыскной деятельности должны содержать сведения не только о точном времени окончания преступления, но и максимально возможном периоде начала его совершения с целью исследования вопроса об истечении сроков давности и принятия законного и обоснованного решения в стадии возбуждения уголовного дела.

2. Место начала и окончания преступных действий с точностью до района населенного пункта (для определения подследственности и подсудности совершенного преступления), способ совершения преступления.

Специфика незаконного оборота наркотических средств в местах лишения свободы состоит, прежде всего, в приоритете элементов подготовки и сокрытия перемещения через зону дос-

мотра указанных предметов. Наиболее часто встречаются следующие способы перемещения через зону досмотра:

- с использованием транспортных средств, их конструктивных особенностей (полости и труднодоступные места);
- заказ в ходе переписки через Интернет и пересылка по почте с сокрытием в письмах, бандеролях, посылках;
- внутripолостной способ сокрытия наркотических средств, т.е. когда наркотические средства перемещаются внутри человеческого тела;
- иные способы сокрытия и перемещения.

Как показывает анализ уголовных дел, способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в местах лишения свободы, могут быть различны на этапе принятия решения в стадии возбуждения уголовного дела. Представляется необходимым оценить допустимость с точки зрения уголовно-процессуального законодательства источники добывания информации об обстановке совершения преступления.

Когда лицо непосредственно задержано за незаконный оборот наркотических средств в исправительных учреждениях, фиксацию факта совершения и выявления преступления целесообразно проводить способами, указанными в ст. 144 УПК РФ: получение объяснений у задержанного лица и очевидцев совершения и выявления преступления, получение образцов для сравнительного исследования, истребование предметов и документов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, путем производства следственных действий, проведение которых допустимо до возбуждения уголовного дела.

Проведение этих действий возможно следователем (дознавателем), а в случаях, предусмотренных ст. 157 УПК РФ, – начальником учреждения и органа ФСИН России, а равно лицом, назначенным им для проведения предварительной проверки по сообщению о преступлении.

Если непосредственное задержание лица не производилось, а лишь обнаружены признаки незаконного оборота наркотических средств, то данные о способе преступления возможно получить, как правило, из материалов, отражающих результаты оперативно-розыскных мероприятий. Установить способ незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях возможно и посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий уже в ходе предварительного расследования, но в этом случае

требуется отдельное поручение следователя в порядке ст. 152 УПК РФ. После легализации и представления результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в качестве доказательств, относящихся к иным документам, при условии, что будут получены в соответствии с требованиями законодательства.

3. Кроме установления объективной стороны незаконного оборота наркотических средств требуется установить умысел, цель и мотивы лиц, совершивших преступление.

Преступление этой категории возможно совершить только с прямым умыслом, поэтому на этапе проверки сообщения о преступлении мы рекомендуем документально оформлять пояснения лица о том, что ему было достоверно известно, какое вещество или предмет он перемещает в исправительные учреждения. При этом необходимо выяснить, приобретен данный наркотик для личного употребления или в целях сбыта на территории исправительного учреждения. Установление такого факта возможно при анализе материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, а также на последующем этапе расследования при проведении следственных действий.

4. Определение предмета преступления. Для определения и отнесения обнаруженных и изъятых веществ к наркотическим средствам необходимо направление изъятого вещества для проведения предварительного исследования либо судебной экспертизы. По уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств в исправительных учреждениях в распоряжении следователя (органа дознания) достаточно небольшой период времени для принятия процессуального решения. Иногда невозможно произвести экспертизу в короткие сроки ввиду отдаленности исправительных учреждений от места проведения экспертизы. В подобных случаях допустимо применение в условиях исправительных учреждений экспресс-анализов для отнесения исследуемого вещества к наркотикам и после принятия решения о возбуждении уголовного дела проведение экспертизы, так как результаты экспресс-анализов не представляется возможным впоследствии использовать в качестве доказательств.

5. Количество соучастников и распределение ролей.

Результаты изучения материалов уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств в исправительных учреждениях позволяют выделить следующие группы лиц по предваритель-

ному сговору, исходя из целевого назначения деятельности преступной группы:

- группа лиц по предварительному сговору с целью организации канала поступления наркотических средств на территорию исправительного учреждения, организатором которой выступает осужденный, отбывающий наказание на территории данного исправительного учреждения (42,4% из изученных уголовных дел);

- группа лиц по предварительному сговору с целью организации канала поступления наркотических средств на территорию исправительного учреждения и сбыта наркотических средств за пределами исправительного учреждения, в которой организатором выступает осужденный, отбывающий наказание в данном исправительном учреждении (10,6% из изученных уголовных дел);

- группа лиц по предварительному сговору с целью организации канала поступления наркотических средств на территорию исправительного учреждения, организатором которой выступает лицо, не отбывающее наказание в конкретном исправительном учреждении (5,06% из изученных уголовных дел);

- группа лиц по предварительному сговору с целью организации канала поступления наркотических средств на территорию исправительного учреждения и за пределами исправительного учреждения, в которой организатором выступает лицо, не отбывающее наказание в конкретном исправительном учреждении (3,2% из изученных уголовных дел);

- организованная преступная группа с целью сбыта наркотических средств в исправительных учреждениях (1,4% уголовных дел). Причем организаторами таких организованных преступных групп могут выступать как осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, так и персонал данных учреждений, а также иные лица, находящиеся за пределами исправительных учреждений.²

В работе следственных служб в стадии возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в исправительных учреждениях, как правило, приходится анализировать уже собранный сотрудниками других служб и ведомств материал с целью принятия законного и обоснованного решения.

Резюмируя изложенное, полагаем, что для достижения цели стадии возбуждения уголовного дела по делам о незаконном обороте наркотических средств в местах лишения свободы необходимо обращать внимание, что следователь должен более тщательно

анализировать материалы оперативно-розыскной или административной деятельности на предмет их соответствия требованиям федеральных нормативно-правовых актов и ведомственных приказов и своевременности проводимой проверки.

¹ Надзорное определение Верховного Суда РФ от 30.06.2011 № 45-Д11-14.

² Чернышенко Е.В. Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России : дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2014.

Александрова О.Ю.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Одним из фундаментальных методов исследования различных явлений, в том числе правовых, является метод структурно-функционального анализа. В соответствии с основными каноническими положениями структурно-функционального анализа любое явление правовой действительности можно рассмотреть с точки зрения структуры (в статике) и назначения или функции (в динамике). Постановление – правовое явление, которое также можно подвергнуть структурно-функциональному анализу, его можно рассматривать в трех аспектах: во-первых, постановление как процессуальный акт (структурный аспект); во-вторых, постановление как правовой институт (структурно-функциональный аспект); в-третьих, постановление как совокупность уголовно-процессуальных отношений (функциональный аспект).

Остановимся на первом из указанных аспектов. Так, в соответствии со ст. 7 УПК РФ требованиями, предъявляемыми к постановлению, выступают законность, обоснованность и мотивированность. Все указанные требования тесно взаимосвязаны, обуславливают друг друга, и отделить их друг от друга можно лишь умозрительно. Однако каждое названное требование имеет особенности и отражает различные стороны постановления, а нарушение любого из них приводит к тому, что система, элементами

которой и являются требования к внешней форме, неизбежно разрушается, что чревато отменой данного процессуального акта.

Требование законности к постановлению вытекает из общего принципа законности, который присущ всему уголовному судопроизводству, его стадиям и отдельным институтам. Законность постановления о возбуждении уголовного дела означает, что данный процессуальный акт предусмотрен уголовно-процессуальным законом; форма его изложения и существо принятого надлежащим компетентным участником уголовного процесса (следователем) решения соответствует закону; оно вынесено с соблюдением требований закона, регламентирующих основания, условия, порядок и последовательность совершения процессуальных действий следователя в стадии возбуждения уголовного дела.

Законность в качестве требования предусматривает также соблюдение следователем при вынесении постановления уголовного закона. Уголовно-правовой принцип гласит, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК РФ, применение уголовного закона по аналогии не допускается (ст. 3 УК РФ). При установлении основания для возбуждения уголовного дела следователь определяет наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, как минимум объекта и объективной стороны состава преступления. Так, при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических средств следователем органа наркоконтроля должны быть указаны вид и размер (значительный, крупный или особо крупный) наркотического средства. Объективная сторона преступления раскрывается в указанном постановлении путем указания на событие незаконного сбыта наркотического средства, а именно действий лица, направленных на возмездную (безвозмездную) передачу (любым способом) другим лицам наркотических средств; времени (периода, в течение которого совершались действия по незаконному сбыту), места (для п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ – следственного изолятора, исправительного учреждения, административного здания, сооружения административного назначения, образовательной организации; объекта спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена; общественного транспорта либо помещения, используемого для развлечений или досуга), способа совершения действий, направленных на незаконный сбыт (путем продажи, обмена,

дарения, уплаты долга, дачи взаймы, введения инъекций и т.д.; для п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ – использования средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет), а также обстановки, в которой совершено преступление. В случае установления субъекта преступления, которым является лицо, достигшее 16-летнего возраста, а при возбуждении уголовного дела по п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ – лицо, достигшее 18-летнего возраста на момент совершения преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, следователь указывает его фамилию, имя, отчество. Такие признаки, как его вменяемость, социально-демографические данные, характеризующие личность сведения (о судимости, отношении к труду, образе жизни, поведении в быту, возрасте, здоровье, трудоспособности, семейном положении, государственных наградах, поощрениях или взысканиях и т.п.), в постановлении о возбуждении уголовного дела не указываются, т.к. на момент его вынесения они, как правило, достоверно не установлены. Таким образом, постановление должно быть вынесено с точным соблюдением закона и только на основании закона.

Законность постановления, на наш взгляд, подразумевает его обязательность. Постановление следователя в стадии возбуждения уголовного дела обладает свойством обязательности, выражающимся в его безусловном, непременном исполнении всеми лицами и органами, интересы которых в нем затрагиваются. Обязательность обусловлена принятием данного процессуального акта должностным лицом государственного органа, от имени которого оно выносится, завершающим стадию возбуждения уголовного дела, позволяющим либо перейти в следующую стадию уголовного судопроизводства (предварительного расследования) либо не дать возможности начать судопроизводство при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела. Полагаем, свойство обязательности постановления определяет его внутреннюю форму (структуру) законности.

Требование обоснованности постановления. Понятие «обоснованность» является одним из дискуссионных в правовой науке. Полагаем, дискуссии, развернувшиеся вокруг данной научной категории, связаны с гносеологической сущностью явления. Прежде всего, достаточно сложно установить генетическую связь «обоснованности» и «достаточности», отражающую философские аспекты диалектического перехода количества в качество. Кроме

того, необходимо установить соотношение категорий «обоснованность» и «мотивированность».

Под обоснованностью постановления обычно понимают соответствие выводов следователя в постановлении фактическим обстоятельствам, установленным в ходе предварительной проверки сообщения (заявления) о совершенном или готовящемся преступлении и закрепленным в материалах данной проверки. Так, описание установленных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, носит не абстрактный, а конкретный характер. Оно должно соответствовать конкретным фактическим обстоятельствам совершенного незаконного сбыта наркотических средств: дате, времени, месту совершения деяния и другим в объеме, достаточном для принятия решения.

Останавливаясь на связи достаточности и обоснованности, стоит отметить, что при определении достаточности собранных сведений нет никаких четких количественных критериев, так как оценка достаточности осуществляется на основе внутреннего убеждения следователя органа наркоконтроля. Достаточность полученных в ходе предварительной проверки сведений о незаконном сбыте наркотических средств означает, что на основе данной их совокупности следователем может быть сделан достоверный вывод и принято соответствующее решение о возбуждении уголовного дела.

Обоснованность включает необходимость соответствия выводов следователя о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, материалам предварительной проверки и исключает внутренние противоречия в описательно-мотивировочной части постановления. Иными словами, требование обоснованности постановления относится ко всем выводам, логично вытекающим из фактических обстоятельств и соответствующим им.

Таким образом, на наш взгляд, достаточность полученных сведений составляет внутреннее содержание (внутреннюю форму) обоснованности постановления. Сама этимология слова «обоснованность» связана с оценкой достаточности чего-либо, в данном случае полученных в ходе предварительной проверки сведений для обоснования выводов о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. Но если достаточность сведений представляет внутреннее содержание обоснованности постановления, необходимо определить внешнюю форму обоснованности по-

становления. Полагаем, такой внешней формой выступает мотивированность постановления.

Полагаем, для определения сущности мотивированности необходимо обратиться к этимологии слова «мотивировка». Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова мотив – это побудительная причина, повод к какому-нибудь действию, под мотивировкой понимается совокупность мотивов, доводов для обоснования чего-нибудь, то есть четко просматривается внешнее выражение, проявление какой-нибудь потребности.

При вынесении постановления о возбуждении уголовного дела такой потребностью является принятие обоснованного решения по существу сообщения (заявления) о преступлении для решения вопроса об уголовном преследовании лица, совершившего незаконный сбыт наркотических средств.

Под мотивированностью постановления о возбуждении уголовного дела, полагаем, следует понимать логичное, рациональное и последовательное изложение суждений и доводов, имеющих внутреннюю связь, с использованием юридических конструкций, подтверждающих принятие процессуального решения, изложенных в нем в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Так, при описании объекта преступления о незаконном сбыте наркотических средств следователем обязательно указываются его вид и размер. Например: «героин (диацилморфин) включен в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации», и отнесен к наркотическим средствам, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации. Согласно примечанию № 2 к вышеуказанному перечню контроль распространяется на препараты, содержащие наркотические средства и психотропные вещества, указанные в настоящем перечне, независимо от их количества и наличия нейтральных компонентов (вода, крахмал, сахар, глюкоза, тальк и т.п.). В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических

средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229, 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» размер наркотического средства героин массой 1001 грамм является особо крупным размером». Таким образом, мотивированность постановления является выражением, то есть внешней формой его обоснованности.

Мотивированность в отличие от обоснованности означает фактическое, логическое и правовое обоснование выводов следователя по существу принимаемого процессуального решения, в частности о возбуждении уголовного дела. Содержание мотивированности обусловлено кругом вопросов, которые решаются вышеуказанным процессуальным актом, и поэтому требуют обоснования.

Таким образом, требованиями, предъявляемыми к постановлению о возбуждении уголовного дела, являются законность, обоснованность и мотивированность. Свойство обязательности постановления определяет внутреннюю форму (структуру) законности. Внешней формой обоснованности постановления выступает его мотивированность. Достаточность сведений представляет внутреннее содержание обоснованности постановления.

Карлов А.Л.

Сибирский юридический институт
ФСИН России (г. Красноярск)

**НЕОБХОДИМОСТЬ ВЫДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ПО ФАКТУ НЕОЧЕВИДНОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ
ПРОВЕДЕНИЮ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ**

Несомненно, борьба с организованными формами преступности в сфере незаконного оборота наркотиков имеет первоочередное значение, однако основой для «разрастания» сети наркосбытчиков выступают потребители, для которых наиболее характерным является совершение преступлений, расследование которых в соответствии с п. 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ осуществляется в форме дознания. Современные тенденции оптимизации, а также опыт применения особых судебных производств (гл. 40 и 40.1

УПК РФ) привели к введению нового процессуального института – дознание по уголовным делам в сокращенной форме (в УПК РФ введена новая глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме»)¹.

Следует отметить, что, несмотря на большие надежды, которые возлагались на данный институт правоприменителем, по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков «сокращения» досудебного производства по делу практически не произошло. Более того, практика выявила объективные препятствия его применения. Например: значительные временные затраты на проведение судебно-психиатрической экспертизы в случае, если имеются основания полагать, что подозреваемый страдает наркоманией; позиция надзирающих прокуроров, требующих производить весь комплекс следственных действий, и др.

Одним из таких препятствий, на наш взгляд, выступает необходимость выделения уголовного дела по факту неочевидного сбыта наркотиков из дела, расследуемого в форме сокращенного дознания. Практически в каждом случае расследования уголовных дел о приобретении, хранении, перевозке наркотических средств, руководствуясь п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, дознаватели принимают решение о выделении в отдельное производство уголовного дела по факту сбыта наркотических средств, после чего передают данное уголовное дело по подследственности в орган предварительного следствия.

Представим ситуацию, при которой уголовное дело в отношении приобретателя наркотического средства расследовалось в форме сокращенного дознания; согласно положениям ч.ч. 1 и 2 ст. 226.5 УПК РФ доказательства в таком случае собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. Необходимо отметить, что данная норма толкуется по-разному, и как следствие объем доказательств по делам, расследуемым в форме сокращенного дознания, в разных территориальных органах ФСКН России существенно различается.² Так, при наличии предварительно полученных объяснений в 20% случаев последующие допросы сотрудников оперативных подразделений, участвовавших в изъятии наркотического средства, не производятся; 43% изученных материалов сокращенного дознания содержат сведения о проведении допроса только одного из сотрудников, участвовавших в выявлении и документировании преступления, и лишь по 37% уголовных дел допрошены

все (в большинстве случаев два и более) сотрудники оперативных подразделений.

Следовательно, в рамках данного уголовного дела дознаватель получает минимально необходимые доказательства – показания подозреваемого, заключение судебной экспертизы, объяснения (показания) лиц, присутствовавших при изъятии наркотика, объяснение (показания) сотрудников, производивших изъятие наркотика. Далее дознаватель принимает решение о выделении в отдельное производство уголовного дела по факту сбыта наркотика и передает его по подследственности.

Следователь, принявший к производству выделенное уголовное дело, обязан произвести весь комплекс действий, направленных на установление лица, совершившего сбыт, для чего он вынужден повторно выяснять обстоятельства приобретения наркотика, но уже не в сокращенном, а в полном объеме, так как даже если сбытчик не будет установлен, решение о приостановлении производства по делу может быть принято только после выполнения всех следственных действий, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого (ч. 5 ст. 208 УПК РФ).

В рамках выделенного уголовного дела следователю необходимо произвести проверку показаний на месте с приобретателем (распространены случаи выезда на место нахождения терминала оплаты, проверка показаний в части заказа наркотика в сети Интернет), получить и проанализировать детализацию его телефонных соединений и др. Соответственно, фактически одни и те же обстоятельства исследуются сначала дознавателем, а затем следователем, что представляется нерациональным с точки зрения распределения нагрузки, а также задействованных сил и средств.

В результате проведенного интервьюирования стало известно, что в большинстве случаев руководители территориальных органов ФСКН России, несмотря на сокращенную форму дознания, вынуждены поручать дознавателям производить все необходимые следственные действия (в том числе связанные с установлением факта сбыта) для последующего приобщения в копии данных материалов к выделенному уголовному делу, то есть дознаватель работает «на перспективу» последующего выделения уголовного дела и принятия по нему решения следователем. С учетом общих задач и целей органов предварительного следствия и дознания такой подход можно признать оправданным, однако его применение полностью исключает все привилегии дознания в сокращенной

форме. Сокращенное дознание в таком случае попросту теряет смысл для дознавателя, становится для него лишней обузой как с точки зрения процессуальных сроков, так и в связи с необходимостью оформления дополнительных документов (для реализации положений гл. 32.1 УПК РФ в обязательном порядке к материалам дела приобщаются письменное ходатайство подозреваемого, постановление дознавателя об удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме и др.).

Как было указано, иной подход сократит объем работы дознавателя, но при этом существенно увеличит силы и средства, затраченные следователем, повлечет необходимость вызова и дополнительного допроса свидетелей, производства иных следственных действий по прошествии значительного промежутка времени. Таким образом, решение рассматриваемой проблемы может быть связано с проведением дознания в сокращенной форме только по делам, по которым не предполагается выделение уголовного дела.

Подводя итог, можно констатировать, что при проведении дознания в сокращенной форме по делам о приобретении и хранении наркотических средств процессуальная экономия может иметь место только если рассматривать дознание изолированно от последующей деятельности, связанной с расследованием незаконного сбыта наркотиков. Оценка всех этапов расследования в целом (связанных как с приобретением, так и со сбытом наркотических средств) не позволяет говорить о какой-либо экономии сил и средств. Соответственно, применение сокращенного дознания по рассматриваемым делам не отвечает заявленному назначению данного процессуального института, более того, его реализация влечет необходимость выполнения всех действий, которые выполняются при производстве дознания в полной форме, в условиях сокращенных сроков.

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

² Исследованы обвинительные постановления, полученные из 40 территориальных органов ФСКН России.

Меремьянина О.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ПОДМЕНЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

1. В соответствии с положениями ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу» решения, принимаемые дознавателем, следователем при производстве предварительного расследования, должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Решения о производстве следственных действий не являются исключением. Напротив, поскольку они являются основным способом собирания доказательств по уголовным делам, решение об их производстве всегда должно основываться на сведениях, содержащихся в материалах уголовного дела.

2. В УПК РФ достаточно подробно описана форма закрепления решений, а также требования, предъявляемые к структуре соответствующих процессуальных документов. Что касается содержания решений, т.е. фактических оснований их принятия, то здесь следует отметить недостаточность, а в ряде случаев отсутствие законодательного регулирования.

3. В большинстве случаев при обозначении фактических оснований в УПК РФ используется терминология дозволения. Это, во-первых, не способствует единообразному пониманию характера имеющихся предписаний и их последующему применению. Во-вторых, приводит к формированию стереотипа в оценке имеющихся сведений, их пригодности или непригодности для принятия решений о производстве следственных действиях. За рамками внимания правоприменителя оказываются не только вопрос о возможности и целесообразности производства какого-либо следственного действия, но и оценка самой возможности извлечения доказательственной информации посредством его проведения в конкретных условиях.

4. Анализ положений статей, содержащихся в главах 24-27 УПК РФ, позволил выделить следующие способы закрепления фактических оснований производства следственных действий:

1) с использованием относительно-определенных терминов (терминология дозволения). Одной из разновидностей относительно-определенных норм считаются правовые предписания, в

содержание которых входят оценочные выражения¹: при наличии достаточных данных (ст. 182, 183 УПК РФ); при наличии достаточных оснований (ст. 184, 185, 186 УПК РФ); может быть (ст. 179, 193 УПК РФ); признав необходимым (ст. 178, 195 УПК РФ);

2) смешанный способ, заключающийся в использовании терминологии дозволения и указании одного (либо нескольких) элементов, составляющих познавательную структуру следственного действия. Например, в ст. 179, 181, 184, 194 УПК РФ содержится указание на цель следственных действий, в сочетании с терминологией дозволения:

– освидетельствование – «Для обнаружения на теле человека..., выявления состояния опьянения ... может быть произведено...»;

– следственный эксперимент – «... в целях проверки и уточнения данных... следователь вправе...»;

– личный обыск – «При наличии оснований и в порядке... в целях обнаружения и изъятия...»;

– проверка показаний на месте – «В целях установления новых обстоятельств ... показания... могут быть проверены или уточнены...».

По этому поводу суждение о том, что «...закрепить в законе все формальные признаки, дать точное описание всем явлениям правовой жизни невозможно... Использование относительно определенных предписаний позволяет добиться полноты уголовно-процессуального закона, делает его текст лаконичным, компактным»² представляется справедливым, но лишь отчасти, поскольку в деятельности органов предварительного расследования, суда возникают сложности из-за отсутствия законодательного определения оценочных понятий³, так как субъект познания вкладывает в них смысл, соответствующий его личным представлениям о свойствах какого-либо явления⁴. Относительно производства следственных действий необходимость законодательного ограничения пределов усмотрения при принятии решений об их производстве объясняется их особым статусом в числе других средств доказывания.

5. Существующие недостатки законодательного регулирования фактических оснований следственных действий и их целей приводят к необходимости исходить при принятии соответствующего решения из результатов, полученных в процессе обобщенного анализа конкретной статьи о каждом из них.

В правоприменительной деятельности зачастую значение фактических оснований подменяется значением цели и наоборот.

Отсутствие соответствующего разграничения между данными категориями объясняет существующую практику подмены одного следственного действия другим – менее трудоемким, которое не приведет к созданию или усугублению конфликтной ситуации в расследовании и т.д. Например, очная ставка подменяется предъявлением для опознания лица; осмотр и прослушивание фонограммы, полученной в результате прослушивания телефонных переговоров с участием лица, чьи переговоры прослушивались, подменяют назначение и производство соответствующих криминалистических экспертиз; осмотр места происшествия – обыск; в некоторых случаях допрос свидетеля напоминает процедуру предъявления для опознания по голосу и др.

6. В процессе изучения уголовных дел о наркопреступлениях мы пришли к выводу о том, что при принятии решений о производстве следственных действий не последнюю роль играет сложившаяся практика расследования преступлений определенного вида в конкретном территориальном органе – алгоритм расследования, определяющий не только порядок расследования, но и последовательность проводимых следственных действий.

Следуя «традициям», следователь не дает оценку имеющимся в материалах уголовного дела сведениям, равно как не анализирует познавательные возможности следственных действий. Имея представление о том, какие конкретно следственные действия должны быть выполнены, он (следователь) подбирает подходящие для этого основания.

7. Следователи считают подобный подход допустимым по причине того, что следственные действия характеризуются единой познавательной направленностью. С этим мнением можно согласиться, но познавательная направленность присуща всему процессу расследования в целом. Однако методы, лежащие в основе проведения каждого конкретного следственного действия (группы следственных действий), с помощью которых может быть (без ущерба) извлечена искомая информация (сведения), не позволяют отождествлять познавательную структуру (в части цели проведения, а значит, и фактических оснований) каждого из них со всеми остальными.

Таким образом, необходимо не отождествлять следственные действия друг с другом, а классифицировать для объединения в группы, близкие по предназначению и характерным признакам получения доказательственной информации, с целью образования

такой их системы, которая отвечала бы назначению уголовного судопроизводства.⁵

¹ См., напр.: Питецкий В.В. Соотношение формальной определенности и гибкости Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. // Актуальные проблемы правоприменительной практики в связи с принятием нового Уголовного кодекса Российской Федерации. Красноярск, 1997. С. 48.

² Марфицин П.Г., Безруков С.С. Относительная определенность в уголовно-процессуальном праве и пределы усмотрения следователя : учебное пособие. Омск, 2001. С. 217-220.

³ Интересны в этом плане результаты исследования, проведенного П.Г. Марфициным. Опрос следователей показал, что большинство из них (93%) сталкиваются с затруднениями при применении уголовно-процессуальных норм, содержащих оценочные понятия. См. подр.: Марфицин П.Г. Указ. раб. С. 159.

⁴ Дубовицкий В.Н. Законность и усмотрение в советском государственном управлении. Мн., 1984. С. 64.

⁵ Францифоров Ю.В. Особенности классификации следственных действий // Российский следователь. 2010. № 24.

Баркова Т.В.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ЭКСПЕРТИЗ

Качество подготовки судебной экспертизы – условие обеспечения качества ее производства. Для решения идентификационных задач в ходе экспертных исследований необходимы образцы, получение которых имеет множество нюансов как процессуального, так и тактического характера. Вместе с тем при проведении расследования иногда допускается смешение понятий «образец для сравнения», «сравнительный образец», «объект исследования», «контрольные образцы», «пробы», «образцы-эталоны».

Под образцом для сравнительного исследования понимается материальный объект, используемый для сравнения с вещественными доказательствами в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела. Получение образцов для сравнительного исследования является самостоятельным следственным действием, регламентировано ст. 202 УПК РФ.

Образцами для сравнительного исследования могут быть продукты жизнедеятельности организма и другие биологические объекты человека (кровь, слюна, сперма, волосы и т.д.); объекты, отражающие психофизиологические особенности письма, походки, иных навыков, закрепленных в высшей нервной системе в виде динамического стереотипа многократно повторяемых действий (образцы почерка; вид и форма завязывания узла; вид, манера формирования упаковки объекта); материально фиксированные отображения проверяемых объектов (образцы обуви, отпечатки пальцев). Образцы могут быть *результатом экспериментальных процессов и действий* и быть получены от орудий, предметов, транспортных средств.

В зависимости от вида судебной экспертизы образцы классифицируют на: *необходимые для производства судебно-медицинской экспертизы* (образцы крови, волос, слюны и т.п.); *необходимые для производства криминалистических экспертиз* (образцы почерка, голоса отпечатки пальцев и др.)

В качестве образцов могут использоваться так называемые эталоны – предметы из специальных коллекций. Данные образцы не несут признаков конкретных объектов, они характеризуют признаки подобных объектов и применяются при решении вопросов групповой принадлежности, классификационных задач, а также некоторых диагностических, связанных со свойством объектов.¹

Категорически недопустимым является смешение понятий «сравнительный образец» и «объект исследования». Наиболее часто это происходит при изъятии подногтевого содержимого и смывов у живых лиц, изъятии волос у подозреваемых (обвиняемых) с целью обнаружения следов выстрела и иных веществ, в том числе наркотических. Нередко следователи осуществляют изъятие указанных объектов, руководствуясь ст. 202 УПК РФ, что является недопустимым, поскольку они являются не сравнительными образцами, а относятся к категории непосредственных объектов исследования, так как представляют собой уникальный комплекс микрочастиц и различных веществ (волокна, кровь, эпителиальные клетки, частицы почвы и т.п.), подлежащий идентификации. Получение данного вида материальных объектов может быть осуществлено в ходе освидетельствования, поскольку данное следственное действие проводится в соответствии со ст. 179 УПК РФ, в частности для обнаружения на теле освидетельствуемого следов преступления. Еще один процессуально допустимый спо-

соб получения сравнительных образцов – получение их экспертом на основании ч. 2 ст. 202 УПК РФ.

Основные требования, предъявляемые к образцам: соблюдение процессуального порядка их получения, несомненность происхождения от идентифицируемого объекта, достаточное количество, качество. У подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, а также лиц, не имеющих процессуального статуса (в связи с назначением судебной экспертизы в рамках доследственной проверки), сравнительные образцы отбираются в порядке ст. 202 УПК РФ. Качество сравнительных образцов обеспечивается путем выполнения соответствующих криминалистических рекомендаций, в идеале с помощью специалистов.

Необходимо помнить, что ст. 202 УПК РФ регламентирует получение сравнительных образцов только у живых лиц. Недопустимым является получение в соответствии с указанной нормой сравнительных образцов в случаях необходимости идентификации животных и любых материальных объектов, поскольку образцы в рассматриваемой ситуации могут быть получены только в ходе следственного осмотра.

Условия правомерного получения образцов: образцы для сравнительного исследования могут быть получены только после возбуждения уголовного дела, только у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего, то есть у лиц, имеющих соответствующий процессуальный статус; не допускается использовать принуждение для получения образцов, связанных с действиями самого проверяемого; при получении образцов для сравнительного исследования запрещается применять действия, могущие причинить вред жизни и здоровью проверяемого лица; запрещается в ходе получения образцов для сравнительного исследования использовать методы, унижающие честь и достоинство лица.²

Вопрос о получении образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке до принятия УПК РФ носил дискуссионный характер. По мнению отдельных ученых, изъятие образцов в исключительных случаях может осуществляться и принудительно. «Под исключительными нужно понимать такие ситуации, когда без образцов в процессе расследования невозможно решить задачи уголовного судопроизводства, то есть когда образцы являются незаменимыми и их наличие имеет решающее значение в доказывании виновности лица и защиты прав и законных интересов потерпевших»³.

Сравнительным образцом для идентификации любых биологических следов человека является образец его крови. Для идентификации неопознанного трупа или останков предоставляются образцы крови его предполагаемых кровных родственников (родители, дети), забор крови производит специалист-медик. Забор образца крови трупа производит судебно-медицинский эксперт при вскрытии.

На возможность принудительного получения сравнительных образцов биологического происхождения опосредованно указывается и в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», где в ч. 2 ст. 35 закреплена процедура получения образцов у живых лиц, направленных на экспертизу. Учитывая, что добровольность при назначении экспертизы, при которой могут быть получены образцы биологического происхождения, предусмотрена только для свидетелей (ч. 4 ст. 195 УПК РФ), присоединяемся к мнению тех ученых, которые считают, что принудительный характер получения образцов для сравнительного биологического исследования следует распространить на потерпевших, подозреваемых и обвиняемых.

При назначении отдельных видов судебных экспертиз, в первую очередь тех, задачами которых является исследование материалов и веществ, изымаемых путем производства смывов, в обязательном порядке эксперту предоставляются в качестве контрольных образцов чистые фрагменты материалов, использовавшихся для такого изъятия. Также в качестве контрольных образцов предоставляются пробы веществ, отобранные за пределами места происшествия, образцы с поверхности носителя вне зоны следов, части предметов-носителей, образцы материалов от одежды, обуви, различных вспомогательных материалов (ваты, марли, бумаги и т.п.). Предоставление эксперту контрольных образцов является обязательным, поскольку с их помощью эксперты определяют источники примесей, загрязнений.

По делам, связанным с незаконным распространением наркотических средств, при обыске или при задержании подозреваемого могут быть изъяты обувь или различные сельскохозяйственные орудия со следами загрязнения, почвы или растительности. Для решения вопроса, не находилось ли это лицо на участке произрастания наркотикосодержащих растений или не использовались ли изъятые сельскохозяйственные орудия для обработки

почвы на этом участке, в его распоряжение необходимо предоставить образцы этой почвы.

При расследовании преступлений, связанных с незаконным культивированием растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, назначаются судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств. Объектами таких исследований являются кровь, моча, слюна, волосы, смывы с рук, ногти. Для того чтобы провести исследование на наличие в крови наркотических средств, необходимо провести отбор проб крови. Отбор проб крови производит специалист – медицинский работник.

Лучшим доказательством недавнего употребления наркотиков является исследование слюны. Именно в слюне быстрее происходит концентрация наркотических средств. Отбор слюны производят также медицинские работники, собирая ее на марлевые тампоны.

Исследование ногтевых срезов позволяет установить не только факт разового употребления наркотиков, совершение определенным лицом действий по их изготовлению, но и продолжительность этих действий.

При соприкосновении с наркотическими средствами на руках остаются их частицы. Так, при изготовлении наркотиков путем просеивания, перемалывания, прессования и т.д. частички наркотикосодержащих растений остаются не только на предметах, используемых для получения готового продукта, но и на ладонях, пальцах рук. Поэтому для определения причастности конкретного лица к незаконным действиям с наркотическими средствами, в том числе и растительного происхождения, с его рук делают смывы и направляют на экспертное исследование. При этом выявление наркотических средств в смыве с рук и в то же время отсутствие их в волосах и ногтевых срезах может указывать на то, что данное лицо являлось распространителем или сбытчиком наркотиков.

Не все следователи, назначающие судебные экспертизы, отчетливо себе представляют, какие образцы необходимы и как их правильно получить, и, что не менее важно, – сохранить для исследований, в связи с чем необходимо обращаться за помощью к специалистам различного рода, профиля.

¹ Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях. М.: Прогресс, 2014. С. 187.

² Карлов В.Я. Криминалистика: тезаурус-словарь и схемы. М.: Альфа-Пресс, 2011.

³ Арутюнов А.С. Соотношение процессуального аспекта получения образцов для сравнительного исследования и тактики назначения и производства биологической экспертизы тканей и выделений человека, животных // Общество и право. 2008. № 1.

Гончаров Е.В.,

кандидат технических наук
Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

Клемичев Р.В.

Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

Артюх И.Н.

Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

**ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ РЕАКЦИОННЫХ МАСС
ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕЗАКОННЫХ ЛАБОРАТОРИЙ
ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ**

В последнее время происходит все больший сдвиг структуры наркорынка в сторону увеличения доли синтетических наркотических средств и психотропных веществ. При этом часть таких веществ достаточно легко можно синтезировать не только в специализированных лабораториях органического синтеза, но и в кустарных условиях. Более того, в последние годы зафиксированы случаи изъятия из оборота так называемых «конструкторов».¹ «Конструктор» представляет собой набор не находящихся под государственным контролем химических реактивов и материалов, необходимых для изготовления какого либо наркотического средства. При этом зачастую продавцы подобных конструкторов снабжают покупателя «рецептом» – схемой синтеза с пошаговой инструкцией, что делает знание химии в целом и приемов органического синтеза в частности необязательным. Нужно просто следовать рецепту, как в кулинарной книге, и синтез психоактивного вещества удастся. На территории Красноярского края зафиксировано изъятие «конструкторов» для изготовления психотропного

вещества амфетамин и его производного 4-фторамфетамин, а также производного наркотического средства 3-бутаноил-1-метилиндол, а именно (1-(5-фторпентил)-1Н-индол-3-ил)(2,2,3,3-тетраметилциклопропил) метанон (ТМСР-2201) и производного наркотического средства N-метилэфедрон, а именно 2-пирролидиновалерофенон (синоним: 2-PVP).

За последние 10 лет на территории Красноярского края пресечена деятельность незаконных лабораторий по изготовлению следующих веществ: психотропного вещества амфетамин², наркотических средств дезоморфин, МДА (тенамфетамин) и метамфетамин.

В ходе ликвидации деятельности подобных лабораторий при проведении осмотра места происшествия изымается большая номенклатура реактивов и материалов. Зачастую в ходе обыска обнаруживаются емкости с реакционной массой на различных стадиях синтеза. В случае обнаружения подобных емкостей с целью сохранения здоровья и имущества сотрудников и участвующих лиц, следует привлечь к оперативно-розыскному мероприятию сотрудника экспертно-криминалистического подразделения со специальностью «экспертиза наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ» (далее – эксперт-химик). Эксперт-химик, прибыв на место происшествия, должен провести предварительную оценку находящихся веществ и материалов на месте происшествия, предположить, на какой стадии находится процесс синтеза, не угрожает ли контакт с реакционной массой жизни и здоровью окружающих, дать рекомендации по упаковке и изъятию как реакционной массы, так и реактивов.

Невыполнение этих действий может повлечь острые отравления непосредственно при вдыхании продуктов реакций, повреждение органов зрения, а также химические и термические ожоги разной степени при попадании агрессивных веществ на кожные покровы.

При упаковке реакционной массы следует руководствоваться следующими общими правилами:

- использовать средства индивидуальной защиты, работать только в перчатках, в случае необходимости в защитных масках;
- исключить протекание, разливание агрессивных жидкостей, их нагревание;
- если реакционная масса обнаружена в стеклянной посуде, не обязательно химической, следует изъять ее вместе с посудой;

- если реакционная масса обнаружена в металлической эмалированной таре, следует изъять вместе с тарой;
- если реакционная масса обнаружена в металлической не эмалированной таре, следует ее упаковать в другую емкость;
- если реакционная масса обнаружена в полимерной емкости, необходимо установить природу полимера, определиться с устойчивостью данного полимера к агрессивным средам и необходимостью переупаковки.

Для упаковки реакционной массы наиболее подходящей является стеклянная тара. Стекло наиболее стойкий материал к агрессивным веществам, которые можно встретить в лабораториях по изготовлению наркотических средств и психотропных веществ. Для дополнительной сохранности объекта следует стеклянную тару поместить в полиэтиленовый пакет.

В случае если отсутствует возможность использования стеклянной тары, следует выбрать тару из полиэтилена, а не из более доступного полиэтиленотерифталата, последний неустойчив к действию растворов щелочей, которые достаточно часто можно встретить в лабораториях по изготовлению наркотических средств и психотропных веществ.

¹ Потаскуев В.Л., Румянцев А.А. Об использовании наборов химических реактивов для изготовления психоактивных веществ // Антинаркотическая безопасность. 2014. № 1. С. 102-107.

² Дюгаев К.П., Гончаров Е.В., Мельников Е.Б. Незаконный оборот амфетамина на территории Красноярского края // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и нелегального оборота наркотиков : материалы XV международной научно-практической конференции (5-6 апреля 2012 г.). Красноярск: СибЮИ ФСИН России, 2012. Ч. 3. С. 63-67.

Мельников Е.Б.,

кандидат химических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ АНАЛОГОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В настоящее время актуальным остается вопрос выработки единого подхода к исследованию аналогов наркотических средств и психотропных веществ. Практика решения такой задачи в экспертно-криминалистических подразделениях территориальных органов ФСКН России носит существенные отличия. В связи с этим остается актуальным создание общей схемы решения экспертной задачи по исследованию аналогов наркотических средств и психотропных веществ.

Общая методика экспертного исследования аналогов наркотических средств и психотропных веществ может быть построена по алгоритму исследования веществ неизвестной природы. Этот алгоритм включает в себя комплекс последовательных операций, суть которых сводится к решению следующих задач:

- определение индивидуальных особенностей исследуемого объекта;
- определение качественного, а в ряде случаев и количественного состава;
- криминалистическая интерпретация полученных результатов.

Представляется, что предложенная схема обладает необходимой универсальностью и позволяет решить вышеуказанную экспертную задачу.

Определение индивидуальных особенностей исследуемого объекта проводится для выявления морфологических и микроморфологических особенностей, способных ориентировать эксперта на выбор наиболее эффективных методов исследования.

Внешний осмотр и органолептическое исследование: определяются цвет исследуемого объекта, его консистенция, запах, степень измельчения, наличие посторонних примесей (которые при необходимости подлежат дальнейшему исследованию).

Исследование методами оптической микроскопии проводится с целью установления микроморфологических особенностей исследуемого объекта. При этом используются оптические микроскопы,

например марок МБИ и МБС, либо аналогичные микроскопы зарубежного производства. В таких условиях четко выявляются растительные элементы растений для растительных смесей, морфологические особенности кристаллических субстанций или разнородность компонентов механических смесей и другие признаки.

Основным методом криминалистического исследования аналогов наркотических средств и психотропных веществ для определения их качественного состава в настоящее время является метод хромато-масс-спектрометрии. Данный метод получил наиболее широкое распространение в судебной экспертизе наркотических средств и психотропных веществ в силу того, что он позволяет исследовать вещества, входящие в состав сложных смесей, без их предварительного разделения, а также предоставляет возможность получения достоверного результата за короткий промежуток времени.

Однако в практической деятельности эксперта возникают некоторые затруднения, связанные с выбором условий хромато-масс-спектрометрического исследования. В первую очередь они возникают потому, что предложить методику, содержащую универсальные условия хроматографического исследования для всех видов подконтрольных веществ, практически невозможно. В специальной литературе, посвященной исследованию отдельных видов и даже групп наркотических средств, приводятся условия анализа для каждого из них, воспроизведенных на конкретных моделях приборов и хроматографических колонок. Однако они являются подходящими для исследования именно тех веществ, которым посвящена публикация, и могут оказаться не пригодными для исследования веществ иной химической природы. В этой связи в экспертных подразделениях, как правило, разрабатывается некая универсальная скрининговая методика анализа, рассчитанная на максимально широкий спектр веществ, которые можно проанализировать на имеющемся в распоряжении оборудовании, а также несколько методик для более узких групп веществ.

С появлением широкого спектра синтетических каннабиноидов в качестве объектов экспертного исследования ситуация начала усложняться, а используемые ранее универсальные скрининговые методики исследования оказались неэффективными. Это связано с тем, что некоторые синтетические каннабиноиды имеют высокие значения индексы удерживания и как следствие значительное время пробега. Чтобы решить данную проблему, эксперты при программировании температуры колонки просто увеличивают время

выдержки образца при максимальной температуре и тем самым увеличивают аналитический период до 60 и более минут. Такой подход позволяет решить задачу установления конкретного вещества, но вместе с тем значительно увеличивает время выполнения исследований. При проведении оперативно-розыскных мероприятий это обстоятельство в ряде случаев оказывается крайне важным, особенно в ситуациях, когда количество аналитических образцов значительно. В такой ситуации любое ускорение аналитического процесса становится ценным в практическом отношении.

В настоящее время не существует единых для всех экспертных учреждений методик, содержащих сведения об универсальных аналитических условиях проведения скрининговых исследований на различных моделях хроматомасс-спектрометров.¹ Однако именно они и подвергаются оптимизации в целях отыскания режимов, приводящих к уменьшению аналитического периода².

Криминалистическая интерпретация полученных результатов проводится после получения данных о химическом строении компонентов проб, полученных в ходе хроматографирования при проведении скрининговых и основных аналитических операций. В случае нахождения масс-спектров выявленных компонентов в электронных библиотеках аналитического прибора получить сведения об их структуре, используя соответствующие названия в рамках международной химической номенклатуры, не представляет особых сложностей. В противном случае поиск масс-спектров выявленных веществ в справочной литературе может занять достаточно продолжительное время и не всегда приводит к успеху. Для решения этой проблемы приходится реализовывать общую методику исследования состава смеси веществ неизвестной природы. Следует отметить, что подобная методика может быть использована только в случаях достаточного количества вещества. Она требует большого количества аналитических образцов и препаративного выделения отдельных компонентов достаточной чистоты, что приводит к потерям аналитического материала. В ходе исследования может использоваться широкий спектр методов препаративной органической химии, которые подбираются отдельно в каждом конкретном случае. После получения чистых компонентов смеси их структура может быть установлена методами ЯМР-спектроскопии и в исключительных случаях рентгеноструктурного анализа.

Следующим этапом исследования является определение места конкретной структуры в современной химической классифика-

ции каннабиноидов³, на основании которой можно провести первичное отнесение к определенной категории подконтрольных веществ и приступить к детальному анализу структуры.

Для этого предлагается следующий алгоритм исследования:

- выделение в структуре молекулы относительно крупных структурных фрагментов, определяющих ее отнесение к основным классам органических соединений;
- установление местоположения и характера связей, соединяющих структурные фрагменты между собой;
- подбор группы структурных аналогов и выбор среди них наиболее близкого по структуре.

В ходе реализации заключительного этапа аналитической работы рекомендуется руководствоваться следующими принципами. Во-первых, различия в строении углеродного скелета должно быть минимальным. Во-вторых, замененные на атомные группировки водородные атомы не должны содержать функциональные группы, значительно изменяющие физические и химические и как следствие, биологические свойства вещества. В-третьих, в случае установления максимального сходства структуры осуществить проверку на ее соответствие категории производных наркотических средств и психотропных веществ. Реализация предложенных подходов может позволить во многом облегчить процесс установления структурного сходства в ходе решения задачи отнесения конкретных веществ к категории аналогов наркотических средств и психотропных веществ.

¹ Шевырин В.А., Мелкозеров В.П., Торицин А.В. Экспертное исследование некоторых веществ из ряда 3-нафтоилиндола, 3-фенилацетилиндола и 3-бензоилиндола: методические рекомендации, утвержденные 30 июля 2010 г. на 26-ом заседании Федерального межведомственного координационно-методического совета по судебным экспертизам и экспертным исследованиям. Екатеринбург, 2011; 3-Нафтоилиндазолы и 2-нафтоилбензимидазолы – новые группы синтетических каннабиноидов: химическая структура, аналитические характеристики и идентификация первых представителей в составе курительных смесей, а также обнаружение некоторых метаболитов в моче // Бутлеровские сообщения. 2012. Т. 37. № 1. С. 156-169.

² Гончаров Е.В., Клемичев Р.В. Условия хроматографирования при исследовании психоактивных веществ // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей : материалы XVIII международной научно-практической конференции (16-17 апреля 2015 г.) : в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев; СибЮИ ФСКН России. – Красноярск: СибЮИ ФСКН России 2015. Ч. 2. С. 107-110.

³ Шевырин В.А., Мелкозеров В.П. Экспертное исследование синтетических каннабиноидов. Общая схема определения. Производные индол- и индазол-3-карбоновых кислот: методические рекомендации / Управление ФСКН России по Свердловской области. Екатеринбург, 2014. С. 5.

Климович Л.П.,

кандидат экономических наук,
доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

МЕТОДЫ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, ПРОВОДИМОЙ В ОРГАНАХ НАРКОКОНТРОЛЯ

В экспертно-криминалистических подразделениях органов по контролю за оборотом наркотиков (далее – ЭКП), относящихся к компетенции судебных экспертов-экономистов, выполняются экономическая и экономико-стоимостная экспертизы.¹ Назначение и производство судебных экономических экспертиз при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, из года в год становится все более востребованным способом собирания доказательственной информации. Так, за 2015 г. увеличение числа экспертных экономических исследований в ЭКП органов наркоконтроля составило 20% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Такая динамика обусловлена прежде всего тем, что в последние годы все большее распространение получают преступные схемы сбыта наркотических средств бесконтактным способом посредством «тайников-закладок» и проведением оплаты за наркотики с использованием различных платежных инструментов, в том числе электронных платежных систем, с последующим их обналичиванием и вовлечением в совершение сделок с недвижимостью и другим имуществом.

Учитывая, что судебная экономическая экспертиза играет важную роль в расследовании преступлений и в основу судебного решения могут быть положены выводы такой экспертизы, немаловажное значение приобретает качество проводимого экспертного исследования, которое в определенной степени зависит от уровня научно-методического обеспечения судебной экономической экспертизы и компетентности судебного эксперта-экономиста в применении различных приемов и методов экспертного экономиче-

ского исследования. Компетентность эксперта в этом аспекте во многом зависит не только от его индивидуального уровня квалификации, но и от качества его профессиональной подготовки, которая должна базироваться на фундаментальных положениях теории и методики судебной экономической экспертизы. В связи с этим познание методов судебной экономической экспертизы, основанное на анализе материалов экспертной практики, является актуальным направлением исследования.

Метод судебной экономической экспертизы (как класса судебных экспертиз) представляет совокупность применяемых экспертом методических приемов (сформированных на основе общенаучных методов, методов информационно-аналитических и экономико-правовых наук) исследования зафиксированной на материальных носителях информации о содержании учетных и экономических операций, связанных с противоправной деятельностью. Выбор метода исследования в судебной экономической экспертизе определяется особенностями решаемых экспертных задач и спецификой объектов исследования.

Исходя из определения, система методических приемов судебных экономических экспертиз может быть представлена как трехуровневая система, включающая общенаучные методы, частнонаучные методы, специальные судебно-экспертные методы.

1. Общенаучные методы. Методы научного познания являются основополагающими для всей создаваемой системы методов. Так, моделирование как научный метод является базовым и в бухгалтерском учете, и в экономическом анализе, а также, согласно теоретическому обобщению В.К. Степутенковой,² является одним из базовых методов такой экспертизы, трансформированным для целей экспертного исследования. На основе исторического и логического общенаучных методов основано применение ряда методов экономического анализа (например, исчисление средних хронологических величин), статистики, а также метода хронологических несоответствий в экономико-криминалистическом анализе, метода хронологического анализа операций по документам, относящегося к третьей группе приемов исследования документальных данных в судебной бухгалтерии.

Так, в ходе производства экономической судебной экспертизы (заключение эксперта № 8/20э) требовалось разграничить суммы совершенных финансовых операций по перечислению денежных средств посредством платежной системы «ВестернЮнион» в

качестве оплаты за наркотическое средство героин. Основным методом экспертного исследования при решении данной экспертной задачи являлся хронологический анализ операций.

Описание применяемых судебным экспертом-экономистом общенаучных методов представлено в методических рекомендациях по производству экономических экспертиз и исследований в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.³

2. Частнонаучные методы. В основе этого блока – методы информационно-аналитических наук. Такой подход обосновывается тем, что в системе экономических наук, составляющих фундамент специальных экономических знаний, данный блок имеет первостепенное значение, так как именно эти науки формируют систему методов судебно-экспертного экономического исследования. В качестве методов базовых информационно-аналитических наук в экономической экспертизе, проводимой в органах наркоконтроля, выступают методы бухгалтерского учета, методы экономического анализа.

Так, статистические расчеты необходимы для установления количественных и качественных характеристик хозяйственных операций, не содержащихся в регистрах бухгалтерского учета, отраслевом учете (например, определение средних величин, темпов роста). Экономический анализ в экономической экспертизе применяется для раскрытия причинных связей, обусловивших возникновение нарушения законодательства. Так, с помощью экономического анализа при производстве экспертиз, назначенных по уголовным делам о преступлениях, связанных с легализацией преступных доходов, выявляется общая сумма полученных доходов, а также способы и методы их получения. Экономико-математические методы могут быть применены для установления факторов, влияющих на результаты финансово-хозяйственной деятельности.

3. Блок судебно-экспертных методов представлен методами таких экономико-правовых наук, как судебная бухгалтерия и экономико-криминалистический анализ.

При производстве судебных экономических экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов наркоконтроля наиболее распространено применение таких судебно-бухгалтерских методов:

– формальная проверка документа – позволяет оценить по формальным признакам достаточность сведений для принятия его

к исследованию и наличие (или отсутствие) несоответствий между взаимосвязанными реквизитами документа;

- арифметические подсчеты;
- нормативный анализ содержания документа;
- взаимный контроль – посредством сопоставления различных документов по одной или взаимосвязанным операциям становится возможным воссоздание механизма совершения конкретных операций и выявление документальных несоответствий. Так, согласно заключению эксперта № Э-11/2, в целях установления суммы доходов, полученных от хранения лекарственных средств при отсутствии необходимой лицензии, эксперт изучил договоры на оказание услуг по хранению лекарственных средств, первичные документы о поступлении товаров на хранение, платежные банковские документы и банковские выписки о движении денежных средств по расчетному счету, документы налоговой и бухгалтерской отчетности;

- встречная проверка – сопоставление разных экземпляров одного документа (анализ содержания банковских выписок по различным счетам позволяет установить экономически нецелесообразные операции, которые, в свою очередь, могут быть способом маскировки легализации преступных доходов);

- восстановление количественно-суммового учета – эффективный метод анализа ценностей, подлежащих обязательному предметно-количественному учету; и другие методы.

Если рассматривать прикладное значение приведенной системы методов судебной экономической экспертизы, то следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Органы предварительного расследования и суды, назначающие экономические судебные экспертизы, должны давать объективную оценку достоверности заключения эксперта, в том числе научной обоснованности и целесообразности примененной экспертом методики. В этой связи в структуре методических рекомендаций, разрабатываемых ведомственными судебно-экспертными учреждениями, необходимо предусмотреть описание алгоритмов применения каждого конкретного приема судебно-экспертного исследования и результатов его применения. Соответственно, каждое заключение судебного эксперта, как этого требует п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, должно содержать указание на примененные методики экспертного исследования, что позволит в дальнейшем объективно оценить степень

научной обоснованности использования методов при проведении экономической экспертизы.

¹ Об утверждении состава Экспертно-квалификационной комиссии ФСКН России и Перечня экспертных специальностей, по которым в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ проводится аттестация на право самостоятельного производства судебных экспертиз : приказ ФСКН России от 18.04.2012 № 153.

² Степутенкова В.К. Современные возможности судебных экспертиз : методическое пособие для экспертов, следователей и судей. М. : «Триада – Х», 2000. С. 188-206.

³ Сергеевич М.Е., Брыскова Т.В., Гусева Т.В. Методические рекомендации по производству экономических экспертиз и исследований в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (с изменениями и дополнениями) / под ред. к.ф.-м.н. С.В. Сыромятникова. М.: ЭКУ 9 Департамента ФСКН России, 2015.

Дюгаев К.П.

Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

Михайличенко А.Г.

Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

Гончаров Е.В.,

кандидат технических наук
Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

**ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ГРУПП
В УДАЛЕННЫХ МЕЖРАЙОННЫХ ОТДЕЛАХ
В УПРАВЛЕНИИ ФСКН РОССИИ ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ**

Красноярский край – субъект Российской Федерации, который занимает центральное географическое положение в стране. Край простирается на 3000 км от Северного ледовитого океана на севере до Республик Хакасия и Тыва на юге, на 1250 км от Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов на западе до Республики Саха (Якутия) и Иркутской области на востоке, граничит также с Кемеровской, Томской областями, Республикой

Алтай, являясь вторым по величине в России административно-территориальным образованием.¹

Структурным подразделением ФСКН России, уполномоченным осуществлять оперативно-служебную деятельность по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Красноярском крае, является Управление ФСКН России по Красноярскому краю (далее – Управление), имеющее в составе девять межрайонных отделов.

Специфической особенностью непрерывного функционирования Управления является необходимость круглосуточного эффективного и качественного экспертно-криминалистического обеспечения оперативно-служебной деятельности оперативных и следственных подразделений, осуществляемого сотрудниками экспертно-криминалистической службы (ЭКС).

Сложившаяся практика в Управлении позволяет выделить основные параметры экспертно-криминалистического обеспечения, непосредственно влияющие на эффективность и качество оперативно-служебной деятельности межрайонных отделов Управления с учетом удаленности их от города Красноярска:

- наличие экспертно-криминалистических лабораторий в межрайонных отделах;
- уровень специальной профессиональной подготовки экспертов в межрайонных отделах;
- уровень технической оснащенности экспертно-криминалистических лабораторий межрайонных отделов;
- уровень обеспечения необходимыми расходными материалами.

В настоящее время штатная численность ЭКС Управления с учетом экспертов, дислоцированных в межрайонных отделах (МРО), полностью укомплектована. Как правило, для обеспечения оперативно-служебной деятельности большинства межрайонных отделов Управления выделено по 1 штатной единице сотрудника ЭКС Управления. В двух межрайонных отделах (г. Канск и г. Норильск) штатная численность увеличена до двух экспертов, что обусловлено повышенной нагрузкой на данные МРО.

Сотрудники 10 группы ЭКС Управления наиболее удаленного от города Красноярска в северном направлении Норильского МРО Управления задействованы в оперативно-розыскных мероприятиях как непосредственно на территории г. Норильска, так и на территории Таймырского автономного округа, г. Дудинки.

Особую специфику экспертно-криминалистического обеспечения деятельности Норильского МРО Управления придает отсутствие наземного транспортного сообщения между г. Красноярском и г. Норильском, ввиду чего доставка расходных материалов (таких, как баллоны со сжатым газом-носителем гелием, органические растворители, легковоспламеняющиеся жидкости и т.п.) возможна только в сезон летней навигации по реке Енисей, что требует проведения отдельного комплекса мероприятий и усилий как в плане логистики, так и в плане планирования обеспечения деятельности экспертов. Ввиду этого именно этот межрайонный отдел в первую очередь комплектовался современным физико-химическим оборудованием. Так, для проведения исследований наркотических средств и психотропных веществ синтетического происхождения непосредственно в экспертно-криминалистической лаборатории Норильского МРО Управления в 2009 г. в рамках централизованной поставки за счет гособоронзаказа из ФСКН России установлен газовый хроматограф Agilent 6850 с масс-селективным детектором Agilent 5975С.

В 2014 г. централизованной поставкой за счет гособоронзаказа из ФСКН России установлены и введены в эксплуатацию три газовых хроматомасс-спектрометра «Shimadzu» модели GCMS-QP2010 Ultra в межрайонные отделы Управления в г. Канске (восточное направление), г. Ачинске (западное направление) и г. Минусинске (южное направление Красноярского края).

Эти мероприятия позволили значительно повысить оперативность экспертно-криминалистического обеспечения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности межрайонных отделов, что особенно ярко иллюстрирует рост количества исследований наркотических средств и психотропных веществ, проведенных в Ачинском и Канском МРО после отладки и запуска в полноценную эксплуатацию в 2015 г. хроматомасс-спектрометров, приведенных в таблице 1.

Однако все же по состоянию на начало 2016 г. укомплектованность межрайонных отделов Управления хроматомасс-спектрометрами составляет менее 50%.

Таблица 1

Межрайонный отдел/ показатель		Ачинский	Богучанский	Железногорский	Зеленогорский	Канский	Лесосибирский	Минусинский	Норильский	Шарыповский	Всего по МРО
Проведено исследова- ний нарко- тических средств и психотроп- ных веществ	2015 г.	324	89	116	74	233	115	211	312	118	1592
	2014 г.	110	65	115	73	175	63	226	547	82	1456
Проведено экспертиз наркотиче- ских средств и психо- тропных веществ	2015 г.	296	223	273	164	447	121	244	378	200	2346
	2014 г.	205	102	229	190	485	79	267	409	114	2080

Некоторые сведения об укомплектованности межрайонных отделов Управления приведены в таблице 2.

Таблица 2

Межрайонный отдел	Расстояние до г. Крас- ноярска, км	Штатная числен- ность ЭКП	Обеспеченность			
			Газовый хроматограф с МСД	Газовый хроматограф с ПИД	ИК-спект- рометр	Цианакри- латная камера
Ачинский	160	1	+	+	+	+
Богучанский	550	1	-	-	-	+
Железногорский	60	1	-	-	-	+
Зеленогорский	150	1	-	-	-	+
Канский	220	2	+	+	+	+
Лесосибирский	300	1	-	-	-	+
Минусинский	440	1	+	-	-	+
Норильский	1800	2	+	+	+	+
Шарыповский	320	1	-	-	-	+

На первоначальном этапе освоения поставленного физико-химического оборудования и контроля правильности его использования экспертами МРО был разработан определенный алгоритм действий. Полученные в ходе проведения исследований результаты посредством электронной почты направлялись в 1 отдел ЭКС Управления, где происходила их проверка наиболее опытными сотрудниками.

Вместе с тем эксперты межрайонных отделов Управления, у которых отсутствует необходимое оборудование, в настоящее время самостоятельно проводят исследования на базе ближайшего МРО, имеющего такое оборудование. Такое управленческое решение позволило реально повысить и закрепить на практике уровень специальной профессиональной подготовки экспертов МРО. В настоящее время уровень профессиональной подготовки позволяет экспертам с дислокацией в МРО Управления в полном объеме самостоятельно использовать газовые хроматомасс-спектрометры при проведении экспертных исследований.

Положительно зарекомендовали себя обучающие семинары, проводимые на базе ЭКС Управления с привлечением экспертов, дислоцирующихся в межрайонных отделах. Целью проводимых семинаров являлось повышение эффективности оперативно-служебной деятельности, координация работы экспертов и выработка единого подхода к решению экспертных задач, обмен опытом.

Вместе с тем материально-техническое обеспечение ЭКС Управления нуждается в дальнейшем поступательном совершенствовании. Изменение структуры наркорынка в сторону увеличения оборота синтетических наркотиков обуславливает необходимость доукомплектования лабораторий МРО Управления современными приборами и оборудованием, в первую очередь хроматомасс-спектрометрами, централизованная поставка которых в территориальные органы ФСКН России предусмотрена в том числе и нормами положенности в соответствии с приказом ФСКН России.² Кроме того, существует объективная необходимость доукомплектования и плановой замены приборов и оборудования в 1 отделе ЭКС Управления с дислокацией в г. Красноярске, особенно в связи с предстоящим проведением в краевом центре XXIX Всемирной зимней Универсиады в 2019 г.

¹ Информационный интернет-портал. URL: <http://www.krskstate.ru>.

² Об утверждении норм положенности материально-технических средств в экспертно-криминалистических подразделениях органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ : приказ ФСКН России от 11.12.2014 № 504дсп.

Земцова С.И.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О СОДЕЙСТВИИ СПЕЦИАЛИСТА
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ,
СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ**

Значимость сведений, получаемых при производстве допроса, сложно переоценить. На это указывал еще родоначальник криминалистики Г. Гросс, образно сравнивая допрашиваемых лиц со скелетом, а их показания – с кровью и плотью предварительного следствия. «Если существенные свидетели совсем не допрошены, то скелет не полон и части его не связаны, если же вызванные лица допрошены поверхностно, то плоть и кровь есть, но бессильна и не жизнедеятельна»¹. Разделяя данное утверждение, ученые в области уголовного процесса и криминалистики неоднократно высказывали предложения, направленные на оптимизацию этого процесса. Одним из них (предложений) является использование на подготовительном или рабочем этапе допроса знаний специалистов из различных областей в зависимости от вида преступления.

Анализ уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, выполненный нами, свидетельствует, что наиболее часто используются знания в области криминалистики, химии, ботаники, агротехники, психологии, педагогики, информационных технологий. Форма их реализации может быть как непроцессуальной – осуществление консультаций до и после допроса, так и процессуальной – непосредственное участие при производстве следственного действия.

Знания специалиста-криминалиста наиболее востребованы в процессуальной форме и заключаются в оказании содействия следователю или дознавателю в осуществлении видеозаписи. При этом число случаев «изменения показаний свидетелями и потерпевшими, зафиксированных с помощью видеозаписи, сокращается

в 3-4 раза»². Осуществление видеозаписи, как свидетельствуют результаты анализа следственной практики и посвященные этой проблеме научные исследования, целесообразно осуществлять в случаях, когда:

- свидетель, являющийся единственным, может подвергнуться воздействию заинтересованных лиц и существенно изменить показания;

- лицо явилось с повинной и сообщает много подробностей, касающихся отдельных обстоятельств совершенного преступления, либо рассказывает о нескольких эпизодах совершенных преступлений;

- допрашивается несовершеннолетний – для предупреждения случаев оказания на него влияния со стороны взрослых лиц, заинтересованных в исходе дела, и создания возможности оглашения показаний несовершеннолетнего, когда из этических и тактических соображений проведение очной ставки между ним и взрослыми участниками уголовного процесса нецелесообразно;

- допрос осуществляется с участием переводчика, что способствует проверке правильности сделанного перевода, а также предупреждает жалобы и заявления допрашиваемого о том, что его показания в протоколе допроса отражены не точно;

- прогнозируется возможность возникновения конфликтных ситуаций допрашиваемого лица с должностными лицами, проводящими допрос, – видеозапись будет свидетельствовать, что показания давались добровольно, без психического и физического воздействия.

Специальные знания психолога могут быть использованы как в непроцессуальной форме – посредством получения консультаций о свойствах нервной системы допрашиваемого лица и оптимальном режиме общения с ним при допросе, содержании и порядке постановки вопросов, последовательности предъявления доказательств, вариантов действий при отказе допрашиваемого от дачи показаний, так и в процессуальной форме – участие в следственном действии.

При этом следует отметить, что довольно рациональная форма организации взаимодействия следователя и специалиста-психолога при производстве данного следственного действия, хотя и не бесспорная с точки зрения воплощения ее в практическую деятельность правоохранительных органов, была предложена В.В. Семеновым. Ее суть заключается в том, что необходимо обо-

рудовать два смежных кабинета, разместив в одном специалиста-психолога и видеоаппаратуру для наблюдения и записи процесса допроса, а в другом – следователя и других участников допроса.³

Для обеспечения возможности оперативного консультирования следователя со специалистом по вопросам тактики ведения допроса, предварительной оценки только что сообщенных сведений на предмет их достоверности и т.д. предложено использовать односторонний аудиоканал связи специалиста со следователем. При этом задача специалиста-психолога, по мнению В.В. Семенова, сводится не к определению правдивости или ложности показаний, а к определению наличия либо отсутствия согласованности (конгруэнтности) вербальной и невербальной составляющих показаний. По результатам этой деятельности специалист в соответствии со ст. 74 и ст. 80 УПК РФ может составить заключение специалиста-психолога. Видеозапись, осуществляемая в этом случае, может стать объектом последующего специального анализа особенностей поведения допрашиваемого и, соответственно, основой для корректировки тактики проводимых с ним и в отношении него следственных действий.

Безусловно, непосредственное участие специалиста-психолога в проведении допроса является важным фактором оптимизации расследования преступлений, однако значительное количество разработанных по этому поводу теоретических положений до настоящего времени пока не восприняты практикой. Так, по изученным нами уголовным делам специальные знания специалиста-психолога при производстве допроса, как в процессуальной, так и в непроцессуальной формах, использовались лишь в единичных случаях.

При расследовании преступлений, связанных с изготовлением наркотиков, целесообразным является участие в допросе подозреваемого специалиста-химика, который может помочь следователю разобраться в терминологии, используемой допрашиваемым лицом, дать пояснения по поводу взаимодействия различных веществ, использования специального оборудования, разъяснить особенности проведения отдельных технологических операций; возможностей приготовления из обнаруженных химических реактивов наркотических средств и психотропных веществ.

При расследовании преступлений, связанных с незаконным культивированием наркосодержащих растений, значимой представляется помощь специалистов – агротехника и ботаника. В ча-

стности, консультация агротехника перед производством допроса подозреваемого позволит следователю (дознавателю) получить представление о признаках специального посева или посадки (гнездового или рядового), что в дальнейшем будет способствовать нейтрализации версии подозреваемого о том, что растения (например, конопля или мак) выросли сами, без его помощи. Кроме того, данный специалист может сообщить сведения о способах ухода за растениями: прищипки, прополки, полива (например, посредством установок капельного полива, гидропонной системы и т.д.), наличии дополнительного освещения, вентиляции и т.д.

Специалист-ботаник может сообщить сведения о стадии вегетации и установлении ботанической принадлежности. Это представляется особенно важным в связи с тем, что незаконно культивироваться могут растения, и не произрастающие на территории нашей страны, такие как кока, кат, гавайская роза и т.д.⁴

Не менее значимой является и помощь специалиста-нарколога, особенно в ситуации, когда подозреваемый находится в состоянии наркотического опьянения или абстиненции и его допрос в установленный законом срок (24 часа после задержания) полноценно осуществить невозможно. Связано это с тем, что срок 24 часа не всегда достаточен для вывода токсинов из организма и приведения в такое состояние, когда подозреваемый адекватно мог бы воспринимал действительность, осознавать свое процессуальное положение и давать показания или отказаться от дачи показаний осмысленно. По этому вопросу следует учитывать мнение специалиста-нарколога, предусмотреть отсрочку допроса такого подозреваемого до того момента, когда он будет в состоянии давать показания.

Вероятно, в этих случаях, как справедливо отмечает А.П. Когосов⁵, должен быть увеличен срок допроса задержанного подозреваемого. В частности, необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 46 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Подозреваемый, задержанный в порядке, установленном ст. 91 настоящего Кодекса, должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. Продление этого срока допускается по заключению врача (специалиста в области наркологии или судебной медицины), когда психофизиологическое состояние подозреваемого исключает его допрос в течение этого времени»⁶.

В заключение отметим, что использование знаний специалистов – криминалиста, ботаника, агротехника, психолога, нарколога и других в процессуальной и непроцессуальной формах при

производстве допроса по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, безусловно, способствует его оптимизации, однако еще не стало правилом и встречается лишь в единичных случаях.

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 74.

² Миленин Ю.Н. Аудиовидеодокументы как доказательства в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 97-98.

³ Семенов В.В. Участие специалиста-психолога при производстве допроса // Российский следователь. 2008. № 5. С. 8.

⁴ Чистова Л.Е. Расследование незаконного культивирования наркосодержащих растений : монография. М.: Юрлитинформ. 2015. С. 104-111.

⁵ Когосов А.П. Формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 23-24.

⁶ Там же.

Репин А.В.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ДОПРОСА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

Допрос на стадии предварительного расследования представляет собой следственное действие, состоящее из системы не противоречащих уголовно-процессуальному закону познавательных и удостоверительных операций, выполняемых в пределах своей компетенции лицом, производящим расследование, с целью получения и закрепления показаний об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Допрос лиц по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, представляет определенную сложность в силу специфики составов преступлений, особенностей формирования доказательственной базы по уголовным делам указанной категории, а также личностных особенностей и установок допрашиваемых.

Кроме того, в подавляющем большинстве случаев в производстве следственных подразделений органов наркоконтроля на-

ходятся многоэпизодные уголовные дела по преступлениям, совершенным в составе организованных преступных групп и сообществ, для которых характерны сложная организация механизма совершения преступления с четким и законспирированным распределением функций внутри преступной группы, действий по сокрытию следов преступной деятельности и т.д.

Для того чтобы ничего не упустить и выяснить все обстоятельства расследуемого преступления, подготавливаясь к допросу, следователю нужно, во-первых, четко определиться с предметом предстоящего допроса и, во-вторых, в случае необходимости составить в произвольной форме план его проведения.

Определение предмета допроса. Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков характеризуются тем, что в подавляющем большинстве случаев возбуждению уголовного дела предшествует проведение целого комплекса оперативно-розыскных мероприятий по документированию преступной деятельности и к моменту допроса у следователя имеется минимальная исходная информация о событии преступления (времени, месте и способе его совершения), лицах, причастных к его совершению, свидетелях и т.д. Для того чтобы, с одной стороны, получить полные показания по фактам, имеющимся в материалах доследственной проверки, а также установить иные обстоятельства, ранее не известные правоохранительным органам, а с другой – не сообщить допрашиваемому информации, не подлежащей разглашению до определенного времени, следователю необходимо хорошо ориентироваться в информации, содержащейся в материалах уголовного дела. На основании анализа полученной информации следователь определяется с кругом вопросов, подлежащих выяснению у допрашиваемого, то есть определяет предмет предстоящего допроса. Как правило, предмет допроса составляют обстоятельства:

- подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ;
- необходимые для достижения промежуточного результата (например, для выяснения у свидетеля личностных особенностей подозреваемого в целях последующего использования этой информации для установления коммуникативного контакта);
- с помощью которых обнаруживаются доказательства (например, для выяснения у свидетеля круга общения подозреваемого и последующей проверки этих лиц на предмет причастности к совершению преступления, для получения сведений, необходимых

для последующего проведения предъявления для опознания или проверки показаний на месте, и т.д.);

- знание которых необходимо для проверки и оценки доказательств (например, допрос специалиста по вопросам, требующим специальных знаний);

- которые, не имея доказательственного значения, могут играть тактическую роль (например, допрос лица с предъявлением доказательств с целью убеждения в несостоятельности занятой позиции на противодействие расследованию).¹

Четкое понимание предмета допроса, во-первых, способствует целенаправленности и активности проведения допроса и сведению к минимуму пассивной регистрации сообщаемых сведений, во-вторых, способствует полноте получения информации по интересующим вопросам, что, в свою очередь, минимизирует в дальнейшем необходимость производства дополнительных или повторных допросов по тем же обстоятельствам.

Можно выделить следующие ситуации, когда составление плана необходимо:

- большое количество эпизодов преступной деятельности;
- большое количество фигурантов по делу;
- сложная схема преступной деятельности или связей лиц, принимающих в ней участие;
- реализация тактической комбинации по изобличению во лжи и т.д.

Независимо от того, будет составляться письменный план предстоящего допроса или нет, следователю на основе данных, имеющихся в деле, с учетом информации о личности допрашиваемого необходимо продумать и создать мысленную модель предстоящего допроса.

Смоделированная линия поведения следователя должна быть тщательно проанализирована с позиции наиболее вероятных вариантов возникновения конфликтных ситуаций. В связи с этим необходимо: а) продумать возможности и способы недопущения конфликтной ситуации; б) если конфликтная ситуация все-таки неизбежна или возможность ее наступления наиболее вероятна – определить свою тактическую линию с целью изменения характера ситуации и недопущения наступления негативных для расследования уголовного дела последствий.²

При высокой степени вероятности возникновения конфликтной ситуации по инициативе следователя или по ходатайству доп-

рашиваемого лица в соответствии с ч. 4 ст. 189 УПК РФ в ходе допроса может быть проведена аудио- и (или) видеозапись.

Кроме того, как показывает практика, применять аудио- и (или) видеозапись необходимо в случаях, когда:

- допрашиваемый находится в болезненном состоянии. При допросе наркозависимых лиц аудио- и (или) видеозапись позволяет подтвердить в суде, что допрашиваемый правильно воспринимал вопросы следователя, обстановку и мог давать адекватные ответы на поставленные вопросы;

- есть основания полагать, что в процессе допроса допрашиваемый попытается принять меры противодействия, связанные с попыткой уничтожения материалов дела, высказыванием угроз в адрес следователя и т.д. В подобных ситуациях видеофиксация следственного действия оказывает дисциплинирующее воздействие;

- если есть основания полагать, что в последующем лицо откажется от своих показаний;

- если явка допрашиваемого в суд будет невозможна по объективным причинам (смена места жительства, вахтовый метод работы и т.д.);

- при участии переводчика и наличии сомнений в полноте и правильности перевода.³

Для оказания содействия в осуществлении аудио- и (или) видеозаписи следователь может привлечь специалиста.

Четкое понимание обстоятельств, подлежащих выяснению в ходе планируемого допроса, а также грамотное его планирование способствуют получению полных показаний и минимизируют возможность противодействия со стороны допрашиваемого.

¹ Подр.: Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса. СПб., 2001. С. 27; Усманов У.А. Тактика допроса на предварительном следствии. М., 2001. С. 27.

² Подр.: Горшенин Л.Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993. С. 111.

³ Подр.: Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие. М., 2009. С. 94.

Минисламов М.Н.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ КОНТРОЛЯ И ЗАПИСИ ПЕРЕГОВОРОВ
ОБВИНЯЕМЫХ (ПОДОЗРЕВАЕМЫХ) В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ**

В 2015 г. зарегистрированы 76 668 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (в 2014 г. – 85 038). Правоохранительными органами расследованы 14,1 тысяч наркопреступлений, совершенных в организованных формах, что на 14,3% больше, чем в 2014 г., из них 11,1 тыс. – ФСКН России (рост на 10,2%), 2,2 тыс. – МВД России (рост на 43%) и 0,8 тыс. – иными ведомствами (рост на 8,8%). Только органами наркоконтроля в суды направлены 95 уголовных дел по преступлениям, совершенным преступными сообществами (2014 г. – 108), при этом около четверти из них были организованы за пределами Российской Федерации или имели в своей структуре подразделения, находящиеся на территории иностранных государств.

В последние годы в ходе научно-технического прогресса широкое развитие получили технические средства связи, позволяющие людям обмениваться различной информацией, как голосовыми, так и письменными сообщениями, где бы они ни находились, с помощью средств сотовой связи, компьютеров, электронных терминалов, интернет-программ, предоставляемых провайдерами связи. Данные преимущества быстро взяли на вооружения организованные преступные группы, в том числе занимающиеся незаконным оборотом наркотических средств, в связи с чем в 2001 г. тогда еще в УПК РСФСР было введено новое следственное действие: контроль и запись переговоров, которое закреплено и в УПК РФ в ст. 186. Как следственное действие его проведение допускается при производстве по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких.

В связи с тем, что данное следственное действие является новым в науке криминалистики, определение и тактика его проведения до настоящего времени полностью не разработаны. Наиболее полно определение сущности контроля и записи переговоров предлагают Л.Я. Драпкин и В.Н. Карагодин: «Контроль телефонных и иных переговоров – это следственное действие, заключающееся в проведении с разрешения суда технического и электрон-

ного наблюдения за обменом информацией, осуществляемым устно, по телефону, радио, электронными каналами связи, отборе и процессуальной фиксации сведений, имеющих значение для уголовного дела»².

Обзор практической деятельности следователей показывает, что контроль и запись переговоров не находит широкого применения. Связано это с тем, что следователи склонны использовать в своей деятельности результаты ОРМ прослушивание телефонных переговоров и средств связи, а также проводить те следственные действия, которые уже прошли проверку в суде.

Вместе с тем в кассационном определении Верховного Суда РФ от 9 января 2013 г. № 45-О12-707 указано, что оперативно-розыскные мероприятия проводятся с целью решения задач, предусмотренных ст. 2 Федерального закона об «Оперативно-розыскной деятельности» и не могут быть направлены на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу. Из смысла данного определения следует, что при возможности проведения следственных действий необходимо не заменять их проведением оперативно-розыскных мероприятий, а использовать следственные действия в доказывании виновности лица, причастного к совершению преступления.

Однако на момент предоставления материалов оперативной проверки с результатами ОРМ прослушивание телефонных переговоров не отпадает необходимость в дальнейшем контроле и записи переговоров, так как может быть получена информация:

- об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу;
- о лицах преступной группы, причастных к незаконному сбыту наркотических средств;
- способствующая установлению способов легализации денежных средств, мест нахождения лиц, скрывшихся от следствия, мест хранения наркотических средств.

Кроме того, на момент возбуждения уголовного дела не все члены преступной группы сотрудничают со следствием и дают признательные показания, иногда сотрудничество начинается только после заключения досудебного соглашения.

Отметим проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники следственных подразделений при проведении следственного действия контроль и запись переговоров:

- наличие множества SIM-карт, у членов преступной группы, занимающихся сбытом наркотических средств, часть из которых зарегистрированы на подставных лиц или вымышленные юридические фирмы;

- осуществление переговоров в сети Интернет с помощью программ Skype, Viber, WhatsApp и т.д.;

- использование SIM-карт, зарегистрированных в странах ближнего зарубежья, например в Украине;

- при прослушивании телефонных переговоров могут быть прослушаны переговоры подозреваемых с адвокатами или лицами, которые обладают специальным статусом и иммунитетом.

Переходя к вопросу о тактике контроля записи переговоров, необходимо отметить, что еще никто в науке криминалистики не выделял тактические приемы данного следственного действия, к которым можно отнести:

- определение даты и времени осуществления контроля и записи переговоров;

- тревожная ситуация, в результате которой обвиняемому (подозреваемому) в незаконном обороте наркотических средств может быть сообщена информация: об установлении места нахождения наркотических средств, о задержании подельников, о которых ранее было неизвестно, об установлении банковского счета, на котором аккумулировались денежные средства, способа легализации денежных средств, установлении номеров телефонов членов преступной группы, которые ранее были не известны. Находясь в стрессовом состоянии, обвиняемые (подозреваемые) забывают о необходимости маскировки своих действий и стремятся связаться по телефону с сообщниками и обменяться информацией, которая может иметь значение для раскрытия и расследования преступления;

- сбор ориентирующих сведений, которые могут быть получены в ходе оперативно-розыскных мероприятий, из ответов сотовых компаний о зарегистрированных номерах телефонов, из ответов интернет-провайдеров об IP-адресах членов преступных групп, а также их семей, из допросов родственников и близких знакомых членов преступных групп, занимающихся незаконным сбытом наркотических средств, в ходе которых необходимо выяснять, с каких номеров им звонили подозреваемые, как часто меняли SIM-карты, какие интернет-программы использовали для звон-

ков и sms-сообщений, какие интернет-программы и приложения были установлены на телефонах подозреваемых.

При наличии в группе лиц, активное сотрудничающих со следствием, или из числа оперативного аппарата, внедренного в преступную группу, следует дать им установку на использование в телефонной речи неконспирирующих названий наркотических средств.

Данные, полученные при осуществлении контроля и записи телефонных переговоров в ходе расследования уголовного дела по делам о преступной деятельности организованных преступных групп или преступных сообществ, могут служить одним из ключевых доказательств.

¹ URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/index.shtml>.

² Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. М.: Издательство Юрайт, 2013.

Михайлов А.Н.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ АНАЛОГОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Одной из актуальных проблем современного общества является злоупотребление наркозависимыми лицами новыми психоактивными веществами с неопределенным правовым статусом, что препятствует установлению мер контроля за ними и создает условия для нахождения таких веществ в гражданском обороте.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что следователи, дознаватели органов наркоконтроля испытывают некоторые затруднения в расследовании преступлений в сфере незаконного оборота аналогов наркотических средств и психотропных веществ, а именно в доказывании субъективной стороны совершенного преступления.

Наибольшую сложность в практике расследования преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота аналогов наркотических средств, вызывает доказывание осведомленности лица о том, что приобретаемое или сбываемое вещество по своим свойст-

вам схоже с наркотическим средством, психоактивное действие которого оно воспроизводит, а также осознания общественной опасности своих действий и желания их совершения. Связано это с тем, что данное обстоятельство относится к внутреннему психологическому отношению лица к совершенному деянию, которое, как правило, не проявляется в объективной реальности и не поддается непосредственному восприятию органами чувств человека, а познается только путем анализа и оценки поведения правонарушителя и всех объективных обстоятельств совершения преступления.

В большинстве случаев лица, подозреваемые, обвиняемые в совершении преступлений в сфере незаконного оборота аналогов наркотических средств, давая показания в ходе допроса, утверждают, что не знали, о том, что приобретенное или сбываемое вещество схоже по своей химической структуре и свойствам с наркотическим средством, психоактивное действие которого они воспроизводят, а также что данное воздействие является опасным для здоровья человека. Установление и доказывание субъективной стороны в подобных случаях одними только уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами практически невозможно.

Изучение практики расследования уголовных дел в сфере незаконного оборота аналогов наркотических средств и психотропных веществ свидетельствует о том, что во многих случаях установление и доказывание субъективной стороны основывается на результатах ОРД, представляемых органам предварительного расследования.

Одним из наиболее распространенных ОРМ, в ходе которого могут быть получены сведения о субъективной стороне преступления, является прослушивание телефонных переговоров, в результате которого может быть получена информация, свидетельствующая об осведомленности лица о том, что приобретаемые или сбываемые им вещества обладают свойствами, схожими со свойствами наркотических средств, психоактивное действие которых они воспроизводят. В ряде случаев в ходе телефонных переговоров участники преступных групп обсуждали меры конспирации, например необходимость смены сим-карт.

Зная о возможности негласного контроля и аудиозаписи телефонных переговоров правоохрнительными органами, объекты оперативной заинтересованности при передаче информации по каналам телефонной связи используют различные способы конспирации: тайные шифры и обозначения, жаргон. При подготовке

и совершении преступлений могут использоваться при передаче сообщений по телефону слова и выражения общепринятого употребления, но имеющие иной смысл, который понятен только определенным лицам. Подобное поведение, проявляющееся в ходе телефонных разговоров, свидетельствует об осознании данными лицам общественной опасности своих действий и желании их совершения. На это обстоятельство необходимо обращать особое внимание при прослушивании фонограммы телефонных переговоров.

Сведения, полученные в результате прослушивания телефонных переговоров, могут быть использованы при проведении допросов. В ходе допроса следователь может воспроизвести фонограмму с записью телефонных переговоров, подтверждающих участие допрашиваемого в подготовке, совершении или сокрытии преступления. Факт наличия и воспроизведения записи разговора, свидетельствующего о виновности допрашиваемого, может оказаться по психологическому воздействию сильнее, чем письменные доказательства, которыми располагает следователь. При проведении очной ставки между лицами, утверждающими, что они не знакомы между собой, следователь также может продемонстрировать фонограмму с записью их переговоров, тем самым опровергнуть ложные показания.

Сведения, подтверждающие осведомленность конкретного лица о том, что приобретенное или сбываемое вещество схоже по своим свойствам с наркотическим средством, психоактивное действие которого оно воспроизводит, а также осознание общественной опасности своих действий, могут быть получены и в ходе ОРМ наблюдение. Для более эффективного использования результатов данного ОРМ в процессе доказывания наблюдение необходимо проводить с применением видеозаписывающей техники, на что неоднократно указывалось Следственным департаментом ФСКН России.

Документируя преступную деятельность лиц, осуществляющих приобретение или сбыт аналогов наркотических средств, путем проведения указанного ОРМ, необходимо фиксировать не только способ совершения преступления, как правило, носящий конспиративный, бесконтактный характер с использованием тайников, но и обращать внимание на поведение лиц, за которыми осуществляется наблюдение.

Во многих случаях в поведении причастных к незаконному обороту аналогов наркотических средств лиц проявляются излиш-

няя настороженность и нервозность, ими предпринимаются дополнительные меры предосторожности (при подходе к месту «закладки» они периодически оглядываются с целью обнаружения за собой слежения; после установки или извлечения наркотического средства из тайника стремятся быстро уйти). В некоторых случаях данные лица действуют в парах, один из них, как правило, осуществляет наблюдение и предупреждает об опасности. Соответствующее поведение проявляется и при задержании, которое осуществляется по результатам рассматриваемого ОРМ.

Подобное поведение в некоторой степени свидетельствует о том, что лицо осознает, что хранит при себе вещества, запрещенные к свободному гражданскому обороту.

В связи с этим сотрудникам оперативных подразделений, проводящих ОРМ наблюдение, а также следователям, оценивающим доказательственное значение представленных результатов данного мероприятия, необходимо обращать особое внимание на характерное поведение разрабатываемых лиц, тщательно закрепляя его в оперативно-служебных документах и протоколах следственных действий. При этом следует отметить, что данное поведение должно быть доказано совокупностью разноплановых доказательств (актом ОРМ и видеозаписью приобщаемых к материалам уголовного дела в качестве иных документов, а также свидетельскими показаниями сотрудников оперативного подразделения участвующих в проведении ОРМ и последующем задержании разрабатываемых лиц).

Изучение практики расследования преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота аналогов наркотических средств, свидетельствует о том, что в некоторых случаях проблема неосведомленности лиц о схожести химической структуры и свойств веществ, оборот которых они осуществляют, с химической структурой и свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят, решается самими сотрудниками оперативных подразделений в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, направленной на предупреждение преступлений, путем соответствующего информирования лиц, оказавшихся в их поле зрения.

Посредством проведения ОРМ снятие информации с технических каналов связи может быть получена информация в виде sms-сообщений, в которых лицо, приобретающее бесконтактным способом вещество, являющееся аналогом наркотического средст-

ва или психотропного вещества, информируется о месторасположении тайниковых закладок и способе маскировки. Подобный способ неоднократного приобретения употребляемых лицом веществ наверняка может сформировать представление об их запрещенности. В дальнейшем данную информацию следует использовать в ходе допроса подозреваемого, обвиняемого с целью выявления умысла на приобретение аналогов наркотических средств и психотропных веществ.

Представление о запрещенности к обороту тех или иных веществ также может сформировать неоднократное получение интересующих веществ в замаскированном виде посредством почтовых отправок.

Подобная информация, как правило, получается в ходе проведения ОРМ контроль почтовых отправок, телеграфных и иных сообщений, результаты которого оформляются актом, где сотрудникам оперативных подразделений необходимо тщательно описывать, в каком состоянии и каким образом были упакованы находящиеся в почтовой отправке вещества, способы маскировки. Для получения наглядного подтверждения описываемых в акте обстоятельств ход и результаты ОРМ необходимо фиксировать с помощью видеозаписывающей техники.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в процессе доказывания субъективной стороны преступления, совершенного в сфере незаконного оборота аналогов наркотических средств, органам предварительного расследования следует использовать широкие возможности ОРД. При этом следует отметить, что результаты ОРД могут сыграть значительную роль в установлении субъективной стороны преступления в том случае, если их проведение ориентировано на документирование обстоятельств, свидетельствующих об осознании лицом общественной опасности своих действий, а также его осведомленности о сходстве свойств вещества, которое оно приобретает или сбывает, со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят.

Космодемьянская Е.Е.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ
ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ
УЧРЕЖДЕНИИ**

Как справедливо отметил в интервью журналу «Наркоконтроль» председатель Государственного антинаркотического комитета В.П. Иванов: «Ежегодно в нашей стране свыше 100 тысяч человек привлекаются к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. За последние десять лет более миллиона человек, совершивших наркопреступления, оказались за решеткой. Ведь специфика наркопреступлений состоит в том, что наркопотребители со временем становятся преступниками...»¹.

Эти слова подтверждаются и статистическими данными, представленными на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ (<http://crimestat.ru/analytics>), согласно которым в 2015 г. правоохранительными органами зарегистрированы 236 939 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Их доля в общем числе расследованных составляет 2,6%. При этом количество лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, увеличилось на 3,6% по сравнению с предыдущим годом. Почти половина преступлений совершены лицами, ранее совершавшими преступления (54,9% от всех предварительно расследованных преступлений в 2015 г.).

Согласно отчетам о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в среднем ежегодно там регистрируются около 1 тысячи преступлений; из них 30% приходится на долю незаконного оборота наркотиков, в частности сбыта наркотических средств.²

Очевидно, что на фоне таких показателей необходимо рассматривать вопрос о совершенствовании методов борьбы с наркопреступностью, одним из которых может стать анализ криминалистической характеристики указанной категории преступлений, поскольку знание ее элементов позволяет конкретизировать предмет

доказывания при их расследовании и обеспечивать эффективность осуществляемых следственных действий.

Как известно, криминалистическая характеристика преступления как один из элементов частной видовой методики включает в себя ряд элементов, а именно: типичные данные о способе, обстановке преступления, о субъекте его совершения и др. Несомненно, все эти элементы имеют практическое значение. Так, данные о способе позволяют спрогнозировать следовую картину, что обеспечивает эффективность следственного осмотра, в частности осмотра места происшествия. А при выборе тактики данного следственного действия, как и обыска, необходимо учитывать специфику территории, на которой совершено преступление, и особенности непосредственно самой преступной деятельности по незаконному обороту наркотических средств.

Так, в приговоре Октябрьского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края в отношении Игнатенко С.Н. (<https://rospravosudie.com>) указано: «17 июня 2015 года... в ходе осмотра кабинета № 25 ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Краснодарскому краю сотрудниками отдела по г. Новороссийску РУ ФСКН России по Краснодарскому краю, прибывшими для осмотра места происшествия по вышеуказанному адресу, совместно с сотрудниками ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Краснодарскому краю в передаче, переданной Игнатенко С.Н. (ранее судимому 24.04.2014) на имя ..., в одной из сигарет, находящейся в передаче, между фильтром и табаком был обнаружен и изъят полимерный пакет, внутри которого было вещество в виде комков и порошка светло-коричневого цвета, которое, согласно заключению эксперта от 01.07.2015 №___ является наркотическим средством – героином, массой 0,47 грамма».

В проведенных ранее исследованиях авторами выделялись способы преступления рассматриваемого вида: «перебросы» наркотического средства через основное ограждение учреждения, в том числе с использованием технических средств; пересылка наркотических средств в бандеролях, передачах, посылках; проносы наркотических средств через контрольно-пропускной пункт (КПП) исправительного учреждения; передача наркотических средств во время проведения свиданий с близкими, родными осужденных; передача наркотиков при этапировании и др.

Что касается данных о субъекте таких преступлений, авторы разделяют их на три группы: а) осужденные, отбывающие наказа-

ние в исправительных учреждениях (в данную группу входят все категории осужденных); б) персонал исправительных учреждений (в данную группу входят аттестованные сотрудники всех подразделений и служб данных учреждений, а также вольнонаемные работники); в) лица, постоянно или периодически поддерживающие связи с осужденными непосредственно либо через посредников (родные, близкие, защитники, представители общественных, правозащитных организаций, сотрудники иных ведомств, лица, непосредственно не знакомые с осужденным, но поддерживающие связь через его посредников, и т.д.).³

Очевидно, что выбранный преступником способ совершения преступления зависит от его личностных характеристик. Так, в приговоре Тверского районного суда города Москвы от 14 апреля 2015 г. (<https://rospravosudie.com>) указано: «гр. ФИО4 незаконно, с целью последующего сбыта приобрел вещество, являющееся согласно заключению эксперта ... наркотическим средством – метадон (фенадон, долофин), которое хранил при себе. После этого с целью последующего сбыта гр-ну ФИО5, содержащемуся под стражей в ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по городу Москве, пропитал вышеуказанным наркотическим средством резинку заранее приготовленного для совершения преступления носка и упаковал его вместе с другими вещами в сумку. Продолжая реализовывать свой преступный умысел, находясь в помещении ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по городу Москве, незаконно сдал в бюро передач для содержащегося под стражей в указанном учреждении ФИО5 заранее приготовленную вещевую передачу с указанным наркотическим средством...».

Как показало проведенное нами изучение судебной практики, подобные преступления, как правило, совершаются лицами, ранее судимыми за незаконный оборот наркотиков, либо корыстно-насильственные преступления (грабежи), либо причинение вреда здоровью. А результаты изучения личностных особенностей осужденных и оценки их психоэмоционального состояния, проведенного в психологической службе Управления ФСИН России по Красноярскому краю, позволили сделать следующий вывод: данным лицам свойственно восприятие некоторых ситуаций как угрожающих своей самооценке, престижу, самоуважению или жизнедеятельности; они склонны реагировать на такие ситуации состоянием тревоги. Не всегда эффективно справляются с проблемами и стрессами в жизни. Недоверчивы, подозрительны, склонны

к соперничеству. Эмоционально-поведенческий контроль недостаточный. Взгляд на жизнь отличается цинизмом, скептицизмом, язвительностью в отношении мотивов других людей.

Весьма показательным в этом плане является приговор Лукояновского районного суда Нижегородской области в отношении Барина В.Г. (<https://rospravosudie.com>): «Барин В.Г. ... приехал в ФКУ ИК-20 ГУФСИН России по Нижегородской области на длительное свидание к своему сыну Барину Д.В., отбывающему наказание в данном исправительном учреждении, с намерением сбыть сыну наркотическое средство... Реализуя свой преступный умысел, Барин В.Г. прошел в жилую зону ФКУ ИК-20 ГУФСИН России по Нижегородской области ...приготовил наркотическое средство для употребления, после чего передал его Барину Д.В., который ввел себе наркотическое средство внутривенно. Оставшуюся часть наркотического средства Барин В.Г. ввел внутривенно себе. Спустя некоторое время Барин Д.В. от острого отравления наркотическим средством потерял сознание и был доставлен в лечебное учреждение ФКУ ИК-20, а Барин В.Г. остался в комнате для длительного свидания в ИК-20. Через некоторое время туда прибыли сотрудники ФКУ ИК-20, которые обнаружили у Барина В.Г. в кармане куртки сверток из фольги с веществом светлого цвета. Согласно заключению эксперта вещество в свертке является наркотическим средством».

Очевидно, что данные о личностных (психологических) и социально-демографических особенностях лиц, совершающих тот или иной вид преступления, позволяют повысить эффективность процесса расследования как с точки зрения совершенствования тактики производства отдельных следственных действий, так и с позиций разработки эффективных профилактических мер, что является как одной из тактических задач расследования, так и приоритетным направлением профилактики правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, что предусмотрено приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2013 г. № 72 г. «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы».

Очевидно, что разработка эффективных рекомендаций по организации и проведению индивидуально-воспитательной работы с этими лицами с учетом их личностных особенностей и проведение

соответствующих психокоррекционных мероприятий позволили бы снизить процент рецидивной преступности.

Таким образом, знание особенностей способов совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных в исправительных учреждениях, позволяет сделать вывод о наличии соответствующей следовой картины, что обуславливает тактику производства ряда следственных действий, основанных на методе наблюдения, в том числе поискового характера, а знание личностных особенностей преступника дает следователю возможность выбрать эффективную линию поведения при производстве допроса данных лиц.

¹ Борбат А.В. Интервью журналу «Наркоконтроль» председателя Государственного антинаркотического комитета директора Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков В.П. Иванова // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 2-7.

² Епифанов С.С. Технические средства в противодействии пенитенциарной преступности: требования к системе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29). С. 58-65.

³ Чернышенко Е.В. Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

Суров О.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

Бондаренко Е.А.

Межмуниципальное управление
МВД России «Красноярское»

**СРЕДСТВА АНОНИМИЗАЦИИ СДЕЛОК И ФИНАНСОВЫХ ОПЕРАЦИЙ
ПРИ СБЫТЕ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ,
ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ**

Анализ развития наркоситуации в Российской Федерации и результатов правоохранительной деятельности в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков показывает, что стремительно развивающаяся внешняя наркоэкспансия и высокий уровень нар-

котизации общества продолжают представлять прямую угрозу национальной безопасности страны.

В соответствии с приоритетами государственной политики в сфере пресечения незаконного оборота наркотиков основной целью ФСКН России в 2016 г. является повышение качества и результативности противодействия организованной преступности в сфере незаконного оборота наркотиков.

Одной из задач, направленных на реализацию указанной цели, является повышение эффективности оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. В свою очередь, качественное ее осуществление практически невозможно без владения необходимыми знаниями. Это в первую очередь относится к выявлению и расследованию новых способов совершения преступлений. Одним из них является сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемый с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), в том числе посредством использования электронных платежных систем.

Использование электронных виртуальных валют при осуществлении незаконного оборота наркотиков обусловлено высокой степенью их анонимности. При этом выделяют два вида электронных платежных систем: централизованная и децентрализованная.

Централизованные виртуальные валюты имеют единое «хранилище» и единого управляющего. Децентрализованные виртуальные валюты, в свою очередь, не имеют единого «хранилища» и единого управляющего, «деньги» передаются от одного лица к другому без вмешательства посредников. Биткойн является наглядным примером такой виртуальной валюты. Также биткойн является криптовалютой, и это означает, что данная валюта действует на основании криптографических протоколов, которые «производят» биткойны и подтверждают их передачу.¹

«Биткойн» (англ. Bitcoin, от bi – «бит» и coin – «монета») – пиринговая платежная система, использующая одноименную расчетную единицу – биткойн.

Целью разработчиков было создание системы полностью необратимых сделок, когда электронный платеж между двумя сторонами происходит без третьей стороны – гаранта, и ни одна из сторон, в том числе какой-либо внешний администратор (банк, налоговые, судебные и иные государственные органы), не могла бы отменить, заблокировать, оспорить или принудительно совершить

транзакцию. Для обеспечения функционирования и защиты системы используются криптографические методы, но вся информация о транзакциях не шифруется и всегда доступна в открытом виде.

Биткойны могут использоваться для обмена на товары или услуги у продавцов, которые согласны их принимать. Через онлайн-сервис обмена цифровых валют, другие платежные системы или обменные пункты происходит обмен на обычные валюты.

Одна из главных особенностей системы – полная децентрализация: нет центрального администратора или какого-либо его аналога. Необходимым и достаточным элементом этой платежной системы является базовая программа-клиент (имеет открытый исходный код). Запущенные на множестве компьютеров программы-клиенты соединяются между собой в одноранговую сеть, каждый узел которой равноправен и самодостаточен. Невозможно государственное или частное управление системой, в том числе изменение суммарного количества биткойнов.

Причины, по которым преступник может обратиться к виртуальным валютам для ПОД/ФТ, следующие:

- возможность относительной анонимности для пользователя;
- простота в использовании;
- низкие комиссионные либо полное их отсутствие;
- доступ из любой точки мира через Интернет;
- возможность для использования в качестве «хранилища» или осуществления международных переводов денежных средств;
- не имеет ограничений по пределу денежных переводов;
- относительная безопасность;
- безотзывный характер переводов;
- возможность создания виртуальных валют, полностью «заточенных» под отмыwanie денег;
- если виртуальная валюта децентрализована, то нет никакого руководящего лица (органа), следовательно, никто не может проинформировать государственные органы о подозрительной деятельности;
- может использовать слабости в правовом режиме конкретных стран, а точнее в законодательстве о ПОД/ФТ.²

Так, по уголовному делу установлено, что подозреваемый С. для сбыта наркотических средств, выполняя указания неустановленного лица, зарегистрированного в сети Интернет под ником «К», установил в своем телефоне программу интернет-кошелек «Биткойн», так как в данном интернет-кошельке не отображаются

персональные данные их владельца, деньги поступают в зашифрованном виде, например в виде одной цифры, затем выводятся на Яндекс.деньги, а затем переводятся на банковские карты, оформленные на подставных лиц, при этом информация в «Биткойн» после завершения операции не сохраняется. После чего осуществлял сбыт наркотических средств в обмен на биткойны. При этом в ходе расследования уголовного дела не представилось возможным установить финансовые операции, сделки и их участников.

Примером средств анонимизации инструментами централизованных платежных систем может служить Qiwi ваучер. Денежный перевод осуществляется по email. Адресат (наркосбытчик) получит письмо с уникальной ссылкой на активацию перевода. Если у отправителя нет кошелька, его нужно создать, чтобы получить отправленные деньги. При этом отправителем перевода выступает Visa QIWI Wallet, а не участник преступной группы. Письмо не содержит никаких сведений об отправителе перевода. Чтобы получить денежный перевод, необходимо авторизоваться в Visa QIWI Wallet и перейти по ссылке. В настоящий момент компания усовершенствовала механизм осуществление платежей подобного вида и пользователи электронного кошелька Visa QIWI Wallet теперь могут использовать мессенджеры и соцсети не только для общения, но и для совершения денежных переводов на небольшие суммы. Приложение «QIWI Клавиатура» для пользователей Visa QIWI Wallet на операционной системе Android представляет собой дополнительную клавиатуру для отправки и получения денежных переводов внутри используемого в данный момент приложения.

Использование вышеозначенных и иных средств анонимизации электронных платежей при сбыте наркотических средств и психотропных веществ затрудняет решение вопроса о применении ст. 104.1 УК РФ, привлечении к уголовной ответственности по ст. 174, 174.1, 228, 228.1 УК РФ.

В заключение необходимо сказать, что законодателям и компетентным органам еще предстоит большая работа по правовому регулированию виртуальных валют и разработке методики расследования преступлений, совершенных с их использованием. Однако результативность установления конкретных лиц, совершающих преступления с использованием сети Интернет, а также расследования данных преступлений напрямую зависит от творческих способностей оперативного сотрудника, следователя и их знаний в области сетевых технологий.

Таким образом, в целях успешного выявления, пресечения и расследования деятельности указанных преступных групп в территориальных органах ФСКН целесообразно:

– организовать подготовку сотрудников, которые будут заниматься выявлением и расследованием преступлений данной категории, обеспечив их свободным доступом к сети Интернет;

– организовать систему взаимодействия с экспертными и специальными техническими подразделениями для повышения эффективности изъятия криминалистически значимой информации с удаленных ресурсов сети Интернет.

¹ Бондаренко Д.Д. Виртуальные валюты: сущность и борьба с их использованием в преступных целях (на примере США) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 6.

² Beyond Silk Road: Potential Risks, Threats, and Promises of Virtual Currencies. The United States Senate Committee on Homeland Security and Governmental Affairs, November 18, 2013. P. 21. Цит. по: там же.

Железняк Н.С.,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской
Федерации
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СУДЕБНОГО САНКЦИОНИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ В НЕОТЛОЖНОМ ПОРЯДКЕ

Нами уже неоднократно отмечалось, что за 20 лет существования Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) почти тремя десятками его редакций, насчитывающими восемь с половиной десятков изменений, законодатель пытался совершенствовать регулируемую данным нормативным правовым актом деятельность – и частично ему это удалось. У теоретиков и практиков в области оперативно-розыскной деятельности сегодня возникает все меньше вопросов относительно «черных дыр» и «белых пятен», изначально изобиловавших в упомянутом документе.

Однако следует констатировать, что процесс приведения оперативно-розыскных норм в соответствие с потребностями

практики борьбы с преступностью еще не завершен. Например, серьезный пласт вопросов, не нашедших четких и понятных разъяснений законодателя, содержится в ст. 8 ФЗ об ОРД, посвященной условиям проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). В ч. 3 рассматриваемой статьи отмечается следующее: *«В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных частью второй настоящей статьи, с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение»* (здесь и далее курсив наш. – Н.Ж.).

Из цитируемого предписания законодателя вытекают несколько очевидных положений:

- для проведения в особом порядке ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, *должны возникнуть случаи*, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, либо угрожать государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;
- ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, можно провести *на основании мотивированного постановления* одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД;
- при этом *должно быть обеспечено обязательное уведомление суда (судьи)* в течение 24 часов;
- в течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия *орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого ОРМ либо прекратить его проведение.*

Соблюдение указанных условий делает возможным проведение таких ОРМ в особом порядке, т.е. до получения судебного разрешения на ограничение конституционных прав граждан.

Вместе с тем некоторые теоретики и значительная часть практиков задаются вопросом о возможности проведения ОРМ, отмеченных в ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД, без получения соответствующего судебного разрешения, используя для этого следующую мотивацию: заключительная фраза предписания, изложенного в ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД, гласит, что орган, осуществляющий ОРД, в течение 48 часов с начала проведения ОРМ, обязан получить судебное решение *либо прекратить его проведение*.

Именно окончание фразы «либо прекратить его проведение» представляется значительной части должностных лиц альтернативой получению судебного решения. Рассуждения в этой части достаточно просты: если на ОРМ, не терпящие отлагательства, сотрудниками затрачено немного времени (например, несколько часов) и получен необходимый результат, ОРМ подлежит прекращению, и нет необходимости получать на него соответствующее судебное решение. Однако такой подход нам представляется слишком упрощенным и неверным в части толкования рассматриваемой нормы.

Во-первых, ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД однозначно требует получения судебного решения на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан.

Во-вторых, существуют только два исключения из предложенного законодателем правила судебного санкционирования ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан:

- ч. 6 ст. 8 ФЗ об ОРД – в случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц по их заявлению или с их согласия в письменной форме, прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов (в это случае достаточно уведомления соответствующего суда);

- ч. 10 ст. 8 ФЗ об ОРД – ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, обеспечивающие безопасность органов, осуществляющих ОРД (проводятся без судебного решения при наличии согласия гражданина в письменной форме).

И последний и, видимо, самый весомый аргумент за обязательность судебной проверки законности ОРМ, проведенных в исключительном порядке. Когда предписания законодателя недостаточно ясны, правоприменитель обращается к официальному толкованию норм, осуществляемому высшими судами страны. В частности, в одном из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ¹ по этому поводу сообщается: ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД предусматрива-

ет, что «в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, допускается проведение ОРМ, требующего судебного решения, с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения ОРМ орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого ОРМ либо прекратить его проведение».

Закон обязывает органы, осуществляющие ОРД, во-первых, *уведомить суд (судью) о проведении ОРМ*, во-вторых, получить судебное решение о проведении такого ОРМ (*независимо от того, прекращено осуществление ОРМ на момент обращения в суд или нет*). В случае если на момент обращения в суд осуществление ОРМ прекращено, судья в постановлении дает оценку законности проведенного ОРМ. Если на момент обращения в суд осуществление ОРМ не прекращено, судья в одном постановлении дает оценку законности проведенного ОРМ и разрешение на его проведение в дальнейшем или отказывает в его проведении.

Таким образом, вопрос о необходимости получения судебного разрешения на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, даже в случае их прекращения, представляется разрешенным и не нуждающимся в дальнейшем анализе.

¹ Информация Пленума Верховного Суда РФ о рассмотрении судами материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий от 05.06.2014.

Чумаров С.А.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**О ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА ЛЕГИТИМНОСТИ ПРИНУЖДЕНИЯ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Возможности оперативно-розыскной деятельности позволяют достаточно эффективно противостоять новым криминальным вызовам, которые обусловлены в том числе такой негативной тенденцией, как развитие наркопреступности. При этом реализация ресурсного потенциала ОРД находится в прямой зависимости от качества основных инструментов этой специфической формы борьбы с преступностью, то есть гласных и негласных методов и средств, применяемых сотрудниками оперативных подразделений. Кроме оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) арсенал этих инструментов также составляют принудительные процедуры, обойтись без которых в повседневной деятельности сотрудникам оперативных подразделений весьма затруднительно, а подчас и невозможно. Например, в соответствии с Федеральным законом «О полиции» органам внутренних дел предоставляется право требовать от граждан (групп граждан) покинуть место совершения преступления, если это необходимо для проведения ОРМ (п. 7 ч. 1 ст. 13), а также в случае необходимости при проведении ОРМ оцеплять (блокировать) участки местности с ограничением или запрещением движения транспорта и пешеходов (п. 3 ст. 16). Вместе с тем при явной актуальности применения принуждения в деятельности оперативных подразделений длительное время исследование соответствующей проблемы находилось на периферии оперативно-розыскной науки и отличалось фрагментарным характером. Однако в последнее время появились значительное количество публикаций, в которых предметом научных дискуссий является возможность применения принуждения в отношении лица, попавшего в орбиту оперативного интереса.¹

Между тем отсутствие норм, регулирующих применение принуждения при осуществлении ОРД, порождает серьезный правовой конфликт между государством в лице сотрудников оперативных подразделений, которые реализуют принудительные процедуры, и гражданином, в отношении которого де-факто принудительные процедуры были применены, но без предоставления ему

де-юре надлежащих гарантий соблюдения его прав и свобод. Наиболее ярко кризис легитимности принуждения проявляется в случае необходимости применения для решения задач ОРД задержания, доставления и досмотра. Например, рассматривая аспекты неотложного розыска по уголовным делам, И.А. Медведев обращает внимание, что «одним из основных признаков розыскной деятельности является динамический характер, который выражается в необходимости оперативного принятия решения в условиях постоянно меняющегося информационного поля. Так, субъекты, осуществляющие розыск, вынуждены стремительно включаться в развитие событий и действовать, преодолевая объективно возникающие негативные последствия криминальной деятельности, проблемные ситуации, изыскивать для этого соответствующие методы и средства, принимать и реализовывать адекватные решения»². Однако существенные пробелы в правовом регулировании задержания для решения задач ОРД размывают правовые ориентиры сотрудников оперативных подразделений и вынуждают их самостоятельно формировать шаблоны применения этой принудительной процедуры, которые основываются исключительно на фактических основаниях, что вызывает серьезные сомнения в адекватности принимаемых решений с точки зрения их соответствия законодательству.

Распространенность ситуаций, связанных с применением принуждения для решения задач ОРД, обуславливает очевидную потребность в преодолении кризиса их легитимности посредством надлежащего нормативного правового регулирования. При этом юридическая техника делает возможным достижение этой цели несколькими способами.

Во-первых, анализ действующего законодательства позволяет выделить множество правовых режимов принудительных процедур, применяемых правоохранительными органами, которые различаются по субъектам, основаниям, условиям, порядку, пределам и иным аспектам. Например, любому сотруднику правоохранительных органов известны правовые режимы уголовно-процессуального задержания (ст. 91, 92 УПК РФ), административного задержания (ст. 27.3-27.7 КоАП РФ), задержания, осуществляемого в соответствии с Федеральным законом «О полиции» (ст. 14). Термин «доставление» используется в юридических конструкциях норм УПК РФ, регламентирующих порядок задержания подозреваемого (ст. 92) и привода (ст. 111, 113), а также преду-

смотрен в КоАП РФ как мера обеспечения по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 27.1). Регулирование досмотра также связывается с одновременным действием множества нормативных правовых актов. Правовые основания проведения досмотра лица, совершившего административное правонарушение, установлены в КоАП РФ (п. 3 ч. 1 ст. 27.1, ст. 27.7). Таможенный кодекс Таможенного союза в качестве исключительной формы таможенного контроля предусматривает личный таможенный досмотр (ч. 1 ст. 117). В соответствии с Воздушным кодексом РФ мерами авиационной безопасности является предполетный досмотр членов экипажа и пассажиров, а также послеполетный досмотр этих лиц в случае его проведения в соответствии с Федеральным законом «О полиции» (ст. 85). Как следует из Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», при осуществлении контроля в местах произрастания и культивирования наркосодержащих растений, а также в местах возможного осуществления незаконных перевозок наркотических средств проводится личный досмотр граждан (ч. 3 ст. 48). Представляется, что одним из способов нормативного закрепления правового режима принуждения является создание унифицированного закона, в котором были бы объединены все виды перечисленных принудительных процедур, применяемых для решения задач различных видов правоохранительной деятельности. Кроме принудительных процедур этим актом также могли бы регулироваться иные меры принуждения, связанные с деятельностью оперативных подразделений. Однако с точки зрения практической реализации принятие такого нормативного источника весьма затруднительно, поскольку для этого требуется систематизация положений множества федеральных законов, имеющих различные предметы правового регулирования.

Во-вторых, возможно придать универсальное значение одному из уже существующих нормативных правовых актов. В качестве такого правового акта мог бы выступить УПК РФ. Например, при реализации этого способа нормы, регламентирующие задержание, доставление и досмотр при осуществлении ОРД, будут носить бланкетный характер, отсылая правоприменителя к УПК РФ. С одной стороны, такой способ нормативного закрепления принудительных процедур может устранить «черную дыру» в оперативно-розыскном законодательстве, но с другой – неизбежно породит новые правовые проблемы, поскольку возможность универсальной нормативной систематизации применения принудительных

процедур вызывает обоснованные сомнения в силу существенных различий в предметах их правового регулирования.

Полагаем, что решению данной проблемы может способствовать включение в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» нормативных правовых предписаний, которые будут регламентировать применение принуждения сотрудниками оперативных подразделений. Этой точки зрения придерживаются некоторые ученые, занимающиеся исследованием данного вопроса.³ Например, выделение правового режима оперативно-розыскного задержания, доставления и досмотра в этом случае будет охватывать оперативно-розыскные ситуации, связанные с применением соответствующих принудительных процедур, что представляется необходимым условием для реализации полномочий сотрудников оперативных подразделений и адекватных гарантий соблюдения прав граждан.

¹ См., напр.: Гусев В.А. «Параллельная реальность» принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 3(44). С. 39-44; Чумаров С.А. О правовой форме принудительных процедур, применяемых при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 3(44). С. 44-46.

² Медведев И.А. Неотложный розыск по уголовным делам: понятие, признаки, виды, место в системе розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 3(20). С. 94.

³ Гусев В.А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика : монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2014. С. 96; Железняк Н.С. О необходимости включения иных оперативных мероприятий в оперативно-розыскную теорию и законодательство // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2013. № 1. С. 7-8.

Смирнов И.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСИН России (г. Красноярск)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ НАВЕДЕНИЕ СПРАВОК

В соответствии с п. 9. Указа Президента РФ от 28 июля 2004 г. № 976 «Вопросы Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков» органы наркокон-

троля в целях реализации своих полномочий имеют право запрашивать и получать от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также от учреждений (предприятий и организаций независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности) документы, справочные и иные материалы, необходимые для решения задач, возложенных на органы наркоконтроля.

В процессе решения задач оперативно-розыскной деятельности органы наркоконтроля сталкиваются с рядом проблем, связанных со своевременностью и эффективностью получения необходимых сведений из различных источников, при этом затрачивая значительные силы и средства.

Вместе с тем согласно ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут создавать и использовать информационные системы, заводить дела оперативного учета.

Необходимо отметить, что одной из форм информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности может быть истребование из информационных массивов оперативно значимых сведений путем направления запроса при проведении оперативно-розыскного мероприятия наведение справок, что, в свою очередь, подразумевает получение согласия правообладателя информационного массива предоставить инициатору запроса требуемые сведения для решения задач оперативно-розыскной или уголовно-процессуальной деятельности.

Наиболее часто применяемое основание для истребования сведений, сообщаемое правообладателю, принимающему решение о предоставлении или отказе предоставить интересующие сведения, – это «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

Сотрудники органов наркоконтроля могут реализовать данные права посредством направления (вручения) юридическим и физическим лицам соответствующих запросов, требований о получении необходимой информации.

Анализ результатов проведенного нами исследования позволяет судить о том, что существуют ряд трудностей в истребовании определенной информации у ее правообладателей. Нередко правообладатели ссылаются на коммерческую, личную и иную охраняемую законом тайну, а иногда и просто, не объясняя причину, отказываются ее предоставить. При этом производство по делам оперативного учета теряет принцип наступательности, оперативности и своевременности осуществления оперативно-розыскной деятельности, что противоречит здравому смыслу всей оперативно-розыскной деятельности.

Согласно абз. 2 и 3 п. 5 ст. 15 ФЗ об ОРД законные требования должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обязательны для исполнения физическими и юридическими лицами, к которым такие требования предъявлены, а неисполнение законных требований должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, либо воспрепятствование ее законному осуществлению влекут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

При этом сотрудники оперативных подразделений органов наркоконтроля должны иметь в виду следующее:

а) механизма принудительной реализации данного права в представлении требуемых документов, справочных и иных материалов не предусмотрено;

б) ст. 19.7 КоАП РФ, на которую как на основания привлечения к ответственности совершенно необоснованно ссылаются некоторые специалисты и правоприменители, в данном случае не всегда применима.

В организационном плане нами предлагаются превентивные меры, направленные на:

– предупреждение административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.7 КоАП РФ;

– реализацию специальных принципов оперативно-розыскной деятельности: оперативности, наступательности и своевременности.

Для этого в запросе на получение соответствующей информации необходимо указывать: правовые основания запроса, истребуемые сведения, срок предоставления сведений, а также диспозицию и санкцию ст. 19.7 КоАП РФ: «Непредставление или несвоевременное представление в государственный орган (должно-

стному лицу) сведений (информации), представление которых предусмотрено законом и необходимо для осуществления этим органом (должностным лицом) его законной деятельности, а равно представление в государственный орган (должностному лицу) таких сведений (информации) в неполном объеме или в искаженном виде...., – влечет предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от ста до трехсот рублей; на должностных лиц – от трехсот до пятисот рублей; на юридических лиц – от трех тысяч до пяти тысяч рублей».

Ключевой в данном случае является фраза «представление которых предусмотрено законом». Иными словами, у должностных лиц имеется право требовать представления таких сведений, а физические и юридические лица обязаны выполнить их законные требования, что не всегда бывает в правоприменительной практике.

В случаях передачи материалов об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.7 КоАП РФ, в суд у исполнителя появляется объективная причина – это сложность запроса и как следствие – невозможность ответа на него в указанный срок.

Полагаем, что при ссылке на ст. 19.7 КоАП РФ органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, предупреждают об административной ответственности правообладателей и тем самым в дальнейшем избавляют себя от несвойственных им функций выявления административных правонарушений, рутинной переписки с неоднократными требованиями предоставить те или иные сведения, на которую затрачивается немало времени и средств.

Единственная норма, которая не оговорена в законодательстве, – это срок представления информации. В этом случае срок представления информации должен быть указан в запросе с учетом времени, необходимого для исполнения данного требования применительно к конкретной ситуации.

Вполне логично, что этот срок должен быть разумным для исполнения запроса, и многие суды в решениях о привлечении к административной ответственности по ст. 19.7 КоАП РФ рассматривают причину «затягивания» или несвоевременного представления (должностному лицу) сведений именно в разумный срок.

Если после поступления исполнителю запрос длительное время не рассматривается и его исполнение затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться в суд о возбуждении административного судопроизводства и ускорении его рассмотрения.

Кроме того, представляется целесообразным закрепить рассматриваемое предложение на ведомственном уровне, а на федеральном уровне – урегулировать право уполномоченных должностных лиц органов наркоконтроля требовать исполнения запросов всеми государственными и муниципальными органами, организациями, должностными лицами и иными лицами в сроки, установленные в запросе, но не позднее одного месяца с момента вручения запроса, за исключением случаев, когда законом установлен особый порядок получения соответствующей информации, связанной с некоторыми видами тайн.

Использование оперативно-розыскного мероприятия наведение справок в расследовании преступлений, безусловно, имеет важное значение, однако только тогда, когда его результаты представлены инициатору запроса своевременно и в соответствии с законом.

Кузьмин Н.Т.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ПРОБЛЕМЫ ГЛАСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ЖИЛИЩА БЕЗ СОГЛАСИЯ
ПРОЖИВАЮЩИХ В НЕМ ЛИЦ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-
РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНАМИ НАРКОКОНТРОЛЯ**

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) наделил субъектов этой специфической формы борьбы с преступностью правом на проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) как в негласной, так и в гласной форме (ст. 15). В оперативно-розыскной науке право на проведение ОРМ в гласной форме продолжительное время толковалось ограничительно – как возможность проведения отдельных ОРМ при наличии на то согласия объекта проводимого мероприятия и без какого-либо принуждения со стороны сотрудников оперативных подразделений. Такого толкования закона придерживались многие специалисты в сфере оперативно-розыскной деятельности, и оно не вызывало каких-либо дискуссий на протяжении длительного времени.

Однако оперативно-розыскная практика пошла по пути расширительного толкования положений ФЗ об ОРД, и полномочие на гласное проведение ОРМ стало пониматься правоприменителя-

ми как императивная возможность их осуществления, в том числе вопреки воле лиц, попавших в сферу оперативного интереса. Это привело, в частности, к широкому распространению принудительного проведения ОРМ обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – обследование) в гласной форме не только на нежилые, но и на жилые помещения, прежде всего в целях выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Практика проведения обследования жилища без согласия проживающих в нем лиц даже при наличии на то судебного разрешения на первых порах подвергалась критике специалистами, которые предлагали предусмотреть в законе возможность проведения обследования только в негласной форме.¹ Однако в последние годы появились сторонники расширительного толкования права на применение принуждения при проведении не только обследования, но и других ОРМ.²

Ученые и специалисты в сфере ОРД до настоящего времени не пришли к единому мнению о правомерности проведения обследования жилища или иного помещения в гласной форме и возможности применения в процессе его осуществления мер принудительного характера. Судебная практика также не дает однозначного ответа на эти вопросы, что, несомненно, оказывает негативное влияние на деятельность оперативных подразделений и снижает эффективность осуществления ОРД органами наркоконтроля.

В ходе проведенного в 2015 г. анкетирования сотрудников и руководителей оперативных подразделений органов наркоконтроля из 24 субъектов Российской Федерации были получены следующие результаты: 56,8% опрошенных сообщили, что проводили гласное обследование жилища; в 4 субъектах Российской Федерации (Волгоградская, Иркутская, Орловская области и Забайкальский край) судьи отказывают в проведении обследования жилища в гласной форме. 64,9% опрошенных получали разрешение судьи на проведение обследования жилища против воли проживающих там лиц, остальные убеждали проживающих в жилище лиц в необходимости проведения ОРМ и в редких случаях действовали в соответствии с ФЗ об ОРД (ч. 3 ст. 8) (случаи, не терпящие отлагательства).

Представляется, что практика проведения обследования жилища с согласия проживающих в нем лиц имеет несколько проблемных истоков, отрицательно влияющих на решение задач, стоящих перед сотрудниками оперативных подразделений органов наркоконтроля.

Во-первых, лица, дающие такое согласие, должны полностью понимать его значение, смысл и возможные правовые последствия. Полагаем, что согласие лица на проведение обследования жилища находится в неразрывной связи с правом, предусмотренным Конституции РФ (ст. 51). Это означает, что лицу перед получением согласия на обследование жилища необходимо разъяснить право его не давать, а также сообщать обо всех неблагоприятных для него последствиях согласия.

С учетом того, что лицо, у которого сотрудник оперативного подразделения пытается получить согласие на обследование жилища, может являться преступником, вряд ли такое согласие будет получено, вследствие чего ОРМ не достигнет своей цели, а его проведение позже будет бессмысленным, так как вещества и предметы запрещенные либо ограниченные в гражданском обороте будут уничтожены или перемещены в другое хранилище.

Во-вторых, при отсутствии согласия на обследование жилища способом решения задач ОРД является проведение ОРМ вне зависимости от волеизъявления проживающих в нем лиц. Однако некоторые судьи выражают мнение, что обследование жилого помещения в гласной форме может проводиться только с согласия проживающих в нем лиц, а проведение этого ОРМ в гласной форме против их воли, но с разрешения суда, подменяет собой обыск, осуществленный до возбуждения уголовного дела, с нарушениями требований УПК РФ. Иначе говоря, гласное обследование вновь ставится в зависимость от волеизъявления лиц, как правило, не заинтересованных в его результативном проведении.³

По нашему мнению, такая точка зрения не соответствует действующему законодательству, согласно которому волеизъявление граждан не является условием проведения ОРМ, а рассматривается как фактор, влияющий на организацию и тактику их проведения. Гласное обследование жилища, как и любое иное ОРМ, может проводиться при наличии предусмотренных ФЗ об ОРД оснований и с соблюдением установленных условий (ст. 7, 8), то есть вне зависимости от волеизъявления проживающих в нем лиц,

на основании постановления судьи об ограничении конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища.

Аргументированность этой позиции подтверждается следующими решениями судов общей юрисдикции:

1) апелляционным постановлением Ивановского областного суда от 3 сентября 2015 г. по делу №22-1494/2015, которым установлено, что сотрудники оперативного подразделения, вопреки доводу заявителя, при проведении ОРМ действовали законно, объем и характер их действий определялся задачами, которые были сформулированы перед проведением ОРМ. ОРМ в жилище С. проводилось сотрудниками полиции на основании разрешения судьи областного суда. Полученные в ходе проведенного ОРМ результаты документированы, рассекречены и переданы в орган, уполномоченный осуществлять предварительное расследование, в полном соответствии с требованиями ФЗ об ОРД. ФЗ об ОРД закрепляет право органов, осуществляющих ОРД, при решении ее задач проводить ОРМ, как гласно, так и негласно, а также производить при их проведении изъятие документов, предметов (ст. 15). ФЗ об ОРД не предусмотрено, какие ОРМ должны проводить гласно, а какие негласно, следовательно, решение о форме проведения ОРМ принимает орган, осуществляющий указанное ОРМ. Ссылки заявителя и его представителей на судебные решения по конкретным уголовным делам судом не принимаются в связи с отсутствием в законодательстве Российской Федерации аналогии права;

2) апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 28 мая 2015 г. по делу № 22К-770/2015, которым установлено, что при решении задач ОРД органы, уполномоченные ее осуществлять, имеют право проводить гласно и негласно ОРМ, перечисленные в ФЗ об ОРД (ст. 6), производить при их проведении изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, а также прерывать предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

Таким образом, данная норма устанавливает перечень действий, которые возможны при производстве ОРМ, а также обязательное условие, при наличии которого эти действия могут осуществляться.

Доводы адвоката о том, что сотрудники оперативных подразделений наделены полномочиями изымать документы, предме-

ты, материалы и сообщения только в случаях возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, являются необоснованными, поскольку не соответствуют норме закона.

Представляет интерес опыт Управления ФСКН России по Республике Тыва. В 2013 г. при рассмотрении ходатайств на проведение обследования жилища в гласной форме против воли проживающих в нем лиц Верховным Судом Республики Тыва принимались решения об отказе в их удовлетворении. Суд при этом руководствовался доводами, аналогичными изложенным в кассационном определении Верховного Суда РФ от 9 января 2013 г. по делу № 45-012-77, где указано, что согласно п. 8 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств является одним из ОРМ, проводимых для решения задач, предусмотренных ст. 2 ФЗ об ОРД. По смыслу указанных норм в их взаимосвязи со ст. 9 ФЗ об ОРД данное ОРМ осуществляется негласно и не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу. Таким образом, фактически в жилых помещениях были проведены обыски до возбуждения уголовных дел и с нарушением требований, установленных ст. 182 УПК РФ.

Посчитав, что позиция Верховного Суда Республики Тыва ошибочна, начальник Управления ФСКН России по Республике Тыва направил в адрес Верховного Суда РФ постановление о возбуждении ходатайства о проведении обследования, ограничивающего конституционные права гражданина. По результатам рассмотрения постановления судьей Верховного Суда РФ было принято решение о даче разрешения на проведение данного ОРМ.

В дальнейшем руководством Управления ФСКН России по Республике Тыва была осуществлена рабочая встреча с председателем Верховного Суда Республики Тыва и его заместителями, в результате которой принято решение о необходимости проведения данного ОРМ, но в то же время с исключением из практики деятельности оперативных подразделений подмены им следственного действия «обыск» при наличии возбужденного уголовного дела.

Таким образом, указанные обстоятельства обуславливают острую необходимость исследования новой для оперативно-розыскной науки проблемы установления пределов проведения обследования жилища и допустимости применения при этом мер

принудительного характера в контексте обеспечения конституционного принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД.

¹ Захарцев С., Молчанов П., Рохлин В. Законность проведения оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2003. № 9. С.33-35.

² См., напр.: Гусев В.А. «Параллельная реальность» принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 3 (44). С. 39-44; Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юридическая академия, 2014. С.27; Чумаров С.А. О правовой форме принудительных процедур, применяемых при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 3 (44). С. 44-46.

³ Кузьмин Н.Т. Некоторые вопросы гласного обследования жилища // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 3 (20).

Галушин П.В.,
кандидат технических наук
Сибирский юридический институт
ФСИН России (г. Красноярск)

О ВЫЯВЛЕНИИ ЛАТЕНТНЫХ СВЯЗЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ НАРКОКОНТРОЛЯ

Незаконный оборот наркотиков остается одной из острейших проблем, представляющих высокую общественную опасность для личности, общества и государства. Сервисы информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в частности социальные сети, активно используются как для пропаганды наркотических средств и психотропных веществ¹, так и для организации их незаконного оборота.

В настоящее время социальные сети развиваются стремительными темпами и охватывают все большее число пользователей. Так, в одной из самых популярных социальных сетей – «Facebook» – зарегистрированы более 1,2 миллиарда пользователей, российские социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» насчитывают более 200 миллионов пользователей каждая. Пользователи данных сетей ежедневно формируют огромное количество информации о себе и своих связях с другими пользователями. Таким образом, социальные сети содержат огромные мас-

сивы данных о лицах, представляющих интерес для органов наркоконтроля, и взаимоотношениях между ними.

Одним из аспектов, затрудняющих выявление дружественных связей пользователей, представляющих интерес для органов наркоконтроля, посредством обращения к цифровой информации, размещенной в социальных сетях, является возможность либо вообще не добавлять в список «друзей» лиц, связь с которыми фигурант хотел бы скрыть, либо не отображать их в общедоступном списке своих друзей (такую возможность предоставляет, в частности, социальная сеть «ВКонтакте»).

Для преодоления указанных трудностей можно предложить метод выявления круга лиц, которые с большой вероятностью могут быть друзьями пользователя, представляющего интерес для оперативных подразделений органов наркоконтроля.

Многие социальные сети предоставляют такую возможность, как поиск возможных друзей, аудиовизуальных произведений, групп и событий, которые могут заинтересовать пользователя. Информационные системы прогнозирующие, какие объекты, информационные сообщения и люди будут интересны определенному пользователю на основе его действий, предпочтений и другой информации, называются рекомендательными системами. В основе большинства подобных систем лежит так называемая коллаборативная фильтрация.²

Основное допущение этого метода состоит в следующем: те люди, которые одинаково оценивали какие-либо предметы в прошлом, склонны давать похожие оценки другим предметам и в будущем. Прогнозы составляются индивидуально для каждого пользователя, хотя используемая информация собрана от многих участников. Тем самым коллаборативная фильтрация отличается от более простого подхода, дающего усредненную оценку для каждого объекта интереса, к примеру, базирующуюся на количестве поданных за него голосов.

При этом напрямую встроенные возможности социальных сетей не могут быть использованы для решения поставленной задачи, так как они рекомендуют «друзей» только для самого пользователя, а не для произвольного лица. Таким образом, если не рассматривать возможность получения информации по запросу правоохранительных органов от администрации социальной сети, выявление возможных друзей пользователя должно быть выполнено находящейся вне социальной сети автоматизированной ин-

формационной системой (программно-аппаратным комплексом) или оператором.

Задача поиска личной страницы пользователя выходит за рамки данной работы, поэтому в дальнейшем будем считать, что пользователь социальной сети, представляющий оперативный интерес, уже определен и его личная страница данной в социальной сети уже найдена. Рассмотрим один из возможных алгоритмов решения рассматриваемой задачи выявления латентных связей, основанный на использовании метода коллаборативной фильтрации.

Во-первых, следует получить список открытых (видимых всем) друзей пользователя с использованием личной страницы или прикладного программного интерфейса (API, application programming interface) социальной сети.

Во-вторых, для каждого из открытых «друзей» пользователя необходимо получить список их открытых «друзей» аналогично тому, как это было сделано для исходного пользователя на предыдущем этапе.

В-третьих, требуется объединить списки, полученные при выполнении предыдущего этапа. При этом для каждой учетной записи социальной сети подсчитывается, у какого количества друзей фигуранта данная учетная запись находится в списке «друзей» (назовем эту величину количеством рекомендаций).

В-четвертых, необходимо произвести сортировку полученного списка по убыванию количества рекомендаций, подсчитанных на предыдущем этапе. Учетные записи, оказавшиеся в начале данного списка, с большой вероятностью будут знакомыми фигуранта в реальной жизни или в сетевом общении.

Данный алгоритм, в принципе, может быть выполнен оператором без использования автоматизированных информационных систем, средствами предоставляемой сайтом социальной сети. Однако количество друзей у обычного пользователя социальной сети измеряется, как правило, десятками, а может достигать и нескольких сотен. Таким образом, список «друзей друзей» будет включать от сотен до сотен тысяч записей. Поэтому составление и объединение списков «друзей» вручную может оказаться задачей, невыполнимой за разумное время. Таким образом, эффективное использование данного алгоритма невозможно без автоматизации, то есть создания программных систем анализа информации, содержащихся в социальных сетях.

Описанный алгоритм может быть реализован в рамках автоматизированной информационной системы анализа социальных сетей, возможная архитектура которой рассматривалась ранее.³

Точность выявления латентных связей можно повысить, если учитывать информацию не только об отношениях дружбы, но и другие данные, хранящиеся в социальных сетях. К таким данным относятся: членство в одних и тех же группах, проживание и/или рождение в одном городе, учеба в одном учебном заведении, общее место работы и/или досуга, общие интересы, музыкальные и кинематографические предпочтения. Увеличение числа учитываемых факторов повышает точность прогноза, но замедляет время обработки информации, поэтому нужен некоторый компромиссный вариант, который может быть найден путем экспериментирования.

Описанный метод обладает тем преимуществом, что он основан исключительно на открытых источниках информации и не требует получения конфиденциальной информации по запросу от провайдеров услуг сети Интернет.

Таким образом, использование данных, размещенных в социальных сетях, позволяет получать информацию о пользователях, которую они не размещали самостоятельно или пытались скрыть. Предложенный алгоритм и его реализация в виде автоматизированных информационных систем могут быть использованы сотрудниками органов наркоконтроля при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в сети Интернет.

¹ Иванов А.Ю., Ефимов С.Н., Галушин П.В. Противодействие пропаганде наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 4. С. 37-41.

² Using collaborative filtering to weave an information / D. Goldberg [и др.] // Communications of ACM, 1992. 35. № 12. p. 61-70.

³ Галушин П.В., Смирнов И.А. Автоматизация аналитической работы органов наркоконтроля с информацией, размещенной в социальных сетях // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 3. С. 117-121.

Черинко Д.П.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ,
СОДЕЙСТВУЮЩИХ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-
РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

В ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплена возможность реализации гражданами их конституционных прав на защиту от противоправных посягательств путем оказания органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, содействия в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, с сохранением по их желанию конфиденциальности такого содействия, в том числе по контракту.

При этом ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает целый ряд норм, обеспечивающих правовую и социальную защиту указанных лиц, в том числе право на пенсионное обеспечение и право на включение в страховой стаж всего периода содействия (в том числе конфиденциального) органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, при соблюдении следующих условий:

1) наличие контракта о сотрудничестве с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность;

2) сотрудничество должно быть основным родом занятий граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, т.е. главным источником их доходов.

Следует отметить, что включение периода сотрудничества по контракту с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, является первичным по отношению к непосредственному назначению пенсии, т.к. страховой стаж, наряду с достижением пенсионного возраста, выступает в качестве основания для назначения пенсии.

Однако существует целый ряд обстоятельств, препятствующих практической реализации указанных норм.

Так, согласно п. 2 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» страховым стажем является учитываемая при определении права на страховую пенсию и ее размера суммарная продолжительность периодов работы

и (или) иной деятельности, за которые начислялись и уплачивались взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации, а также иных периодов, засчитываемых в страховой стаж.

Из содержания ч. 1 ст. 4, ст. 11, п. 9 ч. 1, 2 ст. 12 Федерального закона «О страховых пенсиях» вытекает, что к иному периоду, засчитываемому в страховой стаж, относятся периоды оказания сотрудничества органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, но только в том случае, если им предшествовали и (или) за ним следовали периоды работы и (или) иной деятельности (независимо от их продолжительности), за которые начислялись и уплачивались взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации. Причем в эти периоды (предшествующий или последующий за периодом оказания содействия) указанные лица должны быть застрахованы в соответствии с Федеральным законом 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

Далее, ч. 6 ст. 18 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет норму, согласно которой порядок передачи сведений об оказании гражданином сотрудничества органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, необходимых для зачисления времени такого сотрудничества в страховой стаж, определяется руководителем органа, в состав которого входят подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. То есть на указанного руководителя ложится бремя обеспечить граждан, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, соответствующими документами и в то же время (если содействие оказывалось конфиденциально) сохранить в тайне сам факт такого содействия.

Это нам представляется весьма трудной задачей, поскольку в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, отсутствуют нормативные правовые акты, закрепляющие порядок оформления и выдачи такого рода документов и как следствие практика их выдачи.

Таким образом, из содержания ч. 6 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ч. 1 ст. 4, ст. 11, п. 9 ч. 1, ч. 2 ст. 12 Федерального закона «О страховых пенсиях», Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» следует, что назначение страховой пенсии с учетом периодов сотрудничества граждан с органами, осу-

существляющими оперативно-розыскную деятельность, зависит от соблюдения следующих условий:

1) наличие контракта о сотрудничестве с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность;

2) сотрудничество должно быть основным родом занятий граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, т.е. главным источником их доходов;

3) периоды сотрудничества с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, должны предшествовать и (или) за ним следовать периоды работы и (или) иной деятельности (независимо от их продолжительности), за которые начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации;

4) в эти периоды (предшествующий или последующий за периодом оказания содействия) указанные лица должны быть застрахованы в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»;

5) в Пенсионный фонд Российской Федерации должны быть представлены сведения о периоде сотрудничества гражданина с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Также необходимо учитывать, что при подсчете страхового стажа периоды оказания содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, до регистрации гражданина в качестве застрахованного лица в соответствии с Федеральным законом от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» подтверждаются на основании сведений индивидуального (персонифицированного) учета за указанный период и (или) документами, выдаваемыми соответствующими государственными органами, которыми, на наш взгляд, являются органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность.

Однако это сопряжено с определенными трудностями. Отдельные лица оказывают содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на основании контракта, заключенного в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Такой контракт, по нашему мнению, не идентичен трудовому договору, а гражданин, оказывающий содействие, является субъектом не трудовых, а оперативно-розыскных отношений, которые возникают в процессе содействия указанных лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную

деятельность, а значит, оснований для оформления трудовых книжек рассматриваемой категории граждан и уплаты страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации нет.

В связи с этим перед руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, стоит задача обеспечить лиц, оказывающих содействие, необходимыми документами, подтверждающими период оказания содействия (в том числе конфиденциального) по контракту.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что институт пенсионного обеспечения лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, нуждается в дальнейшей доработке. С целью усиления социальной защищенности содействующих лиц необходимо разработать механизм реализации их пенсионного обеспечения.

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ

Муслимов Э.С.

Управление ФСКН России по
Республике Дагестан (г. Махачкала)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ

Управлением ФСКН России по Республике Дагестан в процессе реализации государственной антинаркотической политики в целях совершенствования организационного, нормативно-правового и ресурсного обеспечения антинаркотической деятельности был проведен анализ эффективности правоприменения и возникающих проблем в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, а также в системе оказания наркологической медицинской помощи больным наркоманией и их реабилитации. В результате нами выявлены ряд проблем, требующих, по нашему мнению, разрешения на федеральном уровне.

По делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.13 КоАП РФ, доказательствами в соответствии со ст. 26.2 КоАП РФ, как правило, являются протокол осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуального предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов, протокол изъятия вещей и документов, справка об исследовании, заключение эксперта.

При проведении мероприятий по документированию данного административного правонарушения сотрудники сталкиваются с проблемами, препятствующими собиранию необходимых доказательств. В частности, возможны случаи, когда лица, сбывающие товары, предметы, содержащие информацию, позволяющую отнести ее к пропаганде наркотических средств, при проведении сотрудниками проверки покидают место осуществления предпринимательской деятельности, зачастую не являются зарегистрированными в установленном порядке предпринимателями, не имеют ни-

каких документов, предусмотренных законодательством, для осуществления предпринимательской деятельности.

Статья 27.8 КоАП РФ обязывает осуществлять осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов в присутствии представителя юридического лица, индивидуального предпринимателя или его представителя, в присутствии понятых или с применением видеозаписи. Таким образом, при бегстве предпринимателя с места осуществления предпринимательской деятельности исключается возможность надлежащего документирования и доказывания факта совершения административного правонарушения, а такая мера, как задержание и доставление, не отвечает задачам по документированию административных правонарушений, так как задокументировать факт совершения административного правонарушения в таких случаях целесообразно до применения указанных мер обеспечения.

В процессе оперативно-служебной деятельности сотрудники наркоконтроля также принимают активное участие в профилактических мероприятиях совместно с сотрудниками МВД России по противодействию распространению вредных для здоровья веществ, таких например, как насвай. Статьей 14.53 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за оптовую или розничную продажу насвая, табака сосательного (снюса), однако имеющие в КоАП РФ правовые инструменты, т.е. меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, являются недостаточными для эффективной борьбы с правонарушителями.

Выходом из данной ситуации, по нашему мнению, является внесение в КоАП РФ дополнений, предусматривающих возможность проведения проверочной закупки предметов, товаров, услуг и пр. В настоящее время проведение проверочной закупки предусмотрено лишь в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», однако проведение проверочной закупки в целях документирования административного правонарушения не отвечает задачам оперативно-розыскной деятельности, предусмотренным ст. 2 закона, а значит, полученные таким образом доказательства не могут быть признаны законными при рассмотрении дела об административном правонарушении. Дополнения в КоАП РФ позволили бы шире использовать возможности доказывания фактов совершения административных правонарушений.

Еще одной проблемой сегодня является исполнение лицом, содержащимся под стражей либо в местах лишения свободы, возложенной на него судом при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача.

В соответствии со ст. 54 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» государство гарантирует больным наркоманией оказание наркологической помощи и социальную реабилитацию. Статьей 55 закона определено, что профилактика и диагностика наркомании, медицинская реабилитация больных наркоманией осуществляются в медицинских организациях, получивших лицензию на указанный вид деятельности в порядке, установленном законодательством России. Лечение больных наркоманией проводится только в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения. Координацию деятельности наркологической службы в России в соответствии со ст. 57 закона осуществляет федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения.

Больные наркоманией при оказании наркологической помощи пользуются правами пациентов в соответствии с законодательством Российской Федерации об охране здоровья граждан. Статья 26 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает, что лица, задержанные, заключенные под стражу, отбывающие наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста, имеют право на оказание медицинской помощи, в том числе в необходимых случаях в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения, в соответствии с законодательством России.

При невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы лица, заключенные под стражу или отбывающие наказание в виде лишения свободы, имеют право на оказание медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения, а также на приглашение для проведения консультаций врачей-специалистов указанных меди-

цинских организаций в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на эти цели федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осуждённых.

Правила оказания медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций установлены постановлением Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 1466. Согласно данным Правилам в медицинских организациях лицам, лишенным свободы, оказываются все виды медицинской помощи с соблюдением порядков их оказания и на основе стандартов медицинской помощи.

Нормативным актом, определяющим порядок оказания медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу, является приказ Минздравсоцразвития России № 640, Минюста России № 190 от 17 октября 2005 г. В соответствии с данным приказом осужденные, подлежащие обязательному лечению от алкоголизма и наркомании, содержатся и проходят амбулаторное лечение в лечебных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, создаваемых для этих целей. Обязательное лечение больных алкоголизмом, наркоманией проводится врачом психиатром-наркологом или врачом-психиатром, имеющим соответствующую подготовку по наркологии. Основанием для назначения обязательного лечения является комиссионное заключение, вынесенное комиссией врачей специалистов. При выявлении у осужденного хронического алкоголизма или наркомании в случаях, требующих лечения, ему предлагается пройти курс лечения от алкоголизма и наркомании в добровольном порядке. Добровольное лечение от алкоголизма и наркомании проводится по месту отбывания наказания при наличии в учреждении врачей-наркологов, а при их отсутствии – в учреждениях, имеющих необходимую базу.

При отказе от добровольного лечения медицинской комиссией, состоящей из начальника медицинской части исправительного учреждения, двух врачей психиатров-наркологов или врачей-психиатров, выносится заключение, на основании которого применяется обязательное лечение.

В системе ФСИН России по Республике Дагестан не имеется возможность проведения лечения от наркомании в связи с отсутствием врачей-наркологов. Таким образом, существует проблема исполнения решения суда о возложенной на лицо судом при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую реабилитацию. Решением данной проблемы, на наш взгляд, является создание в системе ФСИН России в каждом субъекте России условий для прохождения лечения от наркомании и (или) медицинской реабилитации. В современных условиях российской экономики, сокращения бюджетов всех уровней реализовать данную задачу будет проблематично, но с учетом того, что совершенствование системы оказания наркологической медицинской помощи больным наркоманией и их реабилитации является одной из основных стратегических задач государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, необходимо предпринимать шаги по нормативно-правовому регулированию данной проблемы.

Еще одним важным аспектом является вопрос о сроках составления протокола об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.9.1 КоАП РФ, при повторном уклонении лица от исполнения возложенной на него судом при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача. Возложение данной обязанности предусмотрено ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ. Частью 4 ст. 4.1 КоАП РФ установлено, что назначение административного наказания не освобождает лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой административное наказание было назначено.

Постановлением Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484 утверждены Правила контроля за исполнением лицом возложенной на него судом при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача. Из норм указанного постановления следует, что контроль за исполнением лицом обязанности осуществляет уполномоченный орган (т.е. органы нарко-

контроля) по месту жительства лица, на которое возложена обязанность. Контроль осуществляется в течение всего срока исполнения лицом обязанности. В целях контроля уполномоченный орган запрашивает в медицинской организации и (или) учреждении социальной реабилитации информацию об исполнении лицом обязанности. Периодичность направления запросов определяется уполномоченным органом исходя из назначенных сроков исполнения лицом обязанности. Медицинская организация и (или) учреждение социальной реабилитации направляют в течение 3 дней со дня установления факта уклонения лица от исполнения обязанности в уполномоченный орган уведомление в случае уклонения лица от исполнения обязанности. Основаниями для снятия лица, на которое возложена обязанность, с учета в уполномоченном органе являются извещение о завершении исполнения лицом обязанности, вступившее в законную силу постановление суда об отмене исполнения лицом обязанности, документ, служащий основанием для государственной регистрации смерти, вступившее в законную силу решение суда о признании лица безвестно отсутствующим.

В соответствии со ст. 6.9.1 КоАП РФ лицо считается уклоняющимся от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, если оно не посещает или самовольно покинуло медицинскую организацию или учреждение социальной реабилитации либо не выполнило более двух раз предписания лечащего врача.

Когда лицо впервые уклоняется от возложенной на него обязанности, никаких вопросов о составлении протокола по ст. 6.9.1 КоАП РФ не возникает. Но в случае дальнейшего уклонения лица от возложенной на него обязанности возникают вопросы о том, через какое время после вынесения судом решения по ст. 6.9.1 КоАП РФ и дальнейшего уклонения от обязанности необходимо составить новый протокол по ст. 6.9.1 КоАП РФ, какое количество протоколов может быть составлено в отношении уклоняющегося лица и в течение какого периода.

Срок исполнения лицом возложенной на него обязанности в постановлениях судов не указывается и его установление не предусмотрено КоАП РФ.

В связи с вышеизложенным предлагается:

примечание к ст. 6.9.1 КоАП РФ дополнить текстом следующего содержания: «В случае если лицо подвергнуто административному наказанию по настоящей статье и продолжает уклоняться от возложенной судом обязанности, уполномоченный орган после получения из медицинской организации и (или) учреждения социальной реабилитации информации об уклонении лица от исполнения обязанности привлекает данное лицо к административной ответственности, а при продолжении уклонения лица от обязанности обращается в суд с ходатайством об отмене исполнения лицом обязанности»;

в абз. 5 ч. 2 ст. 29.10 КоАП РФ внести дополнение следующего содержания: «Судья при вынесении постановления, связанного с возложением обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, решает вопрос об установлении такого срока, а также указывает адрес фактического нахождения и наименование конкретной медицинской организации либо учреждения социальной реабилитации».

Клевцов В.В.,

кандидат юридических наук
Орловский юридический институт
МВД России им. В.В. Лукьянова

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ВЕЩЕСТВ НОВЫМИ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫМИ ПСИХОАКТИВНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ

Динамика зарегистрированного преступного оборота наркотиков и статистические данные расследования данных уголовных дел свидетельствуют о том, что в последние несколько лет на территории России наблюдается резкий рост распространения новых синтетических психоактивных веществ, так называемых дизайнерских наркотиков. Данным термином обозначаются синтетические вещества, обладающие психоактивными свойствами и эффектами, сходными с действиями наркотиков; за счет незначительного изменения химической структуры уже известного наркотического вещества сохраняющие способность воздействовать на ре-

цепторы человека, но при этом не входящие в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, запрещенных к обороту в России.

Наиболее широкое распространение в нашей стране получили такие дизайнерские наркотики, как курительные смеси или спайсы. После установления содержания синтетических каннабиноидов в спайсах и их законодательного запрета рынок наркотических средств немедленно отреагировал. Появились новые вещества, чья химическая структура незначительно отличается от исходных, включенных в списки контролируемых веществ, имеющих сходные с подконтрольными веществами химическую структуру и, очевидно, психоактивные свойства, но не включенные в списки подконтрольных веществ.¹

Погоня наркодельцов за прибылью привела к изменению структуры наркотических веществ до такой степени, что, кроме психоактивного эффекта, данные средства приводили к сильной интоксикации организма вплоть до летального исхода.

И только постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 г. № 1186 «О внесении изменений в некоторые постановления Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств» вышеуказанные вещества растительного происхождения, ряд химических веществ, входящих в состав курительных смесей, внесены в список I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681.

На определенном этапе в органах ФСКН России при выявлении веществ, обладающих схожим с наркотическими средствами или психотропными веществами воздействием на организм человека, назначается комплексная экспертиза с участием экспертов разных специальностей (эксперт-химик, эксперт-фармаколог, эксперт-медик) и четко поставленными вопросами, в частности: является ли исследуемое вещество аналогом или производным наркотических средств и психотропных веществ (сходство по химической структуре и свойствам с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят).² Хотя УПК РФ предусматривает назначение и производство экспертиз до возбуждения уголовного дела, но экспертная практика показывает, что

процесс признания вещества аналогом или производным в каждом конкретном случае довольно сложен и длителен, требует определенных исследований пролонгированного характера.³

В целях совершенствования законодательства Российской Федерации в части, касающейся противодействия обороту новых потенциально опасных психоактивных веществ, был разработан и принят Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Согласно положениям Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» новыми потенциально опасными психоактивными веществами признаются вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен (далее – реестр). Решение о включении вещества в реестр принимается федеральным органом исполнительной власти по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, каковым определена на данный момент ФСКН России. При принятии решения о включении конкретного вещества в реестр должно быть установлено, что ему присущи признаки новых потенциально опасных психоактивных веществ. Включение в реестр возможно только при соблюдении установленных законом требований. Порядок формирования и содержания реестра утвержден приказом ФСКН России от 18 февраля 2015 г. № 69.

Кроме определения химической структуры изъятого вещества, необходимо определить, обладает ли представленное на исследование вещество психоактивным воздействием на организм человека, сходным с действием наркотического средства. Разрешение данного вопроса возможно только при производстве токсикологической экспертизы.

Согласно ст. 2.1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – Федеральный закон № 3-ФЗ) в реестр включаются вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом. В то же время, исходя из положений этого закона, наркотическим опьянением можно

признать опьянение, вызванное потреблением наркотических средств или психотропных веществ. Другое толкование не основано на законе. Для устранения указанного требуется либо дополнить Федеральный закон № 3-ФЗ определением наркотического опьянения, из которого должно однозначно следовать, что наркотическое опьянение может быть вызвано и потреблением веществ, не являющихся наркотическими средствами и психотропными веществами. Но тогда сотрется грань между наркотическим и токсическим опьянением.

Токсическое опьянение вызывается веществом, не являющимся наркотическим средством или психотропным веществом. Такое опьянение может быть вызвано аналогами наркотических средств или психотропных веществ, воспроизводящими их психоактивное действие. Применительно к новым потенциально опасным психоактивным веществам оговорки о том, что они воспроизводят психоактивное действие наркотических средств или психотропных веществ, в законе нет. Если рассматривать токсическое опьянение как более широкое понятие по отношению к наркотическому опьянению (наркотическое опьянение как частный случай токсического опьянения), тогда применительно к новым потенциально опасным психоактивным веществам следует говорить об ином токсическом (не являющемся наркотическим) опьянении.

В соответствии с Федеральным законом № 3-ФЗ включение вещества в реестр осуществляется при получении сведений о его потреблении, которые должны быть подтверждены результатами медицинского освидетельствования лиц, находящихся под воздействием этого вещества, проведенного в соответствии со ст. 44 Федерального закона № 3-ФЗ. В то же время медицинское освидетельствование, предусмотренное ст. 44 закона, носит добровольный характер. За потребление новых потенциально опасных психоактивных веществ ст. 6.9 КоАП РФ установлена административная ответственность. Сложно представить, что конкретный потребитель будет добровольно соглашаться на прохождение медицинского освидетельствования, чтобы его затем привлекли к административной ответственности.⁴

Оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также их потребление в Российской Федерации запрещены. Фактически установлен абсолютный запрет на оборот таких веществ. Но статус «нового потенциально опасного психоактивного вещества» временный – с максимальным сроком до двух лет.

Утрата этого статуса происходит в случаях установления в отношении соответствующего вещества санитарно-эпидемиологических требований или мер контроля за его оборотом.

Установление меры контроля за оборотом таких веществ связано с их отнесением к контролируемым веществам, т.е. с признанием наркотическим средством, психотропным веществом либо их прекурсором или аналогом, сильнодействующим или ядовитым веществом. При «смене» статуса вещество из разряда запрещенных к обороту переходит в разряд либо запрещенных к обороту, либо ограниченных в обороте.

¹ Бадиков Д.А., Клевцов В.В. Правовые основы противодействия распространению запрещенных курительных смесей в России // Наука и практика. 2014. № 3 (60). С. 59.

² Земцова С.И. Актуальные вопросы использования заключения специалиста при расследовании уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Библиотека криминалиста. 2014. № 2.

³ Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе : монография. М.: Проспект, 2016.

⁴ Федеров А.В. Изменения в законодательстве об ответственности за незаконный оборот новых психоактивных веществ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 324-333.

Горелик А.В.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЛЕГАЛЬНОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ**

По данным ООН, на сегодняшний день более 250 млн. человек на планете употребляют те или иные наркотики. В мировом масштабе самым употребляемым наркотическим веществом является каннабис (129-190 млн. человек). На втором месте стоит амфетаминовая группа, затем идут кокаин и опиаты. В этой связи административно-деликтная политика Российской Федерации предполагает определение возможных путей развития средств и методов противодействия административным правонарушениям в

сфере незаконного потребления наркотических средств, а порой и пересмотра привычных подходов к борьбе с этим негативным явлением.

Одним из основных направлений административной практики в органах наркоконтроля продолжает оставаться выявление и документирование правонарушений, предусмотренных ст. 6.9 КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ».

Согласно ч.ч. 1 и 2 ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно больно наркоманией, находится в состоянии наркотического опьянения либо потребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача, может быть направлено на медицинское освидетельствование. В то же время следует помнить, что рассматриваемый вид освидетельствования «реализуется в рамках административной деятельности органов наркоконтроля и не ориентирован на решение задач уголовного судопроизводства»¹.

Сложившаяся на сегодняшний день ситуация, когда единственной, по сути, нормой, регламентирующей медицинское освидетельствование лица, подвергнутого административному преследованию, является норма Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», которая, по нашему мнению, не в полной мере регламентирует порядок осуществления этого процессуального действия. Сотрудники органов наркоконтроля не всегда имеют представления о правилах осуществления медицинского освидетельствования, а лица, подвергнутые административному преследованию, принимая во внимание, что санкция ст. 6.9. КоАП РФ предусматривает административный арест, остаются в неведении относительно своих прав и гарантий.

В результате «заложниками» неопределенности закона становятся лица, направляемые на медицинское освидетельствование, а также сотрудники органов наркоконтроля, действия которых в дальнейшем могут быть обжалованы, впрочем, как и результаты данного исследования, которые прилагаются в качестве доказательства по делам о наркоправонарушениях.

Так, Д.А. Газизов, проанализировав законодательство в рассматриваемой сфере с точки зрения соблюдения конституционных

прав и свобод граждан, делает обоснованный вывод о том, что уровень правового регулирования как материальных, так и процессуальных аспектов реализации медицинского освидетельствования несовершеннолетен, а в случае медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения еще и не согласован.

Появление новых стандартов отношений между представителями власти и населением, рост правового сознания граждан приводят зачастую к тому, что граждане все чаще занимают активную позицию в отстаивании своих прав, что ожидаемо должно повлечь трансформацию представлений у представителей органов наркоконтроля о возможностях экспертизы в целях доказывания по ст. 6.9. КоАП РФ.

В этой связи предлагаем осуществить постепенный переход на практику назначения экспертиз наркотического опьянения, что позволит наиболее квалифицированно использовать специальные познания, повысит правовую защищенность физических лиц и оградит их от необоснованного привлечения к административной ответственности.

В целом необходимо согласиться с учеными, которые считают, что используемый юридический инструмент в виде медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения не лишен изъянов. В частности, Т.А. Новикова в проведенном диссертационном исследовании придерживается мнения о том, что «в настоящее время остается недостаточно урегулированным порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Действующее законодательство России не предоставляет возможности его оперативного проведения»².

В сложившихся условиях недостаточного правового регулирования приемлемым выходом из сложившейся ситуации, по нашему мнению, может быть применение при доказывании в производстве по делам об административных правонарушениях возможностей экспертизы, предусмотренной ст. 26.4 КоАП РФ, как одного из видов форм специальных познаний, кроме всего прочего, гарантирующего обеспечение прав лица, привлекаемого к административной ответственности.

В этой связи необходимо отметить, что в административно-правовой литературе медицинское освидетельствование традиционно рассматривается как один из видов экспертизы, осуществляемой в административном процессе.

Выделяя значимость экспертизы в определении степени опьянения, профессор М.И. Авдеев отмечал, что для правового регу-

лирования экспертиз в административном производстве целесообразно в основах законодательства об административной ответственности обязательно выделить роль экспертизы в административном производстве, а кроме того, придерживался мнения, что обследования по поводу подозрения в опьянении относятся не к медицинскому освидетельствованию, а всегда к экспертизе.

Говоря о реализации административно-правовых норм, А.П. Корнев в свое время справедливо указывал на то, что «правоприменение, как и всякая общественно полезная деятельность, должно быть научно организовано. Сущность этого требования состоит в необходимости добиваться максимума эффективности правоприменительного процесса при минимальных затратах сил и средств на его осуществление».

Примечательно, что предлагаемая нами, по сути, замена проведения медицинских освидетельствований на состояние наркотического опьянения на экспертизу не потребует дополнительных расходов, так как будет выполняться на прежней базе химикотоксикологических лабораторий наркодиспансеров или бюро судебно-медицинской экспертизы.

Напомним, что фактическим основанием для назначения экспертизы является возникшая при производстве по делу об административном правонарушении необходимость в специальных знаниях в науке, технике, искусстве или ремесле.

Юридическим основанием назначения экспертизы выступает необходимость в специальных познаниях с тем, чтобы получить доказательственную информацию, необходимую для установления фактических обстоятельств дела. Правильное установление таких обстоятельств является необходимой предпосылкой для решения любого юридического вопроса, поэтому экспертиза должна быть назначена и для установления обстоятельств, характеризующих признаки состава административного правонарушения, в том случае если полное и точное их исследование невозможно без использования специальных познаний эксперта.

В теории административного права определенную трудность вызывает вопрос, следует ли в КоАП РФ прописать случаи обязательного проведения экспертизы?

Так, в качестве случаев обязательного производства экспертизы Ф.П. Васильев предлагает следующий ряд административных правонарушений: повреждение материальных ценностей, правонарушение, связанное с употреблением спиртных напитков и нар-

косодержащих веществ, и т.п.³ Похожую позицию занимает И.В. Орлов, который настаивает на проведении психиатрической экспертизы лица, привлекаемого к административной ответственности, на предмет определения вменяемости лица, в том числе и по административным правонарушениям, предусмотренным в главе 6 КоАП РФ.

Доказано, что диагноз «наркомания» устанавливается только в случаях развития достаточно специфического комплекса клинических признаков заболевания. В этой связи вызывает интерес предложение по решению подобных проблем в союзной с Россией Республикой Беларусь. Так, отдельные белорусские ученые, в частности В.А. Круглов, предлагают при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях использовать, среди прочих юридических инструментов, позволяющих установить диагноз «наркомания», возможности судебно-наркологической или судебно-психиатрической экспертизы.

На наш взгляд, необходима корректировка процессуальной составляющей существующей юридической практики реализации административной ответственности правоприменительными органами по ст. 6.9 КоАП РФ, заключающаяся в уходе от медицинского освидетельствования как определенного «суррогата экспертизы» и усилении роли экспертизы в производстве по рассматриваемым категориям дел, поскольку последняя является высокоэффективным средством доказывания и обладает профилактическим потенциалом в борьбе с административными правонарушениями, т.е. в ряде случаев способствует установлению причин и условий совершения административного правонарушения.

¹ Применение сотрудниками органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ отдельных мер административного принуждения : учебное пособие / под ред. Н.Н. Цуканова. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015. С. 30.

² Новикова Т.А. Совершенствование административно-правового механизма воздействия на незаконное потребление наркотиков : дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2014. С. 153.

³ Васильев Ф.П. Процессуальные особенности в административной ответственности в России : монография. М., 2003. С. 306.

Иванов А.Ю.,

кандидат философских наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**РЕЗУЛЬТАТЫ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ
НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ РАСТОРЖЕНИЯ
ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С ОТДЕЛЬНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ГРАЖДАН**

Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях введения обязательного медицинского освидетельствования на предмет потребления наркотических средств или психотропных веществ для отдельных категорий граждан» внесены изменения в законодательство Российской Федерации, направленные на создание системы выявления потребителей наркотических средств среди лиц, чья профессия непосредственно связана с управлением транспортными средствами или управлением движением транспортных средств (авиационный персонал, командный состав судна и другие) и чья профессия предполагает ношение оружия (полиция, военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, частные охранники).

Административная наказуемость за правонарушения, связанные с потреблением наркотиков без назначения врача, становится актуальной для работодателей отдельных видов деятельности, которые можно условно поделить на несколько групп.

Первая группа работодателей отдельных профессиональных видов деятельности указана в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 230-ФЗ (далее – Федеральный закон № 230-ФЗ). Условно указанную группу можно назвать «работодатели, обязанные не допускать к профессиональной деятельности лиц, имеющих административную наказуемость за правонарушения, связанные с потреблением наркотиков без назначения врача» (далее – первая группа). Впервые в действующем законодательстве определены законодательные условия для расторжения трудового контракта с отдельными категориями граждан при совершении административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.9 и ст. 20.20 КоАП РФ. При этом обязательным условием применения мер административной ответственности, предусмотренных ст. 6.9 и ч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ, является осуществление медицинского осви-

детельствования, реализуемое в соответствии с ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». В случае отказа физического лица от указанного освидетельствования следовало применение ч. 3 ст. 19.3 КоАП РФ, что даже не создавало правовых последствий для иностранных граждан, работающих официально на территории России.¹

Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 230-ФЗ внесены изменения в ч. 1 ст. 6.9, а также в ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ в части установления ответственности за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.²

Согласно п. 83 ч. 2 ст. 28.3, ст. 23.63 КоАП РФ должностные лица органов наркоконтроля уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.9 и ч.ч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ.

Наряду с основаниями расторжения трудового договора по инициативе работодателя, установленными трудовым законодательством, трудовой договор с лицами указанными в Федеральном законе № 230-ФЗ, например специалистами авиационного персонала, военнослужащими, лицами, работающими на судне (лоцманы и др.), работниками железнодорожного транспорта, может быть расторгнут в период, когда лицо считается подвергнутым наказанию за совершение административного правонарушения, связанного с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также если указанное лицо не прошло в установленном порядке обязательный медицинский осмотр. Следовательно, практика, формируемая сотрудниками органов наркоконтроля по ч. 1 ст. 6.9 и ст. ч. 20.20 КоАП РФ, формально должна являться основанием для расторжения трудового договора с гражданами профессиональных видов деятельности, указанных в Федеральном законе № 230-ФЗ, и при этом не имеет значение, применялось медицинское освидетельствование на состояние опьянения или нет.³

Однако для реализации указанного основания в целях расторжения трудового договора законодатель не создал всех необходимых условий. В частности, законодатель внес изменения в ч. 1 ст. 65 ТК РФ и наделил полномочиями МВД России предоставлять справку о том, является или не является лицо подвергну-

тым административному наказанию за потребление наркотиков без назначения врача, однако не учел юрисдикционных полномочий органов наркоконтроля. Таким образом, в справке, выдаваемой ОВД, может быть не учтена административная практика, формируемая органами наркоконтроля, например по ст. 20.20 КоАП РФ (указанная справка должна предоставляться с 1 января 2017 г.).

Для работодателей профессиональных видов деятельности, указанных в Федеральном законе № 230-ФЗ, более доступным основанием для расторжения трудового договора с отдельными категориями граждан может являться невыполнение в установленном порядке медицинского осмотра, включающего в себя осуществление химико-токсикологического исследования наличия в организме человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов.

Вторая группа работодателей профессиональных видов деятельности определяется постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2011 г. № 394 «Об утверждении перечня отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности, на занятие которыми устанавливаются ограничения для больных наркоманией». Условно указанную группу можно озаглавить «работодатели, которые должны прислушиваться к требованиям уполномоченных органов, но не вправе производить расторжение договора в связи административной наказуемостью своих работников за правонарушения, связанные с потреблением наркотиков без назначения врача вне рабочих мест». К числу указанных видов профессиональной деятельности относятся: деятельность, связанная с оборотом наркотических средств, с культивированием наркосодержащих растений; работы, непосредственно связанные с производством, транспортировкой и применением легковоспламеняющихся и взрывчатых материалов и веществ, работы на взрыво- и пожароопасных производствах и др.

Актуальным вопросом для органов наркоконтроля является правовой механизм побуждения администраций техногенноопасных организаций к недопущению работников, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков и их потребление без назначения врача. Следует отметить, что правовой механизм для первой группы профессиональных видов деятельности законодатель не предусмотрел в отношении второй группы профессиональных ви-

дов деятельности, указанных в постановлении Правительства Российской Федерации от 18 мая 2011 г. № 394. Таким образом, с лицами, потребляющими наркотики вне рабочего места в свободное время от исполнения служебных обязанностей не может быть произведено расторжение трудового договора.

В соответствии со ст. 76 ТК РФ на работодателя возложена обязанность отстранить от работы (не допускать к работе) работника по требованиям органов и должностных лиц, уполномоченных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, и в других случаях, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 45 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» руководители юридических лиц, а также органы наркоконтроля отстраняют от выполнения любых видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности, лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения.

В рамках рассматриваемого круга вопросов следует акцентировать внимание на том, что уполномоченные органы и должностные лица вправе отстранять работника не сами, такое решение принимают организации по требованию органов наркоконтроля.

Кроме того, согласно разъяснениям по применению перечня отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности, на занятие которыми устанавливаются ограничения для больных наркоманией, порядок проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров работников определяется приказами Минздравсоцразвития России.

Важно отметить, что в соответствии с положениями приказов Минздравсоцразвития России участие врача-психиатра и врача-нарколога при прохождении предварительного и периодического медицинского осмотра является обязательным для всех категорий обследуемых. Работники (лица, поступающие на работу) не допускаются к выполнению работ при наличии таких общих медицинских противопоказаний, как токсикомания и наркомания.

Впоследствии с работником может быть произведено расторжение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (п. 9 ст. 83 ТК РФ).

При этом следует отметить, что невыполнение администрациями техногенноопасных организаций указанного порядка не яв-

ляется основанием для отзыва лицензии на осуществление соответствующего вида деятельности.

С учетом вышеизложенного можно отметить, что указанные выше меры при их реализации могут быть в определенной степени результативными. Кроме того, следует отметить, что согласно ч. 1 ст. 29.13 КоАП РФ органы наркоконтроля при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях, например предусмотренных ст. 6.9, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, при установлении фактов потребления наркотических средств на рабочих местах могут внести в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам представление о принятии мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений. Организации и должностные лица обязаны рассмотреть представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения, в течение месяца со дня его получения и сообщить о принятых мерах в орган, должностному лицу, внесшим представление. Невыполнение указанных представлений может являться основанием для применения мер административной ответственности по ст. 19.6 КоАП РФ.

¹ Горелик А.В. Медицинское освидетельствование на состояние наркотического опьянения и экспертиза в производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.9 КоАП РФ : соотношение процессуальных инструментов // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 4. С. 138-144.

² Иванов А.Ю. Административная ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника органа наркоконтроля в связи с выполнением им служебных обязанностей (ч. 3 ст. 19.3 КоАП РФ) // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков : материалы XVII конференции международной научно-практической конференции : в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. Ч. 2. С. 175-179.

³ Иванов А.Ю. О законодательных определениях пропаганды и незаконной рекламы наркотических средств // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков : материалы XVI конференции международной научно-практической конференции : в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013. Ч. 2. С. 163-168.

Кохан Р.Ю.

Управление ФСКН России
по Псковской области

**О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МЕДИЦИНСКОГО ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ
НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ
КАК МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

Ключевым вопросом правоприменительной практики в сфере незаконного оборота наркотиков является вопрос медицинского освидетельствования лица на состояние наркотического опьянения. Однако, к сожалению, в настоящий момент остается нерешенным вопрос о правовой природе, месте и роли данной меры в системе мер государственного принуждения.

Общепринято, что медицинское освидетельствование на состояние опьянения является мерой обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В соответствии со ст. 27.1 КоАП РФ медицинское освидетельствование рассматривается как мера обеспечения, которую должностное лицо вправе применить для обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении. Вместе с тем ряд примеров правоприменительной практики не позволяет однозначно соотносить данную меру государственного принуждения с мерами обеспечения.

Действующее законодательство предусматривает различный порядок проведения медицинского освидетельствования. В частности, существенными отличиями обладают: 1) медицинское освидетельствование на состояние опьянения по делам об административных правонарушениях, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения; 2) медицинское освидетельствование, осуществляемое в соответствии со ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в том числе для целей применения ст. 6.9 и ч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ)¹; 3) профилактический медицинский осмотр учащихся в соответствии со ст. 53.4 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах». Различны цели, юридическое и фактическое основания и процедура применения этих мер, а также юридические последствия их применения.

Медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, управляющих транспортными средствами, проводится при наличии достаточных оснований полагать, что водитель транс-

портного средства находится в состоянии опьянения (конкретный исчерпывающий перечень признаков), и отрицательном результате освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, несогласии лица с его результатами либо отказе от освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.² Перед направлением лица на медицинское освидетельствование должностным лицом уже непосредственно обнаружены данные, указывающие на наличие события административного правонарушения. Имеется фактическое основание для возбуждения дела об административном правонарушении – показания технических средств индикации алкоголя в выдыхаемом воздухе (в документальной форме), у лица присутствуют признаки опьянения, соответствующие утвержденным критериям. Правонарушение (управление транспортным средством в состоянии опьянения) уже выявлено, а виновное лицо, отказываясь от прохождения медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо не соглашаясь с его результатами, реально препятствует нормальному ходу юрисдикционного процесса или может такие действия предпринять. В этом случае цель медицинского освидетельствования на состояние опьянения состоит в создании условий для обеспечения достоверного рассмотрения правонарушения. Юридическими последствиями данной меры являются получение дополнительных доказательств события правонарушения и создание условий для достоверного его рассмотрения. Указанная специфическая цель и юридические последствия позволяют относить данную меру государственного принуждения к группе мер процессуального обеспечения.

Вопрос о возможном отнесении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, осуществляемого в иных случаях, к группе мер процессуального обеспечения не так очевиден.

Медицинское освидетельствование, осуществляемое в соответствии со ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в том числе для целей привлечения к административной ответственности по ст. 6.9., ч.ч. 2, 3, ст. 20.20 КоАП РФ), до настоящего момента проводится на основании Временной инструкции о порядке медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения (утверждена приказом Минздравом СССР от 1 сентября 1988 г. № 06-14/33-14). Лицо направляется не медицинское освидетельствование при наличии достаточных оснований полагать, что оно больно наркоманией, находится в состоянии

наркотического опьянения либо потребило наркотическое средство без назначения врача. При этом критерии достаточности оснований и перечень признаков не приведены, принятие решения о направлении на медицинское освидетельствование полностью отводится на усмотрение правоприменителя. С учетом высокой латентности потребления наркотических средств при практическом применении ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» наиболее распространена ситуация, когда перед направлением на медицинское освидетельствование на состояние опьянения отсутствуют признаки, указывающие на наличие события административного правонарушения. Выявление признаков правонарушения, связанного с потреблением наркотиков, происходит уже по результатам медицинского освидетельствования. В этом случае нельзя утверждать, что цель медицинского освидетельствования состоит в создании условий для обеспечения достоверного рассмотрения правонарушения, поскольку признаки правонарушения еще не обнаружены. Целью применения данной меры государственного принуждения скорее нужно признать своевременное выявление потребителей наркотиков, что в соответствии с п. 3.2 Концепции Государственной антинаркотической политики Российской Федерации позволяет сделать предположение о ее предупредительном (профилактическом) характере и необходимости отнесения к группе предупредительных мер. Юридические последствия применения данной меры государственного принуждения – установление факта правонарушения и составление протокола об административном правонарушении по ст. 6.9, ч. 2, 3 ст. 20.20 КоАП РФ.

Еще более очевидна ошибочность отнесения медицинского освидетельствования (профилактического медицинского осмотра) учащихся, осуществляемого на основании ст. 53.4 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», к мерам обеспечения. Такое освидетельствование проводится в соответствии с приказом Минздрава РФ от 6 октября 2014 г. №581н, его порядок аналогичен процедуре медицинского освидетельствования на состояние опьянения, проводимой по Временной инструкции. Целью освидетельствования (осмотра) в этом случае является раннее выявление потребителей наркотиков среди учащихся. Его юридические последствия – направление (при согласии законного представителя) учащегося в медицинскую организацию для оказания наркологической помощи. Данная мера затрагивает

права несовершеннолетних граждан, а цель и ее юридические последствия позволяет относить медицинские осмотры учащихся к группе предупредительных (профилактических) мер государственного принуждения.

Таким образом, несмотря на фактическую идентичность процедур медицинского освидетельствования на состояние опьянения, правовая ситуация по поводу которой проводится освидетельствование, определяет юридическую природу и место данной меры в системе мер государственного принуждения и как следствие допустимую интенсивность государственного воздействия.

¹ Соколов А.Ю. Унификация процедуры проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения в производстве по делам об административных правонарушениях: история вопроса, проблемы перспективы // Современное право. 2012. № 11.

² Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и Правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством : постановление Правительства РФ от 26.06.2008 № 475; О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 14.07.2003 № 308.

Димитрова Е.А.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСИН России (г. Красноярск)

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДОМ
ОСНОВАНИЙ ВОЗЛОЖЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
ЧАСТЬЮ 2.1 СТАТЬИ 4.1 КОАП РФ**

Выявление административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах (далее – наркотики) и назначение административного наказания за них само по себе не может служить эффективным средством предупреждения совершения лицом подобных административных правонарушений в дальнейшем в слу-

чае, если лицо является потребителем наркотических средств или больным наркоманией. Очевидно, что важное значение имеет формирование условий, в которых такие лица вынуждены предпринять определенные меры, направленные на устранение потребности в потреблении наркотиков. В связи с этим Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел в структуру КоАП РФ ч. 2.1 ст. 4.1 и закрепил правовое средство побуждения больных наркоманией и потребителей наркотиков, совершивших административные правонарушения в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах, к лечению от наркомании и реабилитации.

В соответствии с ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ при назначении административного наказания за совершение административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах на лицо, признанное больным наркоманией либо потребляющее наркотики без назначения врача, суд может возложить обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в медицинской организации и учреждении социальной реабилитации.

Анализ практики наложения судами различных регионов обязанностей, предусмотренных ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, за период применения рассматриваемой нормы выявил некоторые противоречия и неточности применения положений закона. Так, чаще всего в качестве основания для решения вопроса о возможности возложения обязанности выступает назначение наказания за потребление наркотиков (ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ, ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ) и лишь в единичных случаях – за их незаконный оборот. Обозначенное, с одной стороны, абсолютно логично объясняется спецификой характеристики лиц, совершающих правонарушения. Очевидно, что лицо, привлекаемое к ответственности за потребление наркотиков (в отношении него факт наркотического опьянения установлен при проведении медицинского освидетельствования), является потребителем и относится к категории субъектов, на которых может быть возложена рассматриваемая обязанность. Вместе с тем приобретение, хранение и перевозка наркотиков в незначительном размере при отсутствии цели сбыта (что составляет предмет административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.8 КоАП РФ) сами по себе являются основанием полагать,

что лицо имеет цель потребления. Это зачастую подтверждается объяснением лица, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении. С учетом сказанного представляется не совсем оправданным игнорирование возможности возложения обязанности пройти диагностику и профилактические мероприятия, а в дальнейшем при необходимости лечение и реабилитацию на лиц, совершающих правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Более того, ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ не запрещает этого, а, напротив, ограничивает случаи ее применения только нарушениями законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах.

Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» добавил в ч. 1 ст. 6.9 и ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ альтернативное потреблению наркотиков деяние в виде невыполнения законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотики. Указанное нововведение внесло неясность в определение возможности применения рассматриваемой меры принуждения в отношении лиц, отказавшихся от прохождения медицинского освидетельствования. Камнем преткновения в данном случае является решение вопроса об отнесении отказа к правонарушениям в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах. Основное противоречие в данном случае кроется в том, что непосредственным объектом совершения невыполнения законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения являются не общественные отношения, обеспечивающие соблюдение правил оборота и потребления наркотических средств, а установленный порядок управления. С учетом этого лицо, отказываясь от медицинского освидетельствования на состояние наркотического опьянения, не совершает установленное в качестве основания применения ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ правонарушение, поскольку непосредственным объектом фактически совершенного деяния выступают общественные отношения в сфере порядка управления.

С учетом сказанного необходимо обозначить недопустимость признания в качестве одного из оснований применения

ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ совершение обозначенных выше альтернативных деяний, предусмотренных ст. 6.9 и ч. 2. ст. 20.20 КоАП РФ, даже в случае наличия в объяснении лица, совершившего правонарушение данных о том, что является потребителем.

Диагностика и профилактические мероприятия могут быть назначены практически всем лицам, в отношении которых установлено, что они являются потребителями наркотических средств, вне зависимости от наступления вредных последствий. С учетом этого круг лиц, совершивших правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, которым могут быть назначены диагностика и профилактические мероприятия, законом ограничен только в установлении факта потребления. Иным образом выглядит ситуация относительно возложения таких обязанностей, как лечение и (или) медицинская и (или) социальная реабилитация, поскольку данные меры логично применять только к лицам, больным наркоманией. Однако определение установленного законом основания «лицо, признанное больным наркоманией» на практике затруднено. Возможно, именно этим обусловлено нежелание судей возлагать указанные обязанности¹, поскольку на момент вынесения постановления о назначении административного наказания факт наличия заболевания еще не установлен, и для его установления требуются определенные организационные и временные затраты.

В случае если в процессе диагностики факт заболевания наркоманией у потребителя наркотиков не установлен, в отношении него возможно осуществление только профилактических мероприятий, направленных на предупреждение и укрепление психического здоровья. При установлении факта заболевания наркоманией лицо логично нуждается в лечении и последующей реабилитации. В противном случае профилактический эффект рассматриваемой меры принуждения отсутствует, поскольку наркозависимое лицо не обязано проходить лечение и реабилитацию, а, следовательно, зачастую продолжает вести образ жизни, связанный с совершением правонарушений в сфере потребления наркотиков.

Очевидно, что диагностика осуществляется с целью решения вопроса о необходимости последующего принятия мер в отношении наркозависимого лица. Неразрывность процесса лечения и реабилитации также очевидна и закреплена в национальном стандарте «Социальное обслуживание населения. Реабилитационные услуги лицам, зависимым от наркотических средств, психотропных веществ и алкоголя. Основные виды социальных услуг (ГОСТ

Р 54990–2012)», утвержденном приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 сентября 2012 г. № 327, согласно которому наркозависимое лицо до начала процесса реабилитации должно не только отказаться от потребления наркотиков, но и пройти курс лечения. Это обуславливает целесообразность возложения обязанности пройти диагностику в большинстве случаев, а остальные обязанности – по мере необходимости, в зависимости от ее результатов. Исключения составляют случаи, когда на момент вынесения постановления о назначении административного наказания и возложения рассматриваемых обязанностей уже установлен факт наличия заболевания. Однако установление этого факта на указанном этапе усложняется тем, что в соответствии с ч.ч. 1,4 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» сведения о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья лица и диагнозе, иные сведения, полученные при медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается только по запросу органов дознания и следствия, а также суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органов прокуратуры в связи с осуществлением им прокурорского надзора, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно. Таким образом, запрос сотрудников органов наркоконтроля или внутренних дел, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях и представляющих материалы в суд для рассмотрения и принятия процессуального решения, не служит основанием для передачи сведений о наличии факта обращения за медицинской помощью и постановки на учет по причине наличия заболевания наркоманией без согласия лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении. С таким запросом при рассмотрении дела об административном правонарушении может обратиться судья², однако согласно ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ дело об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест, рассматривается в день получе-

ния судом материалов дела, следовательно, у судьи отсутствует время на подготовку запроса и получение ответа на него.

С учетом этого у судьи, не обладающего достоверной информацией о факте заболевания правонарушителя наркоманией, отсутствует предусмотренное законом основание для возложения обязанности пройти лечение и реабилитацию. Указанная проблема может быть решена путем наделения органов и должных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах, полномочиями по получению соответствующей информации в учреждениях здравоохранения.

¹ Исходя из анализа вынесенных судами постановлений о назначении административного наказания с применением ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, лечение и реабилитация назначаются в единичных случаях даже в тех регионах, где имеются условия для их реализации.

² Цуканов Н.Н. Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: новое в административно-деликтном законодательстве и прогнозируемые проблемы правоприменительной практики // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 1; Практика реализации судами на территории Красноярского края положений Федерального закона от 25.11.2013 № 313-ФЗ. Проблемные вопросы приведения медицинскими и социальными учреждениями в исполнение вступивших в силу постановлений по делам об административных правонарушениях в части диагностики, профилактики, лечения, медицинской, социальной реабилитации на территории Красноярского края : отчет о научно-исследовательской работе (закл.) / СибЮИ ФСКН России; рук. Н.Н. Цуканов. № гос. рег. 115020310198. Красноярск, 2015.

Жильцов А.В.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**О ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ,
ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТАТЬЕЙ 6.9.1 КоАП РФ**

В 2013 г. судьям была предоставлена правовая возможность возлагать на лиц, больных наркоманией либо потребляющих наркотики, обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании, а также реабилитацию (медицинскую или социальную). В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2014 г. № 484 «Об утверждении Правил контроля за исполнением лицом возложенной на него судом при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача» функция контроля полноты и своевременности исполнения указанных обязанностей возложена на ФСКН России, одновременно с этим для обеспечения возможности эффективного воздействия на лиц, уклоняющихся от исполнения таких обязанностей, в КоАП РФ была установлена административная ответственность (ст. 6.9.1).

Анализ законодательства и практики применения названных мер противодействия немедицинскому потреблению наркотических средств и психотропных веществ позволил выявить целый комплекс проблем, которые рассматривались в многочисленных научных публикациях¹, а некоторые были решены путем корректировки законодательства и правоприменительной деятельности соответствующих органов исполнительной власти. Наряду с этим продолжают сохраняться вопросы, не нашедшие однозначного ответа ни в законодательстве, ни в актах его толкования. Один из них связан с возможностью повторного привлечения граждан, уклоняющихся от исполнения рассматриваемых обязанностей, если это лицо за неисполнение соответствующего решения суда ранее уже привлекалось к административной ответственности по ст. 6.9.1 КоАП РФ.

Необходимо констатировать, что отсутствие однозначного ответа на данный вопрос порождает различную правоприменительную практику в различных регионах России. Одни правоприменители руководствуются правилом, закрепленным в ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ («Никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение»), другие ссылаются на положения ч. 4 ст. 4.1 КоАП РФ, определяющие, что назначение административного наказания не освобождает лицо от исполнения обязанности, за неисполнение которой административное наказание было назначено.

На наш взгляд, при решении данного вопроса важно учитывать следующие аспекты.

Во-первых, административная ответственность, предусмотренная ст. 6.9.1 КоАП РФ, наступает не за неисполнение вынесенного судом индивидуального правоприменительного акта, содержащего предписание о прохождении диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации, а за совершение одного или нескольких деяний, исчерпывающий перечень которых приведен в примечании к рассматриваемой статье. К таковым относятся:

- 1) непосещение медицинской организации или учреждения социальной реабилитации;
- 2) самовольное оставление этих организаций и учреждений;
- 3) невыполнение более двух раз предписания лечащего врача.

Таким образом, факт применения ст. 6.9.1 КоАП РФ не освобождает лицо от необходимости дальнейшего исполнения обязанности, возложенной на него судом, и за неисполнение этой обязанности лицо может быть повторно привлечено к административной ответственности. При этом повторное применение ст. 6.9.1 КоАП РФ не нарушает ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ, поскольку ответственность наступает за различные действия (бездействие), имеющие различные временные границы, а нередко и место совершения.

Во-вторых, в качестве субъекта административного правонарушения может выступать исключительно то лицо, в правовой статус которого соответствующим индивидуальным правоприменительным актом (постановлением судьи) включена специальная обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Таким образом, наличие в статусе лица возложенной на него дополнительной обязанности должно рассматриваться как важнейший признак, характеризующий субъекта правонарушения, предусмотренного ст. 6.9.1 КоАП РФ, а не в качестве характеристики деяния, охватываемого объективной стороной состава рассматриваемого правонарушения.

В-третьих, правонарушение, предусмотренное ст. 6.9.1 КоАП РФ, не может носить длящийся характер. В том числе и в тех случаях, когда лицо совершает деяние в форме неявки в медицинскую организацию для исполнения возложенной на него обязанности. Правонарушение должно признаваться окончанным непосредственно после истечения срока, установленного судьей в соответствии с ч. 2 ст. 29.10 КоАП РФ и прямо указанного в постановлении по делу об административном правонарушении.

Очевидно, что правонарушение, предусмотренное ст. 6.9.1 КоАП РФ, не является длящимся и в тех случаях, когда оно выражается в форме самовольного оставления лицом медицинской организации или в форме невыполнения более двух раз предписаний лечащего врача. Таким образом, повторное применение ст. 6.9.1 КоАП РФ не ограничено вступлением предыдущего постановления о назначении административного наказания за данное деяние в законную силу.

В-четвертых, одновременное присутствие различных действий (бездействия), за которые предусмотрена административная ответственность по ст. 6.9.1 КоАП РФ, требует единой квалификации. Например, если лицо не выполнило более двух раз предписание лечащего врача, после чего самовольно оставило медицинскую организацию, составляется один протокол об административном правонарушении.

Указанная особенность может быть проиллюстрирована путем использования следующих аналогий. Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, влекут административную ответственность по ст. 6.8 КоАП РФ; при этом составляется один протокол, даже, если лицом совершены сразу несколько видов противоправных действий (например, приобретение, хране-

ние и перевозка). Самовольное оставление лицом места отбывания административного ареста или уклонение от отбывания административного ареста влечет его привлечение к административной ответственности по ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ; при этом лицо не освобождается от необходимости исполнения ранее наложенного наказания. В случае повторного самовольного оставления места отбывания ареста повторно будет применяться ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ.

Подводя итог, отметим, что использование в правоприменительной деятельности ФСКН России подхода, согласно которому лицо должно привлекаться к административной ответственности за каждый факт непосещения им медицинской организации или учреждения социальной реабилитации, самовольного оставления этих организаций и учреждений, а также в случае невыполнения таким лицом предписания лечащего врача более двух раз позволяет достичь целей административного наказания, определенных в ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ, и обеспечить предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

¹ См., напр.: Димитрова Е.А., Ефимов С.Н. Анализ деятельности негосударственных объединений в сфере реабилитации наркозависимых. Определение перспективных форм взаимодействия государственных органов с негосударственными реабилитационными центрами : отчет о научно-исследовательской работе (закл.). № гос. регистр. 01201351042. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013. 180 с; Димитрова Е.А., Ефимов С.Н. Деятельность негосударственных организаций в сфере реабилитации наркозависимых : состояние, проблемы, перспективы // Сборник ФСКН России. 2015. № 2. С. 29-49; Димитрова Е.А. Изучение деятельности негосударственных центров реабилитации и ресоциализации наркопотребителей как основа построения эффективной системы взаимодействия государства с ними (опыт исследования) // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей : материалы XVIII международной научно-практической конференции / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015. С. 63-67; О формировании красноярского регионального сегмента национальной системы реабилитации потребителей наркотиков / Р.П. Яценко [и др.]. // Совершенствование правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: уголовный, уголовно-процессуальный и административный аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. В.П. Иванова. Екатеринбург, 2015. Ч. 3. С. 137-143.

Килин А.З.

Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

Калачев А.А.

Управление ФСКН России
по Красноярскому краю

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
ПО РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 25 НОЯБРЯ 2013 Г.
№ 313-ФЗ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

Анализ складывающейся на протяжении 2014-2015 гг. правоприменительной практики по реализации Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ на территории Красноярского края показал, что в целом, несмотря на объективные и субъективные сложности, механизм применения ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ на комплексной, системной основе (в части, касающейся диагностики, профилактики, лечения, реабилитации, ресоциализации), заработал в полном объеме. За 2015 г. количество вынесенных решений с применением ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ в Красноярском крае составило 775, из них Управлением ФСКН России по Красноярскому краю – 589, или 77,2% от общего количества рассмотренных в судах дел об административных правонарушениях в сфере незаконного оборота наркотиков.

Вместе с тем углубленный анализ 315 вынесенных судами постановлений по административным материалам с применением ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ в Центральном, Приенисейском, Южном, Северо-Восточном, Северном территориальных округах края, ЗАТО г. Зеленогорск показал неоднородность судебной практики, недостаточно эффективную работу по достижению максимальных и своевременных результатов, связанных непосредственно с лечением, реабилитацией и ресоциализацией наркопотребителей.

Так, по 117 из 315 решений, или в 37% случаях, сбор материалов, их рассмотрение мировыми судьями осуществлялись по времени с разницей от 2 до 12 месяцев с момента выявления подразделениями наркоконтроля административного правонарушения по ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ, в основном из-за несвоевременного исследования биосред и получения результатов медицинского освидетельствования на состояние наркоопьянения, дополнительного

установления местонахождения привлекаемого к административной ответственности лица на момент рассмотрения дела в суде (непроживание по месту регистрации, пребывание в командировках и т.д.), сбора характеризующих сведений и их представление в суды.

С учетом того, что после вынесения решения административно наказуемому лицу (в соответствии с ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ) предписывается, как правило, еще и в течение не менее 1 месяца пройти медико-реабилитационные процедуры, то во многих случаях просматривается отсутствие своевременности, наступательности и эффективности принимаемых мер по лечению, реабилитации, ресоциализации наркопотребителей, в первую очередь тех, для которых ежедневное потребление наркотиков стало нормой.

Изучение также показало, что только в 84 случаях, или 26,6% от общего количества привлеченных к административной ответственности активных наркопотребителей (имеющих рецидив), к ним применялась такая мера основного административного наказания, как административный арест, в других случаях – штраф от 4 до 5 тысяч рублей. При этом из 149 не работающих, привлеченных к административной ответственности, арест применялся только в 65 случаях.

Несмотря на то, что при подтверждении в мировых судах справкой врача-нарколога, другой официальной информации о нахождении на наркологическом учете 18 лиц (из 315 исследуемых), а также 28 лиц, не стоящих на учете, но длительное время потреблявших наркотики, которых можно условно отнести к «злостным» наркопотребителям, в резолютивной части постановлений об административном производстве мировыми судами вынесены (в соответствии с требованиями п. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ) решения лишь пройти диагностику у врача-нарколога, либо (в 2 случаях) обследование у врача-нарколога (при необходимости и отсутствии противопоказаний курс лечения от наркотической зависимости). При этом в описательной части 14 постановлений как смягчающее обстоятельство определено «признание вины и раскаяние в потреблении психоактивных веществ», отягчающие обстоятельства в постановлениях (такие как длительное потребление наркотических средств, неоднократность привлечения к административной ответственности) не отражались.

Наряду с этим исследование показало, что от общего количества проанализированных постановлений в отношении лиц,

привлеченных к административной ответственности, только в 84 случаях, или 31,8%, в резолютивной части разъяснены последствия неисполнения обязанностей, предусмотренных ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, сопряженные с административным наказанием, предусмотренным ст. 6.9.1 КоАП РФ.

Кроме того, изучение постановлений по делам об административных правонарушениях показало, что не во всех описательных частях (в большей степени ввиду отсутствия характеризующих материалов) отражаются необходимые сведения, которые могли бы дополнительно влиять на принятие решения по основному виду административного наказания и способствовать объективности принятия решения по ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ. В частности, лишь только в 85 случаях (от общего количества изученных материалов) в описательной части постановлений было указано о том, что административно наказуемый ранее не привлекался к административной ответственности за совершение однородного правонарушения. Вместе с тем если привлекался, то в описательной части, как правило, эти сведения не отражались.

В 93 случаях были указаны некоторые другие квалифицирующие признаки, в 90 – сведения о наличии у правонарушителей иждивенцев.

В ряде постановлений отражены факты, свидетельствующие о возможном нахождении в социально опасном положении несовершеннолетних, находящихся на иждивении у правонарушителей, однако какие-либо дополнительные решения в резолютивной части постановлений по этим фактам не принимались.

При исследовании обстоятельств совершения административных правонарушений выявлено, что 96 человек из 264 привлеченных к административной ответственности, потребляли наркотики внутривенно, в том числе так называемый «крокодил» (дезоморфин), героин, что свидетельствует, по нашему мнению, о достаточно сильной зависимости этих лиц от наркотических средств и объективной необходимости незамедлительного принятия решения о непосредственном их лечении от наркозависимости. Вместе с тем, как было указано выше, в отношении их, как правило, принимались решения пройти просто профилактические процедуры, либо диагностику.

Было обращено внимание на ряд других характеризующих признаков, которые, по нашему мнению, необходимо учитывать в ходе предупредительно-профилактической работы, лечения, реа-

билитации, ресоциализации наркопотребителей. Так, из 264 человек 169 привлечены к административной ответственности за потребление новых видов синтетических наркотиков, их аналогов, производных – таких как (на сленговом языке) «шоколад», «скорость» (амфетамин), «соль» путем курения (в большинстве случаев), вдыхания и инъекций.

Среди привлеченных к административной ответственности 232 лица мужского пола, 31 женщина. Все административно задержанные репродуктивного возраста: 93 человека в возрасте от 18 до 29 лет, 76 – от 30 до 35 лет, 62 – от 35 до 40 лет, 22 человека – от 40 до 45 лет, 1 подросток (17 лет). 144 человека не работают. Из числа работающих 29 имеют профессии повышенного риска.

Заслуживает, по нашему мнению, внимание место и время потребления наркотических средств. Из 315 фактов в 173 случаях потребление происходило в квартире либо частных домах, 7 – в комнатах общежитий либо помещениях гостиничного типа, 26 – в подъездах жилых домов, в 81 случае – в общественных местах и уличных условиях (около кафе, ресторанов, жилых и нежилых строений).

Из 315 фактов только в 50 случаях факты потребления выявлены в выходные дни, в остальных случаях (84%) в рабочие дни. С 9 до 16 часов (рабочее время) потребляли наркотические средства 115 человек (50%), 113 – в вечернее время (с 17 до 22 часов) и 18 человек в ночное время.

Результаты исследования направлены в судебные органы, органы прокуратуры края, учтены в практике работы органов наркоконтроля.

Мы полагаем (с учетом проведенного анализа), что в целях наиболее эффективного применения судами положений ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ при выявлении административного правонарушения компетентным должностным лицам органов наркоконтроля, полиции на стадии сбора характеризующих материалов необходимо своевременно обеспечить качественное и аргументированное составление ходатайств (при необходимости) с предоставлением судам необходимой информации, о характеризующих сведениях, наличии судимостей, о привлечении к ответственности за однородные административные правонарушения, о потреблении наркотических средств, асоциальном образе жизни и поведении по месту жительства, месту работы (при взаимодействии с участковыми уполномоченными).

Для формирования на территории Красноярского края единой правоприменительной практики рассмотрения в судах административных материалов по фактам потребления, незаконного оборота наркотических средств с возложением дополнительных обязанностей согласно ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ необходимо продолжить на системной основе анализ поступающих на исполнение судебных решений, обеспечить информирование по недостаткам Судебной коллегии по административным делам Красноярского краевого суда, федеральных, городских, районных судов, мировых судей, подразделений наркоконтроля, полиции, наркологических учреждений.

Вершинин А.Н.

Управление ФСКН России
по Курганской области

**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПРОПАГАНДУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ
ПО МАТЕРИАЛАМ РАССЛЕДУЕМЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СФЕРЕ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ КАК СРЕДСТВО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ РЕКЛАМЫ
НАРКОТИКОВ: МЕТОДИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ
ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ФСКН РОССИИ ПО КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Всесторонний анализ и проводимый мониторинг наркоситуации позволяют констатировать ежегодные изменения оперативной обстановки с появлением новых вызовов и угроз. Наблюдаемая на теневом рынке и в виртуальном пространстве агрессивная политика продвижения технологии сбыта синтетических наркотиков связана с активно проводимой пропагандой потребления новых современных наркотиков и веществ, обладающих наркотическим воздействием на организм человека. Борьба с пропагандой и рекламой наркотиков в сети Интернет становится все более актуальным и востребованным направлением.

Пропаганда в широком смысле слова представляет собой одну из форм рекламной коммуникации с элементом навязывания и воздействия на сознание.¹ Являясь разновидностью информационного взаимодействия субъектов коммуникации, пропаганда активно побуждает к действию.

В сфере противодействия незаконному обороту наркотиков традиционно доминируют уголовно-правовые нормы, однако немалая часть противоправных деяний влечет административную ответственность. Одним из таких административных правонарушений является пропаганда или реклама наркотических средств, ответственность за которую установлена ст. 6.13 КоАП РФ.

Противоправность административных правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, определена на основании Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Статьей 4 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» установлен запрет распространения в информационно-телекоммуникационных сетях, а также в средствах массовой информации сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, пропаганды преимуществ использования отдельных наркотиков.

Широкое распространение новых видов синтетических наркотиков способствовало появлению новых форм их пропаганды и сбыта.

Динамичные изменения в тактике распространения наркотических средств и психоактивных веществ потребовали выработки новых подходов к решению проблем, связанных с рекламой, пропагандой и сбытом новых видов дизайнерских наркотиков и потенциально опасных психоактивных веществ в сети Интернет.

Управлением ФСКН России по Курганской области (далее – Управление) в 2015 г. сформировано дополнительное направление административного производства по ст. 6.13 КоАП РФ. Его особенностью является то, что правонарушения выявляются и доказываются по материалам уголовных дел.

Подобная практика стала представлять интерес в части наличия в действиях лица, совершающего уголовные преступления, признаков административного правонарушения при условии разграничения событий. При отсутствии идеальной совокупности правонарушений выделению из уголовного дела подлежат материалы, доказывающие только административное правонарушение.

В целях системного выявления правонарушений, предусмотренных ст. 6.13 КоАП РФ, в находящихся в производстве следова-

телей уголовных делах, Управлением реализуется следующий комплекс организационно-управленческих мероприятий:

- в рамках ежемесячных совещаний определяется перечень перспективных материалов уголовных дел, расследуемые преступления по которым совершены с использование сети Интернет;

- после допроса лица, привлекаемого к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, даются процессуальные оценки отобранных уголовно-процессуальных материалов на предмет наличия в них события, связанного с пропагандой наркотических средств;

- принимаются уголовно-процессуальные решения в форме вынесения постановлений о выделении материалов для административного производства в соответствии с требованиями УПК РФ, в которых представляются события и даются надлежащие юридические оценки действиям лиц по ст. 6.13 КоАП РФ. К постановлениям прикладываются копии необходимых документов из материалов уголовных дел;

- оперативные сотрудники, получив от следователей выделенные материалы о пропаганде наркотических средств, возбуждают административные производства с принятием мер к явке виновных лиц;

- сотрудник правового подразделения оказывает необходимую помощь в порядке сопровождения производства по делам.

При практической реализации выработанного алгоритма выявления фактов пропаганды наркотических средств определение объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны правонарушения не вызывает правовых затруднений.

Объектом правонарушения выступает здоровье населения.² Активные действия по нарушению любого из имеющихся законодательных запретов составляют объективную сторону.

Спецификой в данном случае будет являться тот факт, что использование в пропаганде или рекламе наркотика сленговых названий наркотиков, которые известны их потребителям, не требует в процессе доказывания лингвистических исследований. Достаточно того, что хотя бы один из покупателей такого товара подтвердил, что понял предложение именно как сбыт ему наркотических средств. Доказательства правонарушения излагаются дословно из уголовно-процессуальных документов (протоколов допроса, осмотра и прочих).

Субъектом правонарушений выступают граждане, достигшие 16-летнего возраста, должностные лица, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридические лица, иностранные граждане или лица без гражданства. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины.

Подобный процесс доказывания события правонарушения с использованием сети Интернет осуществляется только по материалам уголовного дела, что является очевидным положительным фактором для административного производства, так как нет необходимости возбуждать административное расследование. Сотрудниками составляется протокол, отбирается объяснение у лица и в качестве доказательств прилагаются копии документов из материалов уголовного дела:

- постановления о выделении материалов из уголовного дела для административного производства, в котором уже дается правовая оценка;
- скриншотов страниц Интернета, фото надписей, протоколов осмотров, из которых усматривается предмет правонарушения;
- протоколов допросов самого лица (в качестве подозреваемого, обвиняемого), в которых он поясняет свои действия;
- протоколов допросов свидетелей, которые подтверждают, что приобретали наркотики именно по этой рекламе и она была им понятна;
- протоколов осмотров текстовых документов, подтверждающих переписку лица с неопределенным кругом лиц;
- рассекреченных и переданных следователю результатов оперативно-розыскной деятельности.

Примером задокументированного административного правонарушения, выделенного из уголовно-процессуальных материалов, может являться уголовное дело в отношении одного из участников преступной группы – гражданина О., который, занимаясь незаконным сбытом синтетических наркотических средств, активно использовал интернет-программу ICQ-мессенджер. Зарегистрировав аккаунт, присвоив себе сетевой псевдоним (ник) «45Legal» с номером учетной записи UIN 641705134 на сайте «Legalrc.biz», указанный гражданин вел переписку с неопределенным кругом лиц: сообщал информацию о наличии имеющихся у него в продаже наркотиков и ценах на них. По задокументирован-

ным материалам в действиях гражданина О. суд усмотрел признаки пропаганды наркотических средств.

В рамках документирования преступной деятельности участников организованных преступных групп в ряде случаев имеется возможность привлечения к ответственности несколько человек. Использование подобной практики по ст. 6.13 КоАП РФ облегчило процесс доказывания по административным делам.

Анализ судебных решений свидетельствует, что судьями Курганской области не предъявляются требования к назначению экспертиз о том, что представленные словесные обороты привлекают внимание населения к наркотику. Судьи устанавливают доказанным факт, что используемый в объявлениях и надписях сленг понятен для круга лиц.

Таким образом, при наличии выделенных материалов уголовного дела, кроме объяснения лица, в отношении которого составляется протокол, других доказательств не требуется.

С учетом актуальности вопроса расширения практики документирования преступлений и правонарушений, совершаемых с использованием сети Интернет, опыт работы оперативных, следственных и правовых подразделений Управления по ст. 6.13 КоАП РФ целесообразен для рассмотрения и возможного внедрения иными правоохранительными органами.

¹ Тогузаева Е.Н. Пропаганда, агитация и политическая реклама: проблемы и противоречия правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2742 – 2745.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Главы 1-10 : постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. Б.В. Российского. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2014. Вып. VII-VIII. С. 233.

Бакшт Д.А.

Юридический институт Сибирского
федерального университета
(г. Красноярск)

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОГРАНИЧЕНИЕМ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ «ЧАРАС» (ВИКИПЕДИЯ)**

Конституция РФ 1993 г. позволяет ограничить при определенных условиях права и свободы человека, в том числе распространение информации в сети Интернет как один из аспектов права на свободу слова. За пропаганду или незаконную рекламу наркотических веществ, в соответствии со ст. 6.13 КоАП РФ, установлена административная ответственность. Одновременно с этим в примечании к данной статье делается исключение в отношении распространения сведений о наркотических веществах в специализированных изданиях, рассчитанных на медицинских и фармацевтических работников. В отношении ресурсов сети Интернет, правоприменителю проще пользоваться порядком, предусмотренным ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (статья введена в 2012 г.). Для привлечения к административной ответственности необходимо выяснить как технические обстоятельства дела (установить регистратора доменных имен, провайдера хостинга и интернет-провайдера)¹, так и содержательные (выяснение, какие действия являются пропагандой наркотических средств, а какие – их незаконной рекламой; выяснение какая именно информация и о каких именно веществах является предметом правонарушения)².

Посредством внесения полной ссылки на страницу сайта (конечный URL) было произведено ограничение информации, представленной в статье «Чарас» на русскоязычном сегменте ресурса сети Интернет Википедия (<https://ru.wikipedia.org>) по решению Черноярского районного суда Астраханской области от 25 июня 2015 г. № 2-290/2015. Укажем некоторые проблемы, поднятые, затронутые в деле, но не решенные вплоть до настоящего времени.

Первый аспект: уточнение признаков, на основании которых информацию квалифицируют как пропаганду наркотических веществ. В деле было дано правовое обоснование решения. Согласно

ч. 1 и 2 ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» пропаганда наркотических средств, направленная на распространение сведений *о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений*, а также производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение указанных сведений *посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей* или совершение иных действий в этих целях запрещаются. В ст. 4 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» содержится запрет на распространение в СМИ, а также в информационно-телекоммуникационных *сетях сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств*.

Текст запрещенной статьи имел признаки пропаганды наркотических средств, так как в нем описывался процесс изготовления и места культивирования растений. События, развернувшиеся после вступления решения суда в силу, привели к тому, что по указанному URL была размещена информация о значениях слова «Чарас», сама статья поменяла адрес и была незначительно отредактирована. Даже на самом ресурсе Википедия признается паллиативный характер внесенных правок.³ Следовательно, пропаганда наркотических средств, установленная судом, в сущности, не была ограничена. Вполне было возможно добиться через суд повторного запрета данной страницы сайта, чего не было сделано.

Таким образом, возникает вопрос: была ли пропаганда наркотических средств в этом случае? Если прокуратура и суд усмотрели признаки пропаганды, а Роскомнадзор и ФСКН России заключили, что информация (после незначительных правок) таковых не содержала, то, возможно, следует конкретизировать понятие «пропаганда наркотических веществ» и выработать четкую позицию относительно запрещения распространения информации о сборе и приготовлении наркотиков?

Второй аспект: отнесение ресурса Википедия к энциклопедии/справочнику или к сайтам. Легальное определение сайта, данное в Федеральном законе от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», охватывает

ресурс Википедия. Данный ресурс не имеет печатного аналога (имеются примеры ресурсов, являющихся цифровыми аналогами традиционных энциклопедических изданий), содержание зачастую слабо верифицируемо и не защищено авторским правом. Максимально свободный доступ к ресурсу Википедия, даже если статья (тематическая страница ресурса) выполнена на качественном уровне на основе профильной медицинской литературы, не позволяет отнести данный формат к «специализированному изданию», указанному в примечании к ст. 6.13 КоАП РФ.

Из анализа судебной практики следует, что большинство судов верно дают заключение о том, что Википедия не является достоверным источником информации или справочным изданием (например определение Судебной коллегии по гражданским делам Кемеровского областного суда от 18 ноября 2011 г., определение Октябрьского районного суда г. Ижевск Удмуртской Республики от 15 апреля 2015 г. по делу № 5-26/2015). В заявлениях в СМИ лица, не согласные с вынесенным решением суда, апеллировали к тому факту, что информация для данной статьи сайта Википедия была почерпнута из открытых источников (например, сайт ООН) и медицинских справочников.

Третий аспект дела связан с техническими особенностями функционирования ресурса (протокол HTTPS не позволяет блокировать отдельную страницу по конкретному URL). Законодательство дает определение понятиям «сайт» и «страница сайта». Исполнение решения суда было также половинчатым: ресурс Википедия не был немедленно заблокирован после отказа ограничить доступ к странице.

Таким образом, «дело Википедии» 2015 г. имело несколько интересных аспектов. Информация, которая была размещена на ресурсе, правомерно была расценена как массовая информация, распространенная посредством информационно-телекоммуникационной сети. Непосредственно сайт не является энциклопедией или справочником (или их интернет-версией). Однако, на наш взгляд, это актуализировало вопрос о том, что необходимо дополнительное регулирование, в том числе не защищенного какими-либо средствами «короткого» доступа к специализированным медицинским справочным или научным изданиям, размещаемым в сети Интернет.

¹ Иванов А.Ю., Ефимов С.Н., Галушин П.В. Противодействие пропаганде наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 4 (17). С. 38.

² Гутов И.В., Морин А.В. Административная ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений и их частей, содержащие наркотические средства или психотропные вещества и их прекурсоры // Бизнес в законе. 2012. № 4. С. 77.

³ Блокирование Википедии в России. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

Кудашова И.В.,

кандидат философских наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ К ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ**

В 2015 г. была принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, далее – Стратегия). В качестве одного из главных стратегических рисков и угрозы национальной безопасности Стратегия называет незаконную миграцию (п. 43).

Президентом РФ утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, которая в качестве одного из основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации в области противодействия незаконной миграции определяет создание и совершенствование системы государственного контроля въезда и пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации. Сегодня контроль в этой сфере осуществляют девять федеральных органов исполнительной власти, в числе которых важное место занимает ФСКН России. Сотрудники данного звена российской правоохранительной системы наделены целым комплексом полномочий по применению принудительных мер воздействия на иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших противоправные деяния в сфере незаконного оборота и потребления наркотических средств и психотропных веществ. Вместе с тем анализ законодательства и правоприменительной

практики функционирования органов наркоконтроля позволяет сделать вывод о существовании ряда нерешенных проблем и наличии потенциала для совершенствования как правовой, так и организационной основ деятельности ФСКН России в указанном направлении.¹

Во-первых, целесообразно разработать и утвердить ведомственный нормативный правовой акт ФСКН России, регламентирующий порядок рассмотрения материалов, содержащих обстоятельства, являющиеся основанием для принятия (отмены) решения о неразрешении въезда, а также форму решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства.

В соответствии с ч. 3 ст. 25.10 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» ФСКН России обладает полномочиями принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранным гражданам и лицам без гражданства. Порядок принятия такого решения устанавливается Правительством РФ.

Согласно п.п. 7, 8 постановления Правительства РФ от 14 января 2015 г. № 12 «О порядке принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства» уполномоченные федеральные органы исполнительной власти устанавливают порядок рассмотрения материалов, содержащих обстоятельства, являющиеся основанием для принятия (отмены) решения о неразрешении въезда, а также форму решения о неразрешении въезда. В ФСКН России такой нормативный правовой акт отсутствует.

В связи с изложенным и в целях обеспечения возможности реализации данного права сотрудниками органов наркоконтроля целесообразно разработать и утвердить приказ ФСКН России (далее – Приказ) «Об утверждении Инструкции о порядке принятия (отмены) решения в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства».

При этом, на наш взгляд, при разработке Приказа целесообразно идти по пути упрощения реализации соответствующих процедур, в том числе по сравнению с порядком принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федера-

ции иностранного гражданина или лица без гражданства, утвержденного приказом ФСКН России от 12 августа 2009 г. № 362. Следует отметить, что такой подход полностью согласуется с положениями, закрепленными в постановлении Правительства РФ от 14 января 2015 г. № 12.

На наш взгляд, Приказ должен предоставить право принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию:

- руководителю федерального органа исполнительной власти по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, его заместителям;
- руководителям структурных подразделений федерального органа исполнительной власти по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их заместителям;
- руководителям территориальных органов ФСКН России и их заместителям.

В своей структуре Приказ должен содержать следующие разделы:

- общие положения (основания принятия решения);
- подготовка, представление и рассмотрение в территориальном органе ФСКН России материалов, содержащих обстоятельства, являющиеся основанием для принятия (отмены) решения о неразрешении въезда;
- порядок информирования Федеральной службы безопасности Российской Федерации и соответствующего территориального органа Федеральной миграционной службы и уведомления иностранного гражданина или лица без гражданства о принятом в отношении него решении о неразрешении въезда.

Кроме того, приказом необходимо утвердить бланки:

- решения о неразрешении въезда;
- решения об отмене решения о неразрешении въезда;
- уведомления иностранного гражданина или лица без гражданства о принятом в отношении него решении о неразрешении въезда;
- уведомления ФСБ России и территориального органа ФМС России.

Во-вторых, срок принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранного гражданина или лица без гражданства составляет один месяц со дня выявления соответствующих обстоятельств.² В течение данного времени указанные лица могут выехать с территории региона и России. Для исполне-

ния принятого в отношении них решения территориальному органу наркоконтроля необходимо проводить розыскные мероприятия для установления их нового места жительства. Применение в отношении них задержания до принятия решения действующим законодательством не предусмотрено, как правомерно обосновывал А.В. Жильцов.³ Должностные лица органов наркоконтроля вынуждены использовать иные методы, основанные на личной наблюдательности или тактической изобретательности, включая блеф как средство оказания психологического воздействия на иностранного гражданина в целях вынудить его не скрываться от органов наркоконтроля до принятия данного решения.

Сведения об иностранных гражданах и лицах без гражданства, в отношении которых принято решение о неразрешении въезда, представляются в центральный банк данных по учету иностранных граждан, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих на территории Российской Федерации, поэтому в случае их обнаружения в другом регионе им придется выехать с территории России. При их обращении за визой для последующего въезда в Российскую Федерацию либо для приобретения билетов в случае безвизового режима въезда им будет отказано.

В-третьих, сотрудникам органов наркоконтроля целесообразно представлять в материалах дела о принятии решения о неразрешении въезда данные, подтверждающие действительную необходимость применения к иностранному гражданину или лицу без гражданства, имеющему супруга(у) и/или детей – граждан Российской Федерации и проживающих на территории России, такой меры принуждения, которая с наибольшим эффектом достигала бы целей восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых противоправных деяний, а также ее соразмерность в качестве единственно возможного способа достижения справедливого баланса публичных и частных интересов в рамках применения данной меры административного принуждения.

При этом конкретные обстоятельства (например, повторное или неоднократное привлечение к административной ответственности, личность виновного, его имущественное положение и т.д.) должны быть представлены и доказаны в материалах дела о принятии решения о неразрешении въезда, чтобы руководитель территориального органа ФСКН России мог их оценить в соответствии с принципами справедливости, соразмерности и индивидуализации применения мер принуждения. На необходимость подобного всестороннего рассмотрения обстоятельств дел о принятии ре-

шения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию по аналогии с административным выдворением указывалось в судебных актах высшей судебной инстанции, например в постановлении Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. № 4-П.

Следует обратить внимание, что п. 2 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. допускает вмешательство со стороны государства в осуществление прав на личную и семейную жизнь только в том случае, если оно предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Поэтому принятие решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию может быть вынесено в отношении иностранного гражданина, совершающего наркоправонарушения, так как они подходят под данное исключение, исходя из преамбулы Федерального закона «О наркотических средствах, психотропных веществах», где отмечается, что данный закон устанавливает правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту в целях охраны здоровья граждан, государственной и общественной безопасности.

Данные предложения позволят более эффективно реализовывать применение мер принуждения к иностранным гражданам и лицам без гражданства за наркоправонарушения.

¹ Применение сотрудниками органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ отдельных мер административного принуждения : учебное пособие / под общ. ред. докт. юрид. наук Н.Н. Цуканова. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. С. 54-70.

² Правила принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства : утв. постановлением Правительства РФ от 14.01.2015 № 12, п. 2.

³ Жильцов А.В. Административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая сотрудниками органов наркоконтроля // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков : национальный и международный уровни : материалы XVII международной научно-практической конференции (17-18 апреля 2014 г.) : в 2 ч. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. Ч. 2. С. 229-230.

Рябинин Н.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
ПО ОСНОВАНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ
«О НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВАХ»**

Принудительная ликвидация юридического лица, предусмотренная пп. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ, представляет собой одну из самых строгих мер государственного принуждения, применяемого по решению суда к юридическим лицам в связи с нарушением ими законодательства. ГК РФ называет три основания для применения данной меры:

- осуществление юридическим лицом деятельности, запрещенной законом,
- осуществление юридическим лицом деятельности с нарушением Конституции РФ,
- осуществление юридическим лицом деятельности с другими неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов.

Одним из органов, обладающих правом на обращение в суд с требованием о ликвидации юридического лица, в соответствии со ст. 51, 52 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» являются органы наркоконтроля.¹

Учитывая, что органы наркоконтроля, обращаясь в суд с подобными требованиями, заинтересованы в вынесении судом решения о ликвидации юридического лица, отметим необходимые условия, наличие которых будет способствовать принятию судом такого решения.

Во-первых, обращаясь в суд, органам наркоконтроля следует учесть указания Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по данному вопросу.

Так в п. 1 постановления от 18 июля 2003 г. № 14-П Конституционный Суд РФ указал, что ликвидация юридического лица не может быть назначена по одному лишь формальному основанию неоднократности нарушений законодательства, а должна применяться в соответствии с общеправовыми принципами юридической ответственности и быть соразмерной допущенным юридическим лицом нарушениям и вызванным ими последствиям.

Верховный Суд РФ в п. 28 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 указал, что неоднократность нарушения законодательства сама по себе не может служить основанием для принятия судом решения о ликвидации юридического лица. Такая исключительная мера должна быть соразмерной допущенным юридическим лицом нарушениям и вызванным ими последствиям.

Как мы видим, основным критерием применения данной меры государственного принуждения, по мнению высших судов, выступает ее соразмерность допущенным юридическим лицом нарушениям и вызванным ими последствиям (далее – соразмерность).

На сегодняшний день судебная практика, характеризующая ликвидацию юридических лиц за нарушения законодательства об обороте наркотиков, отсутствует. Полагаем, что в таком случае соразмерность может быть раскрыта посредством анализа и сопоставления практики судов по ликвидации юридических лиц за нарушение иных норм законодательства в 2015 г.²

Так, Верховный Суд РФ в качестве надлежащих оснований для ликвидации юридического лица в соответствии с пп. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ признал следующие:

- в деятельности организации контролирующий орган выявил неустранимые нарушения законодательства;

- организацией не устранены неоднократные и грубые нарушения, выявленные в ходе проверки и отраженные в акте и двух письменных предупреждениях, вынесенных по результатам проверки;

- неоднократное непредставление организацией в установленный срок обновленных сведений, необходимых для внесения изменений в единый государственный реестр юридических лиц, непредставление сведений об изменении данных о лице, имеющем право действовать без доверенности от имени юридического лица, отсутствие законных оснований для внесения измененных сведений в реестр в части места нахождения организации;

- руководящими органами организации принимались решения с нарушениями федеральных законов, иных нормативных правовых актов, собственного устава; незаконно более года использовался адрес, сведения о котором отсутствовали в ЕГРЮЛ и уставе, и также незаконно изменена территориальная сфера деятельности, осуществлялась незаконная предпринимательская деятельность, противоречащая его уставным целям.

Во-вторых, при обосновании соразмерности правонарушений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ

предлагаем ссылаться на содержание Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683), в которой основной угрозой государственной и общественной безопасности названа деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств, а о наркомании заявлено как об угрозе национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан, на то, что допущенные юридическим лицом нарушения законодательства идут вразрез с созданной в России системой антинаркотических мер социального, экономического, медицинского, правового, психологического и административного характера.

В-третьих, прежде чем обосновывать соразмерность совершенного юридическим лицом нарушения законодательства органам наркоконтроля следует доказать наличие факта нарушения законодательства. В первую очередь для этого необходимо предоставить сведения о вступивших в силу судебных решениях (приговор по ст. 174, 174.1 УК РФ, постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренному ст. 17.7 КоАП РФ), подтверждающих наличие в деятельности физических и юридических лиц нарушений законодательства, предусмотренных ст. 51, 52 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Особенно следует отметить то, что органы наркоконтроля должны предоставить доказательства противоправной, виновной деятельности именно юридического лица, а не физических лиц, в нем работающих или им управляющих. В этом случае для применения основания обращения в суд, предусмотренного ст. 51 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», достаточно вступившего в отношении юридического лица в силу постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП РФ.³

Для доказательства факта осуществления юридическим лицом финансовой операции в целях легализации (отмывания) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, вступления в силу приговора суда по ст. 174, 174.1 УК РФ недостаточно. В этом случае следует доказать факт осуществления деятельности физическим лицом, признанным виновным в совершении указанных преступлений, от имени или в интересах юридического лица, его учредителей (уча-

стников) либо факт совершения юридическим лицом операций с денежными средствами или иным имуществом физических лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, в нарушение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Следует отметить, что установление и доказательство обозначенного факта требует от сотрудников наркоконтроля наличия специальных познаний и дополнительных временных затрат.

Полагаем, что сформулированные нами рекомендации позволяют органам наркоконтроля добиться положительного для себя судебного решения при обращении в суд с заявлением о ликвидации юридических лиц по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах».

¹ В соответствии со ст. 51 указанного закона основанием для ликвидации юридического лица является неисполнение обязательного для исполнения предписания, выданного в связи с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ в помещениях юридического лица, либо иным неоднократным нарушением законодательства Российской Федерации об обороте наркотических средств или психотропных веществ в помещениях юридического лица. Статья 52 в качестве основания ликвидации называет осуществление финансовой операции в целях легализации (отмывания) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ.

² Решения Верховного Суда РФ от 28.05.2015 № АКПИ15-485, от 17.09.2015 № АКПИ15-876, от 16.10.2015 № АКПИ15-1005, от 19.10.2015 № АКПИ15-1012, от 8.12.2015 № АКПИ15-1375, от 14.12.2015 № АКПИ15-1400; определения Верховного Суда РФ от 15.06.2015 № 18-АПГ15-11, от 21.10.2015 № 12-АПГ15-2; апелляционные определения Верховного Суда РФ от 14.10.2015 № 23-АПГ15-1, от 16.12.2015 № 22-АПГ15-5.

³ Подр.: Основания административной ответственности за административные правонарушения, дела о которых вправе возбуждать сотрудники органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учебное пособие / под общ. ред. докт. юрид. наук Н.Н. Цуканова. Красноярск : СибЮИ ФСИН России, 2014. С. 126-130.

Казанцева К.Ю.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

В настоящее время в состоянии наркотического опьянения совершаются значительная часть убийств, причинений вреда здоровью, изнасилований, хулиганств, грабежей, разбоев, других насильственных и корыстно-насильственных преступлений, а также многих неосторожных преступлений, связанных с гибелью людей и иными тяжкими последствиями.

Лицо, совершившее преступление в состоянии наркотического опьянения, подлежит привлечению к уголовной ответственности, потерпевшая сторона также имеет право требовать в судебном порядке компенсации морального вреда за перенесенные физические и нравственные страдания, причиненные совершенным преступлением.

Несмотря на то, что институту компенсации морального вреда в настоящее время посвящены многочисленные исследования, на практике возникают множество вопросов, связанных с определением судьей размера компенсации морального вреда.

Стандартизация в области назначения размеров компенсации за моральный вред позволит практически свести к минимуму уровень субъективизма у судей и существенно облегчит их работу, а также, что наиболее важно, приведет к справедливому и разумному разрешению дел, возникающих по поводу защиты прав и законных интересов граждан.

При рассмотрении дел о взыскании морального вреда судья обращается к оценочным признакам и понятиям ввиду отсутствия нормативно закрепленных формальных пределов минимального и максимального размера компенсации.

Проведенный нами анализ судебной практики выявил следующие проблемы: 1) отсутствие какой-либо предсказуемости выносимого судом решения в части объема компенсации морального вреда; 2) нестабильность правоприменительной практики и отсутствие ее единообразия; 3) увеличение количества обжалуемых в вышестоящих судах вынесенных приговоров; 4) снижение судом размера компенсаций морального вреда в связи с недока-

занностью физических и нравственных страданий, причиненных потерпевшему, и необходимостью соблюдения требования разумности и справедливости.

Выявленные проблемы прежде всего связаны с тем, что судьи не являются специалистами в вопросах определения степени физических и нравственных страданий, а введение в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» понятий разумности и справедливости создает дополнительные проблемы при определении размера компенсации морального вреда, так как окончательное решение зависит от субъективного восприятия этих категорий судьями.

Полагаем целесообразным законодательно закрепить критерии степени физических и нравственных страданий, установив правила определения размера компенсации морального вреда.

Компенсация морального вреда возможна при нарушении личных нематериальных благ человека: 1) чести, достоинства и деловой репутации, 2) неприкосновенности частной жизни; 3) права на жизнь и здоровье; 4) иных нематериальных прав и свобод (нарушение трудовых прав работника, незаконное привлечение к уголовной или административной ответственности и др.). В каждом конкретном случае необходимы свои критерии определения размера компенсации морального вреда в зависимости от объекта посягательства и обстоятельств дела.

Рассмотрим ситуацию, когда преступлением причинен вред жизни и здоровью гражданина. В этом случае для определения характера физических страданий, разумного и справедливого размера компенсации морального вреда судам необходимо прежде всего руководствоваться результатами судебно-медицинской экспертизы и утвержденными Правилами определения степени тяжести вреда причиненного здоровью человека.

Полагаем, что по итогам судебно-медицинской экспертизы следует устанавливать минимальный предел размера компенсации морального вреда, зависящий от показателей минимального размера оплаты труда (МРОТ). Например, за причинение тяжкого вреда здоровью размер компенсации будет составлять 1000 МРОТ, средней тяжести – 500 МРОТ, легкого вреда здоровью 250 МРОТ.

Также следует отметить, что физические страдания при телесном повреждении, как правило, сопровождаются нравственными (психологическими) переживаниями в связи с различными об-

стоятельствами (страх и беспокойство в связи с неопределенностью исхода лечения, волнения о собственном будущем ввиду утраты способности работать по специальности, угроза социального падения, чувство ущербности и т.п.).

Для определения степени нравственных страданий также целесообразно проведение судебно-психологической экспертизы, так как только специалисты соответствующего профиля имеют возможность обоснованно определить степень нравственных страданий и причинно-следственную связь между психологическими переживаниями и действиями ответчика.

При этом на разрешение экспертам-психологам могут быть поставлены следующие вопросы:

- испытывает ли истец страдания, субъективные переживания по поводу неправомерных действий ответчика и, если испытывает, в чем это выражается;
- состоят ли в причинной связи страдания истца с действиями ответчика;
- если истец испытывает страдания, то какова их степень;
- имеются, а если имеются, то каковы индивидуально-психологические особенности истца, которые могли оказать существенное влияние на степень его субъективных переживаний?

По итогам судебно-психологической экспертизы возможно установить следующие степени тяжести психического вреда:

- легкая – кратковременные психические состояния неболезненного уровня, незначительные (неглубокие) изменения психической деятельности;
- умеренная (средняя) – непатологическое состояние, длительность переживания или негативных изменений от 1 до 6 месяцев;
- тяжелая – значительные изменения психического состояния, переходящие в пограничное, длительностью более 6 месяцев, но обратимые, а также такие непатологические состояния, как личностный кризис;
- особо тяжкие – выраженные психические нарушения, в том числе хронические, и необратимые изменения психической деятельности.¹

В зависимости от степени определенных нравственных страданий и указанных выше показателей МРОТ, также возможно определить минимальный предел размера компенсации морального вреда.

В каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств дела при определении компенсации морального вреда необходимо дополнительно учитывать следующие критерии: длительность лечения, протекание процесса лечения, длительность последствий, обезображивание (шрамы и т.д.), возраст потерпевшего, возможность дальнейшей работы по специальности, возможность сохранения специфических качеств (повреждение руки или ноги у спортсмена), степень осознания тяжести своего состояния, беспокойство о судьбе семьи, особая психическая восприимчивость (склонность к переживаниям).

Естественно, что при определении размера компенсации морального вреда суд должен учитывать обстоятельства, связанные с причинителем вреда: степень вины причинителя вреда, имущественное положение причинителя вреда, иные фактические обстоятельства, связанные с причинением вреда (например, состояние опьянения у причинителя вреда, неисправность его автомобиля).

Полагаем, что при учете степени вины причинителя вреда необходимо взять за основу рекомендации, разработанные А.М. Эрделевским.²

Предлагаем следующие критерии определения степени вины в зависимости от ее форм и указанного выше минимального предела размера компенсации.

Первая степень – моральный вред причинен умышленными действиями и возмещается в размере 75% от минимального предела размера компенсации морального вреда.

Вторая степень – моральный вред причинен вследствие грубой неосторожности и подлежит возмещению в размере 50% от минимального предела размера компенсации морального вреда.

Третья степень – моральный вред причинен при наличии простой неосторожности и возмещается в размере 25% от минимального предела размера компенсации морального вреда.

Четвертая степень – моральный вред причинен невиновными действиями и возмещается в размере 10% от минимального предела размера компенсации морального вреда.

В заключении обозначим следующие пути решения выявленных проблем:

1) Верховному Суду РФ следует проанализировать судебную практику и выработать базисный размер компенсации морального вреда, который подлежит изменению в зависимости от социально-экономической ситуации в стране и объекта посягательства;

2) рекомендовать судам назначать проведение комплексной медико-психологической экспертизы для определения степени физических и нравственных страданий потерпевшего;

3) внести в ГК РФ положения о соотносимости размера компенсации морального вреда с перенесенными страданиями и степенью вины причинителя вреда;

4) разработать и закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» специальную таблицу, в которой будут указаны виды правонарушения и размер предполагаемой компенсации за него.

¹ Калинина А.Н. Теоретические и методические основы судебной психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

² Эрдлевский А.М.. Моральный вред и компенсация за страдания : научно-практическое пособие. М., 1998.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Тепляшин П.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСИН России (г. Красноярск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО ПРАВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Формирование нормативных принципов и норм Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), реализуемых для решения задач правового регулирования консолидированной антинаркотической деятельности, неизбежно приводит к теоретическому исследованию вопросов обусловленности регионального межгосударственного законодательства.

Анализ правовых основ деятельности ОДКБ позволяет резюмировать, что фактически в рассматриваемой организации имеет место органичное и целесообразное синтезирование двух разнородных правовых систем – региональной и национальных, в результате которой они, сохраняя свою автономную самостоятельность, приобретают новые свойства и функциональное назначение, а также выходят на иной качественный уровень международного и внутригосударственного сотрудничества. В этой ситуации наглядно проявляется существование регионального уровня антинаркотического права договорного характера, которое подвергается определенной трансформации, вызванной процессами глобализации, интернационализации законодательства и активизации транснациональной наркопреступности. Поэтому среди предпосылок образования регионального антинаркотического права можно отметить в целом расширение сферы действия международного права, признание приоритета договорных норм международного характера над национальным законодательством, повышение активности государств в стремлении совместного решения проблем противодействия преступности, интеграцию госу-

дарств в целях объединения усилий в антинаркотической правоохранительной практике.

В целом региональное антинаркотическое право государств – членов ОДКБ может быть представлено в виде совокупности принципов и норм, регламентирующих правовой статус участников и устанавливающих правила межгосударственного сотрудничества в противодействии наркоугрозы. Эти принципы и нормы обладают особым механизмом реализации: первые отражают основные идеи своего претворения в действительность, вторые – их нормативно-правовой характер, а соответственно, общепризнанность и необходимость соблюдения. Так, в Концепции коллективной безопасности государств – членов ОДКБ указывается, что такая безопасность базируется на следующих принципах:

- неделимость безопасности: агрессия против одного государства-участника рассматривается как агрессия против всех государств-участников;
- равная ответственность государств-участников за обеспечение безопасности;
- соблюдение территориальной целостности, уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела и учет интересов друг друга;
- коллективность обороны, создаваемой на региональной основе;
- принятие решений по принципиальным вопросам обеспечения коллективной безопасности на основе консенсуса;
- соответствие состава и готовности сил и средств масштабу военной угрозы.

Нормативно-правовой характер деятельности рассматриваемой организации отражен, в частности, в Правилах процедуры органов ОДКБ.¹ Таким образом, указанные принципы выражены в соответствующих правовых источниках, они выступают исходными нормативно-руководящими началами, лежащими в основе регионального права, выражают его сущность и определяют направленность правового регулирования совместной антинаркотической деятельности. Вместе с тем следует учитывать, что принципы и нормы регионального антинаркотического права, имея международно-правовую природу, являются общепризнанными только в случае их признания конкретным государством, поскольку они отражают в первую очередь идеологический компонент правовой системы, включая российскую правовую действительность, тогда

как нормы «вплетаются» в систему права, выступая ее источником. Данные компоненты тесно взаимосвязаны друг с другом, но их не следует отождествлять либо противопоставлять. Гармоничное сочетание принципов и норм образует идейную и нормативную основу взаимоотношений государств – членов ОДКБ в области противодействия наркоугрозе.

Также нельзя не заметить, что антинаркотические нормы государств – членов ОДКБ в определенном смысле имеют рафинированный и контекстовый характер, поскольку они вплетены в правовую базу организации в подтекстовом значении. В частности, в Договоре о коллективной безопасности отсутствует прямое указание на антинаркотическую деятельность. Однако под использованием сил и средств системы коллективной безопасности понимается в том числе решение вопросов противодействия транснациональной наркопреступности. Не случайно в п. 90 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации закрепляется, что Россия выступает за качественное развитие Организации Договора о коллективной безопасности, превращение ее в универсальную международную организацию, способную противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера, включая международный терроризм и экстремизм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ.² Данная особенность объясняется тем обстоятельством, что эффективность профилактики наркопреступлений зависит от ориентированности ОДКБ не на обособленное воздействие на отдельные общественно опасные деяния, в том числе связанные с незаконным оборотом наркотиков, а на предупреждение всей гаммы имеющихся и назревающих угроз региональной безопасности. Также важно обратить внимание на «эффект домино» в наркопреступности, то есть наличие тесной общественно опасной причинно-следственной связи между сферой незаконного оборота наркотиков и иными областями криминальной активности. При этом наркопреступность имеет четко очерченную конфигурацию, которая сохраняет свои параметры даже в условиях «броуновского движения» составляющих данный вид преступности общественно опасных деяний. Данному виду преступности характерна логичная связка с организованной, транснациональной, коррупционной и террористической преступностью. Так, в решении по вопросу «Об оказании помощи Республике Таджикистан по укреплению таджикско-афганской границы»,

принятом на сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ в Сочи 23 сентября 2013 г., указано, что наркотрафик, в том числе из Афганистана, выступает современной угрозой безопасности государств – членов ОДКБ, поэтому приоритетным направлением должно стать продолжение работы по организации локальных операций на основных маршрутах наркотрафика в рамках региональной антинаркотической операции «Канал», проведение совместных оперативно-тактических учений подразделений специального назначения антинаркотических ведомств и органов внутренних дел, выделенных в состав формирований Коллективных сил оперативного реагирования.

Постепенное формирование норм регионального антинаркотического права неизбежно приводит к необходимости их достаточно строгого соблюдения в целях повышения эффективности функционирования всей организации. В методологическом ракурсе важность соблюдения рассматриваемых норм объясняется их органичной включенностью в международное право. Однако какими бы ни были подвижными параметры содержания регионального антинаркотического права, необходимо отметить тенденцию консолидированного подхода в повышении его значимости и признании международным научным сообществом.³ Так, Д.Д. Невирко справедливо отмечает: «На фоне положительного опыта проведения операций в Афганистане по ликвидации нарколабораторий, изъятию крупных партий героина, аресту активных участников и руководителей наркосообществ, а также активного международного сотрудничества в этой сфере можно прогнозировать повышение эффективности работы ОДКБ в этом направлении и постепенную минимизацию наркоугрозы в ближайшее десятилетие»⁴.

Таким образом, теоретическая оценка процесса формирования и роли регионального антинаркотического права в решении известных проблем сотрудничества государств-членов ОДКБ демонстрирует высокую ценность интересов обеспечения и укрепления национальной, региональной и международной безопасности, позволяет выработать необходимые смысловые ориентиры и закрепить исторически апробированные формы союзнических отношений в сфере противодействия транснациональным вызовам и угрозам безопасности государств и народов.

³ Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. Основополагающие документы. URL: <http://odkb-csto.org/documents>.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II), ст. 212.

³ Ван Чаоцин. Международное сотрудничество в области безопасности между ШОС и ОДКБ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 123-127.

⁴ Невирко Д.Д. Состояние, тенденции и прогноз наркоситуации в государствах – членах Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2014. № 2 (15). С. 73.

Костюченко А.Н.

Костанайская академия
МВД Республики Казахстан
имени Шракбека Кабылбаева

Карымсакова Д.Т.

Костанайская академия
МВД Республики Казахстан
имени Шракбека Кабылбаева

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ
ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Проблема раскрытия и расследования наркопреступлений выделяется среди многих проблем, стоящих перед казахстанским обществом, как глобальная угроза здоровью населения страны и национальной безопасности в целом. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подчеркивает: «Уже сегодня можно констатировать, что наркобизнес в Казахстане стал проблемой социальной значимости, проблемой, которая самым деструктивным образом влияет на гражданское состояние общества, на перспективы его экономического развития и социального прогресса»¹.

На современном этапе к числу приоритетных задач, стоящих перед государством и гражданским обществом, отнесена проблема организации профилактики распространения наркотических средств и их аналогов, что является чрезвычайно сложным делом, так как требует изучения накопленного мирового опыта борьбы с наркоманией, поиска новых современных подходов в преодолении

этого негативного явления, объединения усилий науки и практики, а также согласованности действий всех государственных органов, учреждений, общественных формирований, различных организаций и фондов.

Согласно «Отраслевой программе борьбы с наркоманией и наркобизнесом в Республике Казахстан на 2012-2016 годы» (утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 апреля 2012 г. № 451) профилактика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ складывается из комплекса социальных, образовательных и медико-психологических мероприятий, направленных прежде всего на выявление и устранение причин и условий, способствующих их распространению и употреблению, а также на предупреждение развития и ликвидацию негативных социальных и медицинских последствий у лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами и психотропными веществами.

Профилактика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ осуществляется по двум основным направлениям – уменьшение спроса и уменьшение предложения.

Уменьшение спроса включает в себя первичную и вторичную профилактику. Первичная профилактика является преимущественно социальной, наиболее массовой, ориентирована на общую популяцию детей, подростков, молодежи и стремится уменьшить число лиц, у которых может возникнуть данное заболевание.

Деятельность социальных институтов и организаций, занимающихся первичной профилактикой наркомании, характеризуется следующим образом.

Медицина, наряду с правоохранительными органами, признана одной из самых деятельных систем, вносящих реальный вклад в профилактику наркотизации. Однако существующая система наркологической помощи ориентирована прежде всего на помощь лицам, уже страдающим наркотической зависимостью, и недостаточно эффективна для оказания помощи потребителям наркотиков на начальном этапе заболевания. Профилактические программы, направленные на предотвращение злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами, не получили должного распространения в нашей стране.

Система образования. Стоит отметить, что наркомания с каждым годом стремительно «молодеет», сегодня уже зафиксирова-

ны факты «первой пробы» в возрасте 11-12 лет, поэтому необходимо развивать систему раннего выявления наркопотребления еще со «школьной скамьи». Следует на начальном этапе проводить психолого-педагогическое тестирование подростков с целью выявления потенциальных «групп риска», в дальнейшем к профилактической работе с такой целевой аудиторией подключать врачей-наркологов и социальных работников.

Необходимо отметить, что до настоящего времени не создана система целенаправленной подготовки кадров для работы с молодежью, имеющей проблемы с употреблением наркотических средств и психотропных веществ. Большинство педагогических работников общеобразовательных учреждений признают свою неосведомленность в области предупреждения злоупотребления наркотиками детьми и молодежью. В системе повышения квалификации педагогических кадров и иных работников социальной сферы представлено минимальное количество курсов, ориентированных на профилактику наркозависимости у детей и молодежи.²

Общественные организации и объединения. Одним из ведущих направлений их деятельности является пропаганда здорового образа жизни. Периодически издаются информационно-просветительские материалы по профилактике наркомании, организуются районные и областные слеты, спартакиады, конкурсы, всевозможные акции, фестивали, тематические вечера, направленные на пропаганду здорового образа жизни.

Религиозные организации и общины. Их деятельность направлена прежде всего на воспитание детей в духе неприятия наркотиков, заботу об их нравственном воспитании, развитие творческих начал в молодом поколении.

Особое место при организации взаимодействия органов внутренних дел с заинтересованными службами в профилактике наркомании должно уделяться средствам массовой информации, которые способны формировать общественное мнение, отрицательно оценивать потребление наркотиков, содействовать профилактике преступлений и иных правонарушений.

Представителям средств массовой информации и всем субъектам первичной профилактики наркомании нужно объединить свои усилия и направить их на поиск новых форм, методов и средств подачи материалов, затрагивающих тему наркоагрессии, чтобы данные репортажи и статьи не казались занудными нравочениями, а были бы «живыми» и увлекательными.

В целом основная цель первичной профилактики состоит в воспитании психически здорового, личностно развитого человека, способного самостоятельно справляться с собственными психологическими затруднениями и жизненными проблемами, не нуждающегося в приеме наркотиков.

Вторичная профилактика включает в себя комплекс мероприятий, предупреждающих формирование болезни и осложнение наркотизации у лиц, эпизодически употребляющих наркотические средства и психотропные вещества. В основе программы – идентификация потребителей наркотиков и вмешательство в их поведение.

Уменьшение предложения как одно из направлений профилактики преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ включает в себя следующие мероприятия.

Один из путей – проведение оперативно-профилактических мероприятий «Мак», «Допинг», «Көкнәр» и др., основная задача которых выявление и уничтожение дикорастущих и незаконно культивируемых посевов наркосодержащих культур, ликвидация наркотрафика, контроль за соблюдением законности и выявление нарушений в сфере легального оборота наркотических средств, психотропных веществ. Кроме того, антинаркотические программы могут положительно влиять на виды уличной преступности.

Необходимо более эффективное межведомственное взаимодействие в сфере организации профилактики распространения наркотических средств и психотропных веществ, успешное взаимодействие и координацию деятельности всех государственных органов, учреждений и организаций, принимающих участие в противодействии наркомании.

Безусловно, что в одночасье все проблемы разрешить невозможно. Для этого понадобится и воля властей всех уровней, и объединение финансовых и людских ресурсов, и реальная оценка наркоситуации на территории всего Казахстана и в отдельных его регионах.

Не менее важными факторами, влияющими на эффективность профилактики наркомании, являются создание единой автоматизированной информационной системы для обмена сведениями; проведение совместных заградительных мероприятий общекзахстанского и регионального масштаба; улучшение координации и обмена информации в вопросах взаимодействия с правоохрани-

тельными органами дальнего и ближнего зарубежья, участвующими в борьбе с преступлениями, связанными с наркотиками; проведение подготовки и переподготовки кадров, специализирующихся на борьбе с незаконным оборотом наркотиков (МВД, КНБ) и т.д.³

Таким образом, усилия структур, занимающихся проблемой профилактики наркотизации, должны быть скоординированы и сориентированы на достижение общих целей:

- укрепить материальную базу существующих институтов и создать соответствующую систему стимулов и контроля за их деятельностью;

- создать мощную единую структуру по борьбе с наркотизацией и передать ей функции определения политики, координации и контроля.

Профилактика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ – это долгосрочная общегосударственная политика, направленная на формирование в обществе непримиримого отношения к употреблению наркотиков. Такая политика позволяет надеяться, что противостояние наркомании станет действительно общенациональным делом и включит в себя усилия как на правительственном уровне, так и по линии неправительственных структур и организаций.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что физическое и моральное здоровье населения страны является залогом существования казахстанского общества и нормального функционирования его системы. Однако рост наркомании и наркопреступности вызывает большую тревогу и свидетельствует о больших проблемах в нашем социуме. В настоящее время эта проблема не является исключительно проблемой правоохранительных органов, решать ее предстоит всему обществу в целом, в том числе в мировом масштабе.

¹ Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. Алматы: Атамура, 2003.

² Ашимбаев М.С. Наркотизация общества: состояние, проблемы, опыт противодействия. Алматы, 2004. С. 13.

³ Нукенов М.О. Борьба с наркобизнесом: состояние и перспективы // Будущее без наркотиков : материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 2007. С. 456.

Пономарева В.В.,

доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**УНИФИКАЦИЯ АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ
И КАЗАХСТАНА КАК ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА
О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОЮЗА И ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Глобализация мира, закономерным проявлением которой выступает интернационализация наркопреступности на территории государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), детерминировала проблему совершенствования механизмов как уголовно-правового, так и административно-правового контроля.

В связи с этим большой интерес вызывает подготовка проекта программы деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодательства государств – участников ОДКБ на 2016-2020 гг.¹ При этом следует акцентировать тот факт, что в качестве основного средства достижения целей программа предполагает унификацию антинаркотического законодательства.

Однако следует обратить внимание на немаловажный факт, объективно препятствующий достижению указанных целей, а именно одновременное участие одних и тех же государств в нескольких региональных соглашениях не исключает вероятность (и более того, детерминирует!) несогласованность, коллизию правовых норм и даже правовой конфликт, связанный с противоречивостью регулирования одних и тех же отношений в рамках различных региональных союзов. Укажем в качестве примера на отличающиеся подходы национального законодателя к определению таких понятий, как «наркотические средства», «психотропные вещества», «новые психоактивные вещества» и другие в Российской Федерации и Республике Казахстан.²

Полагаем, что современные перспективы унификации антинаркотического законодательства государств – членов ОДКБ, ЕАЭС и ШОС связаны с использованием разработанных для двух и более государств (например, России и Казахстана) общих, еди-

ных либо единообразных норм и правил регулирования правоотношений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

В рамках проведенного в 2014-2015 гг. авторским коллективом научного исследования по теме «Основные направления унификации антинаркотического законодательства России и Казахстана как государств – участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)»³ предложено решение вопроса о правовой природе унификации антинаркотического законодательства как особо сложном, многогранном явлении комплексного характера, объединяющем нормы, принадлежащие к различным сферам, отраслям и институтами национального (внутригосударственного) законодательства и международного публичного права. Разработанный авторским коллективом теоретико-методологический комплексный подход позволил представить унификацию антинаркотического законодательства как комплексное правовое явление, как процесс, динамичное движение к единообразному результату и потому включить в него нормы разных отраслей публичного права: законодательства об административных правонарушениях и уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан.

Под унификацией антинаркотического законодательства предлагается понимать не только создание единообразных норм национального законодательства, но и принятие международных норм-принципов регулирования и сближения правового пространства России и стран Центральноазиатского региона. Именно использование норм-принципов позволяет в настоящее время проводить унификацию законодательства в публично-правовой сфере, что очень важно для унификации правового регулирования оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Соответственно, государство – член ОДКБ и (либо) ЕАЭС, и (либо) ШОС, следуя принципу регулирования, указанному в международном правовом акте, определяет самостоятельно содержание правового предписания, содержащегося в норме правового регулирования, ее место в собственной национальной (внутригосударственной) системе законодательства. Предложенное понимание унификации позволяет государству – члену региональных соглашений реализовать свою законодательную компетенцию, не

нарушая основополагающего принципа национального суверенитета, закрепленного в международном праве.

Резюмируя, следует предложить приоритетное направление унификации современного антинаркотического законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан: разработка и внедрение в законотворческую и правоприменительную практику согласованных мер по обеспечению соответствия системы административных и уголовных наказаний за правонарушения в сфере оборота наркотиков реальным уровням социального вреда и общественной опасности этих противоправных деяний, поскольку в настоящее время различаются не только вид и мера наказания, но иногда даже и вид ответственности за одно и то же противоправное деяние (например, в Республике Казахстан за употребление наркотиков в общественном месте предусмотрена уголовная ответственность, в Российской Федерации – административная).

Таким образом, унификация в сфере регулирования отношений, связанных с противодействием незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, предполагается посредством выработки основных направлений законодательной политики, включая, в частности, совместную выработку в том или ином порядке проектов соответствующих нормативных правовых положений с целью схожего, подобного либо полностью единообразного правового регулирования общественных отношений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, и правоприменительной практики как основы проводимых социально-правовых реформ, затрагивающих как национальное антинаркотическое законодательство, так и деятельность соответствующих правоохранительных органов Республики Казахстан и Российской Федерации. Следует отметить, что данное предложение касается унификации как уголовного законодательства, так и законодательства об административных правонарушениях.

В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 (утверждена Указом Президента РФ от 9 июня 2009 г. № 690) (п. 43), указывается на более широкое использование административной преюдиции в уголовном законодательстве как средство обеспечения гибкости системы наказания, дифференциации ответственности. В основе административной преюдиции лежит перераспределение государственного принуждения с уголовного права на другие отрасли права и повышение репрессивного потенциала административного права.

Действительно, расширение административной преюдиции возможно за счет криминализации немедицинского потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, путем установления уголовной ответственности за систематическое немедицинское потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, установления уголовной ответственности за неоднократное уклонение от прохождения лечения от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации.

Следует констатировать, что в настоящее время отсутствуют законодательные механизмы воздействия на лиц, уклоняющихся от прохождения лечения от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации (при возложении данной обязанности в рамках ст. 72.1 УК РФ) или злостно уклоняющихся от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ (при возложении данной обязанности в рамках ч. 2.1. ст. 4.1 КоАП РФ). Общепринято, что законодатель при установлении юридических обязанностей определяет и меры ответственности за их несоблюдение. По-иному обстоит дело с ч. 2.1. ст. 4.1 КоАП РФ. Несоблюдение данной юридической обязанности влечет применение ст. 6.9.1 КоАП РФ. Однако последующее уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации не усиливает меры принуждения, применяемые государством. Как же в таком случае достичь целей правосудия? Предлагается дополнить УК РФ статьей 314.2 «Уклонение от прохождения лечения от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации» в следующей диспозиции: уклонение от прохождения лечения от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации лицом, которому обязанность возложена судом в соответствии со статьей 72.1 УК РФ, или подвергнутым два или более раза административному наказанию за уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ...

Все вышеуказанное бесспорно свидетельствует о своевременности, практической востребованности основных направлений унификации антинаркотического законодательства, разработки предложений по совершенствованию путем унификации правовых институтов и правовых норм законодательства об административных правонарушениях и уголовного законодательства России и Казахстана.

Можно констатировать, что объединению усилий стран по противодействию транснациональной наркопреступности препятствуют различия в законодательстве об административных правонарушениях, уголовно-правовом законодательстве России и Казахстана. В связи с этим полагаем, что эффективное решение проблем унификации внутригосударственных норм, регламентирующих процесс расследования и оперативно-розыскной деятельности, координации усилий правоохранительных органов государств – членов ОДКБ, ЕАЭС и ШОС возможно в сугубо правовом (нормативном) поле.

¹ Программа деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ. URL: <http://www.dkb.gov.ru/a/c.htm> (дата обращения: 12.10.2015).

² Якушев В.А., Рябинин Н.А., Токманцев Д.В. Сравнительный анализ правовых и организационных основ деятельности правоохранительных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – участников Таможенного союза: Беларуси, Казахстана и России : отчет о научно-исследовательской работе (заключ.). Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013.

³ Основные направления унификации антинаркотического законодательства России и Казахстана как государств – участников евразийского экономического союза (ЕАЭС) и организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) : отчет о научно-исследовательской работе (заключ.). / В.В. Пономарева [и др.]. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2015.

Тетерятников Н.Ю.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ
АНТИНАРКОТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА
КАК ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА
О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

Глобализация, являясь одной из актуальных тенденций современности, имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, она способствует развитию социальных и экономических связей между государствами, перемещению финансовых средств, транспортных потоков, товаров и услуг, кадровых ресурсов, а с другой – породила интернационализацию преступности. Деятельность организованных преступных формирований, состоящих из граждан сопредельных государств, позволяет говорить о таком криминальном феномене, как транснациональная организованная преступность, которая к настоящему времени заняла более высокое положение в криминальной иерархии, нежели национальная организованная преступность. Росту значения транснациональной организованной преступности содействуют доступные массам населения и, соответственно, менее контролируемые миграционные и коммуникационные возможности, ускоренный обмен между финансовыми учреждениями различных стран, внедрение высокотехнологичных средств связи, информационно-телекоммуникационных технологий, упрощение пограничного и таможенного контроля.

И если транснациональная организованная преступность в настоящее время занимает более значимое положение, чем национальная, то о наркопреступности можно сказать, что она является вершиной транснациональной организованной преступности.

Комплексный подход к унификации законодательства и современного опыта межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ предполагает рассматривать унификацию антинаркотического законодательства в широком и узком значениях. Под унификацией антинаркотического законодательства в широком смысле предлагается понимать процесс, поступательное дви-

жение к гармоничному взаимодействию всех систем антинаркотического законодательства различных стран – процессуального, материального, социально-экономического, публично-правового, а в узком – создание единообразных норм уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях в борьбе с наркоугрозой.

Преимуществом комплексного подхода, детерминированного современными социально-правовыми реалиями, служит тот факт, что унификацию антинаркотического законодательства России и Казахстана следует понимать максимально широко, не ограничиваясь исключительно применением единообразных материальных правовых норм, а также подписанием межгосударственных соглашений и международных правовых актов, направленных на единообразное правовое регулирование отношений в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Унификация антинаркотического законодательства России и Казахстана – это одновременно и процесс, и результат, достижению которого способствует использование, сочетание различных методов и способов правового регулирования.¹ Следует особо обратить внимание на тот факт, что использование тех или иных методов и способов зависит от предмета унификации. Это означает, что направления унификации антинаркотического законодательства в сфере административно-правовых отношений будут отличаться от направлений унификации, применимых в уголовно-правовой сфере.

Исходя из этого можно предложить три приоритетных направления унификации современного антинаркотического законодательства России и Казахстана:

1) создание и применение на территории Республики Казахстан и Российской Федерации единого перечня наркотических средств, психотропных веществ, а также их прекурсоров, ограниченных и запрещенных к обороту, с целью исключить ситуации, когда какое-то вещество по законодательству одной из стран признается наркотиком, оборот которого запрещен под угрозой уголовного или административного наказания, но не считается таковым в другой. «Так, – отмечает Б.Б. Галиев, – 19 апреля 2013 г. начальник управления ФСКН России по Новосибирской области генерал-майор полиции Александр Кандиков находился в Павлодаре, где обсуждался вопрос о противодействии контрабанде наркотических средств в условиях Таможенного союза. В частности,

речь зашла об угрозе наплыва синтетических наркотиков в Казахстан. «Россия просто захлебывается в синтетических наркотиках, и мы знаем, что через российский участок в сторону Казахстана проникают данные наркотики», – отметил А. Кандиков. По его словам, оборот отдельных химических веществ, которые в России уже признали наркотическими, не подлежит государственному контролю на территории Казахстана. Такая ситуация, по его мнению, ухудшает оперативную обстановку. «Упразднен таможенный контроль... он осуществляется только на уровне пограничных служб. Безусловно, этим воспользовались наркогруппировки, различные способы и ухищрения придумываются для перевозки наркотиков под любым камуфляжем – и под товарами народного потребления, и в продуктах питания, и просто внутривещным способом. Мы должны учитывать все эти факторы и, соответственно, в условиях Таможенного союза вырабатывать дополнительные меры взаимодействия». Очевидно, требуется выработка единого списка наркотических средств и психотропных веществ в рамках Таможенного союза», – заключает Б.Б. Галиев.² Как представляется, на изложенную проблему следует смотреть несколько шире. В такой перспективе речь должна идти о создании перечня наркотических средств, психотропных веществ, а также их прекурсоров, единого не только для стран Таможенного союза, но для всех стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и в Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ);

2) выработка единообразных подходов к определению сроков, видов, мер наказания за совершение наркопреступлений и правонарушений в сфере оборота наркотиков;

3) разработка и внедрение в законодательную и правоприменительную практику государств – членов ОДКБ и ЕАЭС, прежде всего Республики Казахстан и Российской Федерации, согласованных мер по обеспечению соответствия системы административных и уголовных наказаний за правонарушения в сфере оборота наркотиков реальным уровням общественной вредности и общественной опасности этих противоправных деяний, поскольку в настоящее время вид и мера наказания, а иногда даже и вид ответственности за одно и то же противоправное деяние в разных странах Центральноазиатского региона могут существенным образом отличаться.³ Например, в Российской Федерации за употребление наркотиков в общественном месте предусмотрена административная ответственность, в Республике Казахстан – уголовная.

Таким образом, предлагается средство достижения унификации в сфере регулирования отношений, связанных с противодействием незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ посредством выработки основных направлений законодательной политики и правоприменительной практики, которые должны лечь в основу проводимых в указанных странах реформ, затрагивающих как национальное антинаркотическое законодательство, так и деятельность соответствующих правоохранительных органов. Следует отметить, что данное решение в равной степени касается унификации и уголовного законодательства, и законодательства об административных правонарушениях.

Итак, в рамках предлагаемого комплексного подхода унификацию антинаркотического законодательства необходимо определить как результат и процесс, целенаправленное сотрудничество двух государств – Российской Федерации и Республики Казахстан, включая, в частности, совместную разработку проектов нормативных правовых актов с целью единообразного правового регулирования общественных отношений в сфере противодействия наркоугрозе в целом и незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в частности.

Вместе с тем, говоря об унификации административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, следует иметь в виду координацию действий России и Казахстана по совместному принятию различных политических решений, согласование общих целей и направлений деятельности, достижение определенного уровня единообразия законодательства, установление «фиксированных рамок, границ разногласий, разночтений», с помощью которых задаются общие параметры принятия нормативных правовых актов законодательными органами каждого из государств.

Таким образом, под унификацией антинаркотического законодательства следует понимать не только создание единообразных материальных и процессуальных норм национального законодательства, но и принятие международных договоров, содержащих как нормы-дефиниции, так и нормы-принципы. Именно использование указанных средств юридической техники позволяет проводить унификацию законодательства в публично-правовой сфере, что немаловажно для унификации законодательства по вопросам противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Так, норма-дефиниция, содержащаяся в

ст. 2 Договора о ЕАЭС, принятого в 2014 г., гласит: «Унификация законодательства есть сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных настоящим Договором». Соответственно, Россия и Казахстан как государства – члены ОДКБ и ЕАЭС, следуя указанному в международном договоре принципу регулирования, самостоятельно определяют содержание правовых норм, их пределы действия и место в национальной правовой системе. Тем самым каждое из государств реализует свою законодательную компетенцию на основе принципа суверенитета, закрепленного в международном праве. Такое – широкое – понимание унификации как гармоничного взаимодействия систем национального законодательства России и Казахстана представляется наиболее адекватным современным социально-правовым реалиям интеграции политически независимых государств – членов ОДКБ и ЕАЭС на пути создания единого правового пространства.

¹ Основные направления унификации антинаркотического законодательства России и Казахстана как государств – участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) : отчет о научно-исследовательской работе (заключ.) / В.В. Пономарева [и др.]. Красноярск : СибЮИ ФСИН России, 2015.

² Галиев Б.Б. Унификация законодательства стран Таможенного союза и СНГ о борьбе с транснациональной преступностью как одна из действенных форм противодействия ее современным вызовам // Российский юридический журнал. 2014. № 4. С. 75.

³ Основные направления унификации антинаркотического законодательства России и Казахстана как государств – участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) : отчет о научно-исследовательской работе (заключ.) / В.В. Пономарева [и др.].

Галимова М.А.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ НАРКОКОНТРОЛЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В БОРЬБЕ С ТРАНСГРАНИЧНОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сотрудничество между компетентными органами России и Казахстана охватывает целый спектр вопросов, важных для национальной безопасности двух государств. Значительный сегмент в этом направлении отводится сотрудничеству органов наркоконтроля в области противодействия трансграничной преступности, незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Наркопреступность является одной из наиболее опасных и динамичных разновидностей трансграничной преступности на постсоветском пространстве.

В силу исторических, географических и правовых особенностей граничащих государств в ходе взаимодействия России и Казахстана возникают проблемные вопросы как организационного, так и правового характера.

Российско-казахстанская граница – второй по протяженности сухопутный рубеж в мире после американо-канадского и первый среди сплошных сухопутных границ между государствами. Протяженность сухопутной российско-казахстанской границы составляет свыше 7,5 тыс. км, водной – более 1,6 тыс. км.

Наиболее серьезную опасность представляет наркотрафик в Россию и страны Европы из Афганистана. По так называемому северному («шелковому») пути наркотики с территории Афганистана попадают в Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркмению. При пересечении российско-казахстанской границы наркоторговцы попадают в сосредоточие крупнейших транзитных узлов на пути Азия – Европа и в то же время на один из наиболее емких мировых рынков наркопотребления. По данным казахстанских экспертов, в их стране оседает лишь около 30% ввозимых наркотиков, тогда как 70% транспортируется дальше¹, из них преобладающая доля – в Россию. По данным российских специалистов, до 90% нелегальных поставок опиатов в России происходит именно через российско-казахстанскую границу². При этом масштабное производство наркотиков в Афганистане и их последую-

щее перераспределение через государства-транзитеры к конечным потребителям не только не сокращается, но и имеет тенденцию к росту.³ О масштабах наркоторговли в этом направлении свидетельствует статистика. Так, только в марте 2015 г. сотрудниками правоохранительных органов Республики Казахстан совместно с сотрудниками МВД Кыргызской Республики в ходе оперативно-розыскных мероприятий на автотрассе Кордай-Шу изъято 15,2 кг героина, который контрабандным путем перевозился из Кыргызстана через Казахстан в Санкт-Петербург.

Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков невозможно удержать в пределах одного государства. Поэтому эффективная борьба с этим видом преступлений возможна только на основе тесного международного сотрудничества в соответствии с международно-правовыми нормами, направленными на создание механизмов глобального контроля над наркотиками, путем глубокой и целенаправленной профилактической работы государств и различных их органов, учреждений, организаций, широкого использования взаимодействующими государствами всей системы национальных правовых институтов, направленных на борьбу с наркопреступлениями и их профилактику⁴, формирования единых подходов к антинаркотическому законодательству взаимодействующих государств.

Ключевым элементом международной системы контроля над наркопреступностью является тесное сотрудничество государств, входящих в эту систему. Основная роль в этом плане принадлежит именно специализированным органам по борьбе с наркопреступностью – Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и Департаменту по борьбе с наркобизнесом и контролем за оборотом наркотиков МВД Республики Казахстан. От целенаправленной, скоординированной деятельности указанных органов зависят в целом результаты борьбы с транснациональной наркопреступностью, ее эффективность.

На уровне Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в соответствии с решением Совета коллективной безопасности (СКБ) ОДКБ от 23 июня 2005 г. создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов ОДКБ (КСОПН), осуществляющий координацию взаимодействия компетентных органов государств – членов ОДКБ в антинаркотической сфере.

В 2007 г. создан Объединенный банк данных КСОПН государств – членов ОДКБ по вопросам, касающимся оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также их противодействия их незаконному обороту. С 1 декабря 2009 г. банк введен в постоянную эксплуатацию. Этот межгосударственный информационный ресурс, который представляет собой специализированную автоматизированную структурированную систему данных и содержит на настоящий момент более 8 тысяч информационных карт, что позволяет аккумулировать и анализировать сведения об активных участниках наркотрафика через территорию государств – членов ОДКБ с целью ликвидации каналов контрабандных поставок наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и для пресечения деятельности преступных групп.

Для упорядочения деятельности по противодействию наркопреступности решением СКБ ОДКБ от 23 декабря 2014 г. утверждена Антинаркотическая стратегия государств – членов ОДКБ на 2015-2020 годы. В целях подготовки квалифицированных кадров этим же решением Сибирскому юридическому институту ФСКН России придан статус базового учебного заведения высшего и дополнительного профессионального образования сотрудников правоохранительных органов и служб по контролю за оборотом наркотиков государств – членов ОДКБ.

В государствах-участниках ОДКБ и ЕАЭС правовая основа антинаркотического законодательства имеет определенные формы унификации. Вместе с тем, несмотря на то, что основой национальных «антинаркотических правовых норм» служат международные стандарты в данной сфере общественных отношений, в ряде случаев в антинаркотическом законодательстве государств – членов ОДКБ и ЕАЭС, в частности России и Казахстана, имеются определенные несогласованности правовых норм.

Поэтому сложность взаимодействия России и Казахстана в борьбе с трансграничной наркопреступностью обусловлена тем, что антинаркотические ведомства данных государств не имеют схожести взглядов к определению понятийно-категориального аппарата, направленного на борьбу с наркотическими средствами и психотропными веществами. Так, в России действует Федеральный закон от 8 января 1998 г. №3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а в Казахстане – Закон Республики Казахстан от 10 июля 1998 г. №279-І «О наркотических средствах,

психотропных веществах, прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими». Первый закон вводит в научный оборот 31 понятие, второй – 35. В данном случае как раз и требуется приведение к единообразию (унификации) этих понятий, закрепленных в нормах закона, с возможностью их единого понимания как в России, так и в Казахстане в целях борьбы с трансграничной наркопреступностью.

Помимо этого разное понимание правовых норм антинаркотического законодательства следует отнести к осмыслению перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также определению их единого понятийно-категориального понимания.

Следующей проблемой, связанной с унификацией антинаркотического законодательства России и Казахстана, является деятельность антинаркотических ведомств, основанная на нормах национального права, которая определяет и закрепляет единые минимальные объемы изъятых при задержании наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, достаточных для привлечения их обладателя к ответственности. В ходе практической деятельности возникает ситуация, когда при исполнении запросов об оказании правовой помощи нормы права государств – членов ОДКБ по-разному устанавливают достаточный для привлечения к уголовной ответственности размер таких средств (веществ), что не способствует должной борьбе с трансграничной наркопреступностью.

Целям эффективной борьбы с наркотической угрозой, как в России, так и в Казахстане, должно отвечать приведение к общему знаменателю норм ответственности за незаконное производство, перевозку и распространение наркотиков, психотропных веществ и их аналогов. Также крайне востребована разработка единых подходов к определению таких понятий, как «значительный», «крупный» и «особо крупный» размеры наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов для целей уголовного преследования, что в комплексе обеспечивает борьбу с наркотиками.

Не менее важно проведение работы государствами – членами ОДКБ по унификации правовых норм, регулирующих деятельность оперативных служб в сфере оперативно-розыскной деятельности. Это обеспечит более тесное и профессиональное взаимодействие оперативных подразделений в рамках борьбы с преступ-

ными сообществами и значительно расширит их возможности в борьбе с наркотической угрозой.

Было бы полезно синхронизировать подходы в вопросе о законодательном регулировании профилактики всех видов преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, что позволит создать общую правовую основу для проведения согласованных профилактических мероприятий по противодействию наркотической угрозе на всем пространстве ОДКБ и ЕАЭС, включая Россию и Казахстан.

¹ Голунов С.В. Казахстанский рубеж России: границы возможностей пограничной безопасности // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 17 (72). С. 136-137.

² Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. М.-Волгоград, 2002. С. 433.

³ Иванов В.П. ОДКБ призвана инициировать глобальную антинаркотическую политику на предстоящей Спецсессии Генассамблеи ООН: доклад на XVII заседании Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств-членов ОДКБ. 14 октября 2015 г. URL: http://www.odkb-csto.org/ksopn/detail.php?ELEMENT_ID=5619.

⁴ К числу таких специальных средств профилактики на уровне национального законодательства можно отнести институты административного надзора, которые достаточно эффективно действуют как в России, так и в Казахстане. См.: Астахова А.О., Галимова М.А. Правовое регулирование постпенитенциарного контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, по законодательству государств – участников Содружества Независимых Государств // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 4 (21). С. 60-68.

Якушев В.А.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСИН России (г. Красноярск)

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ НАРКОКОНТРОЛЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ

Угрозу безопасности международного сообщества несет трансграничная преступность и ее вид – трансграничная наркопреступность, которую мировое сообщество включило в список глобальных проблем человечества. Наркопроизводство в мире

превратилось в источник финансирования вооруженных конфликтов, терроризма, экстремизма и транснациональной преступности.¹

Феномен трансграничной наркопреступности способен подчеркнуть позитивное влияние дружественных межгосударственных отношений на отдельные государства. Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков невозможно удержать в пределах одного государства; преодолевая границы, они затрагивают интересы многих стран и приобретают характер глобальной катастрофы.

Применительно к понятиям «транснациональная преступность» и «трансграничная преступность» нет единого мнения в определении, а также отсутствуют доктринальные дефиниции. Под трансграничной наркопреступностью следует понимать комплексное социально опасное международно-правовое и уголовно-правовое явление, включающее совокупность преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, затрагивающих интересы двух и более государств, имеющих общие границы, и сопровождаемых пересечением их государственных границ.

Опасность трансграничной наркопреступности связана еще и с тем, что, по данным ООН, правоохранительные органы России и стран Центральной Азии перехватывают лишь 4-5% поступающих на их территорию наркотиков – куда меньше, чем Иран, Пакистан и Китай (соответственно 20%, 18% и 17%).² Это объясняется жесткими мерами противодействия наркотрафику и наркотизации в этих странах, применяемыми как к употребляющим наркотики, так и к наркокурьерам – вплоть до смертной казни. Поэтому в России преступные сообщества, связанные с наркотрафиком, чувствуют себя спокойнее в силу огромных территорий, открытых границ между странами ОДКБ и ЕАЭС.

Россия и Казахстан в силу геополитического расположения являются странами «первой линии нападения», и в условиях возрастающей активизации трансграничной наркопреступности особую актуальность приобретают вопросы их взаимодействия.

Через Казахстан пролегает один из ключевых маршрутов наркотрафика в Россию и страны Европы из Афганистана. Так, по «северному маршруту» наркотики с территории Афганистана попадают в Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркмению – в грузах экспортируемой легальной продукции или в результате нелегального перехода государственной границы наркокурьерами.

В Центральной Азии контрабандисты имеют свободный доступ к развитой инфраструктуре автомобильных и железнодорож-

ных путей следования, по которым героин доставляется преимущественно по территории Таджикистана, Кыргызской Республики, через Казахстан к крупным городам в юго-западной части России, включая западную Сибирь.

Контрабанда наркотиков по «северному маршруту» осуществляется всеми видами транспорта: около 70% автомобильным, 20% железнодорожным и только 10% авиа (в связи с повышенными мерами контроля в аэропортах, особенно на международных направлениях).³

Основным направлением поступления опиатов в Казахстан является кыргызское. Через г. Ош наркотики перенаправляются в северную Таласскую область, далее в Казахстан по небольшой дороге, ведущей в г. Тараз Жамбыльской области. Другой активный канал поступления наркотиков в Казахстан совпадает с транспортными коридорами, идущими из Узбекистана.

Для успешной борьбы с трансграничной наркопреступностью всем государствам – членам ОДКБ и ЕАЭС, наряду с единым экономическим пространством, требуется единая и отвечающая современным угрозам совместная деятельность антинаркотических ведомств, основанная на унифицированных нормах законодательства по борьбе с наркотиками. Это в полной мере актуально для России и Казахстана.

Бесспорным является тот факт, что эффективная борьба с незаконным оборотом наркотиков возможна только на основе тесного международного сотрудничества в соответствии с нормами международного права, направленными на создание механизмов глобального контроля над наркотиками, глубокой и целенаправленной профилактической работы различных органов, учреждений и организаций государств. При этом ключевым элементом международной системы контроля над наркотиками является тесное сотрудничество государств, входящих в эту систему. Основная роль в этом плане принадлежит именно специализированным органам (подразделениям) по борьбе с наркопреступностью.

В России таким специализированным органом является Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, являющаяся федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодейст-

вия их незаконному обороту. Организационной основой деятельности этого специализированного органа является Указ Президента РФ от 28 июля 2004 г. № 976 «Вопросы Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков».

В Казахстане функционирует структурное подразделение в составе Министерства внутренних дел Республики Казахстан – Департамент по борьбе с наркобизнесом и контролем за оборотом наркотиков, осуществляющий в пределах компетенции Министерства внутренних дел реализацию государственной политики, а также регулятивных, реализационных и контрольных функций в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров. Организационной основой деятельности Департамента служит постановление Правительства Республики Казахстан от 3 марта 2004 г. № 261 «Некоторые вопросы Министерства внутренних дел Республики Казахстан».

В государствах – членах ОДКБ и ЕАЭС правовая основа антинаркотического законодательства имеет определенные формы унификации. Вместе с тем, несмотря на то, что основой национальных «антинаркотических правовых норм» служат международные стандарты в данной сфере общественных отношений, в ряде случаев в антинаркотическом законодательстве государств – членов ОДКБ и ЕАЭС, в частности России и Казахстана, имеются определенные несогласованности правовых норм.

Сложность взаимодействия России и Казахстана в борьбе с трансграничной наркопреступностью обусловлена тем, что антинаркотические ведомства данных государств не имеют схожести взглядов к определению понятийно-категориального аппарата, направленного на борьбу с наркотическими средствами и психотропными веществами. Так, в России действует Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», в Казахстане – Закон Республики Казахстан от 10 июля 1998 г. № 279-І «О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими». Первый закон вводит в научный оборот 31 понятие, второй – 35. В данном случае как раз и требуется приведение к единообразию (унификации) этих понятий, закрепленных в нормах закона, с возможностью их единого понимания как в России, так и в Казахстане в целях борьбы с трансграничной наркопреступностью.

Целям эффективной борьбы с наркотической угрозой как в России, так и в Казахстане, должно отвечать приведение к общему знаменателю норм ответственности за незаконное производство, перевозку и распространение наркотиков, психотропных веществ и их аналогов. Также крайне востребована разработка единых подходов к определению таких понятий как «значительный», «крупный» и «особо крупный» размеры наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов для целей уголовного преследования, что в комплексе обеспечивает борьбу с наркотиками.

Не менее важно проведение работы государствами-участниками ОДКБ по унификации правовых норм, регулирующих деятельность оперативных служб антинаркотических ведомств, в сфере их взаимодействия, что обеспечит более тесное и профессиональное сотрудничество оперативных подразделений в рамках борьбы с преступными сообществами и значительно расширит их возможности в борьбе с наркотической угрозой.

В рамках улучшения работы антинаркотических ведомств России и Казахстана в целях направления усилий и упорядочения деятельности по борьбе с трансграничной наркопреступностью решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 23 декабря 2014 г. утверждена Антинаркотическая стратегия государств – членов ОДКБ на 2015-2020 годы.

Примечательно, что этим же решением в целях подготовки квалифицированных кадров Сибирскому юридическому институту ФСКН России придан статус базового учебного заведения высшего и дополнительного профессионального образования сотрудников правоохранительных органов и служб по контролю за оборотом наркотиков.

Необходимо отметить, что ФСКН России, включая Сибирский юридический институт ФСКН России, проводит целенаправленную работу по унификации нормативной основы противодействия трансграничной наркопреступности путем обмена опытом и информацией между компетентными органами взаимодействующих государств (Россия – Казахстан), проведения совместных международных научно-практических конференций, подготовки и повышения квалификации кадров для компетентных органов стран (в частности, Казахстана). Так, ФСКН России с 2010 г. осуществляет подготовку и повышение квалификации сотрудников органов наркоконтроля Республики Казахстан. За весь период взаимодействия подготовлены около 130 специалистов.

На базе Сибирского юридического института ФСКН России ежегодно проходят научно-практические конференции, посвященные проблемам борьбы с наркопреступностью (2012-2015). В 2013 г. в работе конференции приняли участие представители МВД Республики Казахстан⁴, одним из вопросов форума была дискуссия по проблемам единообразного понимания антинаркотического законодательства России и Казахстана в сфере борьбы с трансграничной наркопреступностью.

Работа, направленная на унификацию правоприменительной практики в сфере противодействия трансграничной наркопреступности, формирование единого подхода к решению антинаркотических проблем всеми правоохранительными органами взаимодействующих государств, служит основой для формулирования предложений, конечной целью которых является унификация антинаркотического законодательства, в том числе уголовного и административного.

¹ Альтернативное развитие как реализация фундаментального права на развитие и интегральный инструмент (метод) ликвидации планетарных центров наркопроизводства : выступление председателя Государственного антинаркотического комитета директора ФСКН России В.П. Иванова на 20-м заседании Комиссии глав полицейских органов Центральной Америки, Карибского бассейна, Мексики и Колумбии (ЦАКБ), 10 сентября 2014 г., Манагуа URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn.

² Наркотики и коррупция: первая глава Доклада Международного Комитета по контролю над наркотиками (МККН) за 2010 г. // СПС КонсультантПлюс.

³ Русские в Казахстане. URL : <http://www.russianskz.info/politics/4343-severnyu-marshrut-smerti-trafik-afganskogo-geroina-cherez-centralnuyu-aziyu-pryamaya-ugroza-bezopasnosti-rossii.html> (дата обращения: 12.10.2015).

⁴ Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е. Состояние наркоситуации и основные направления противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: по итогам XVI международной научно-практической конференции // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2013. № 1(12). С. 145-153.

Османо́ва А.К.

Следственный департамент
ФСКН России (г. Москва)

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФСКН РОССИИ
С КОМПЕТЕНТНЫМИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ
ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Активное использование наркобизнесом проходящего через зону ответственности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) «северного маршрута» афганских опиатов подтверждается произведенными в стране изъятиями.

В 2015 г. российскими правоохранительными органами из незаконного оборота изъято почти 35,5 тонн подконтрольных веществ, в том числе более 3,1 тонны наркотиков опийной группы. При этом за последние 5 лет значительно увеличилось количество зарегистрированных фактов оптовых поставок – свыше 11,7 тысяч¹, что на 12,4% превышает показатели 2010 г. (9830).

В связи с этим вызывает сомнение отмечаемое ООН сокращение афганского наркопроизводства в 2015 г. Представляется справедливым мнение постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.К. Сафронкова, озвученное им на заседании Совета безопасности ООН, о необходимости перепроверки официальной статистики, полученной «с помощью сильно измененных оценочных методик»².

Сложившаяся криминогенная обстановка предопределяет потребность в консолидации усилий, направленных на борьбу с наркоагрессией, неразрывно связанной с другими преступными проявлениями (терроризмом, торговлей людьми, незаконной миграцией и др.).

Следует отметить, что Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537) деятельность транснациональных преступных группировок и организаций, связанная с незаконным оборотом наркотиков, признана одним из источников угроз национальной безопасности страны.

Как показывает практика, эффективной формой полицейского сотрудничества для правоохранительных органов является ока-

зание правовой помощи по уголовным делам, которое позволяет ФСКН России ежегодно пресекать деятельность порядка 25-30 международных преступных сообществ, общей численностью более 300 человек.

В целях установления обстоятельств совершения наркопреступлений и ликвидации трансграничных преступных связей органами наркоконтроля в соответствии со ст. 453 УПК РФ и международными договорами Российской Федерации ежегодно инициируются порядка 250 запросов о правовой помощи по уголовным делам, половина из которых направляется в государства – члены Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В соответствии с действующими нормативными правовыми актами ФСКН России не уполномочена на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами иностранных государств по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам. Взаимодействие с иностранными компетентными органами осуществляется через Генеральную прокуратуру РФ.

Отсутствие таких полномочий не позволяет в полной мере решать поставленные антинаркотической стратегией задачи по принятию комплексных и сбалансированных мер, направленных в том числе на разрушение финансовых, организационных, информационных и иных наркодилерских сетей.

Длительность исполнения запросов зачастую не позволяет обеспечить соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства, приводит к необходимости продления процессуальных сроков по уголовным делам, существенно снижает эффективность предварительного расследования в отношении международных преступных групп, приводит к утрате возможности сбора дополнительных доказательств на территории иностранных государств.

Решение глобальной проблемы наркоэкспансии требует совершенствования и укрепления международного сотрудничества на данном направлении деятельности.

В настоящее время Министерством юстиции Российской Федерации проводится работа по внесению Президенту РФ предложения об определении центральных, территориальных и иных органов России, уполномоченных на осуществление непосредственного взаимодействия в рамках Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.

В соответствии с подготовленным Министерством юстиции Российской Федерации проектом Указа Президента РФ ФСКН

России и ее территориальные органы определяются в качестве центральных органов Российской Федерации, уполномоченных на осуществление непосредственных сношений по оказанию правовой помощи. Осуществление этих полномочий будет способствовать реализации запланированных Государственной программой Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 299) целей повышения эффективности раскрытия зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также увеличения доли предварительно расследованных наркопреступлений, совершенных в организованных формах, в общем количестве предварительно расследованных наркопреступлений и доли лиц, совершивших наркопреступления в организованных формах, уголовные дела о которых находятся в производстве органов наркоконтроля.

Формирование и реализация эффективной антинаркотической политики должно происходить в формате международных и региональных объединений, координирующими из которых для постсоветского пространства являются СНГ и ОДКБ.

Реализуемые задачи включают совершенствование и гармонизацию (унификацию, сближение) национальных антинаркотических законодательств государств-членов. Работа по совершенствованию и гармонизации законодательства стран СНГ и ОДКБ проводится в формате тесно сотрудничающих Межпарламентской Ассамблеи СНГ (МПА СНГ) и Парламентской Ассамблеи ОДКБ (ПА ОДКБ).

В соответствии с Перспективным планом модельного законодательства в СНГ на 2016-2020 гг. (Перспективный план) и Программой сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействию наркомании на 2014-2018 гг. на 2016 год запланировано изменение принятого на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (МПА СНГ) Модельного закона «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах», который в настоящее время частично утратил актуальность. Представляется необходимым обновить закон с учетом действующего в государствах-членах СНГ антинаркотического законодательства:

во-первых, это включение в Модельный закон дополнительных норм, позволяющих соблюдать права человека и выполнять

имеющиеся договорные обязательства в сфере уголовного судопроизводства;

во-вторых, обновление понятийного аппарата, что позволит укрепить базу для правового обеспечения международного сотрудничества;

в-третьих, актуализация уголовно-правовых мер противодействия незаконному обороту наркотиков. В целях соблюдения прав человека и добросовестного выполнения имеющихся договорных обязательств Модельный закон необходимо дополнить нормами, определяющими возможность отсрочки наказания, условия ее применения, а также перечень субъектов, в отношении которых она может быть применена.

При реализации мер сокращения спроса государства – члены ОДКБ и СНГ идут разными путями. Например, белорусский законодатель ограничивает назначение отсрочки и условного неприменения наказания по субъективному признаку: отсрочка не может быть применена иностранному гражданину и лицу без гражданства, не проживающему постоянно в Республике Беларусь. В Российской Федерации наличие у лица гражданства иного государства, а равно отсутствие гражданства не являются основаниями для неприменения в отношении этих лиц отсрочки отбывания наказания. Более того, введение подобных ограничений повлечет нарушение конституционного принципа равенства и недопустимости дискриминации. Вместе с тем при решении данного вопроса необходимо учитывать, что в большинстве государств – членов ОДКБ и СНГ до настоящего времени действуют механизмы принудительного лечения наркобольных.

Еще один вопрос, требующий внимания при переработке Модельного закона, – расширение круга предметов контрабанды, определенных в ст. 57 «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов», обусловленное тем, что национальное законодательство государств – членов ОДКБ предусматривает более полный перечень предметов, за контрабанду которых установлена уголовная ответственность.

Так, УК РФ определяет в качестве предмета контрабанды не только наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, но и их прекурсоры, наркосодержащие растения либо их части, инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем и используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ. Уголовные законы рес-

публик Беларусь, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан и Армения также содержат более полный перечень предметов контрабанды. Однако в отличие от УК РФ уголовные кодексы указанных стран предусматривают более ограниченный круг предметов контрабанды, что создает определенные трудности при привлечении лиц к уголовной ответственности, в том числе при осуществлении их уголовного преследования.

¹ Межведомственная статистическая отчетность 1-МВ-НОН и 3-МВ-НОН: количество фактов оптовых поставок в 2015 г. составило 11 724.

² Докладная записка и.о. руководителя 5 Департамента ФСКН России А.Д. Широкожухова (УД № 1524 от 12.02.2016).

Невирко Д.Д.

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) проходит довольно быстрыми темпами по сравнению с другими успешно действующими интеграционными объединениями. Во многом это обеспечивается развитием информационных технологий на современном этапе. Формирование экономических союзов, как показывает опыт, проходит поэтапно, что позволяет обеспечить эволюционное развитие сотрудничества: от простых форм к более глубоким формам интеграции.¹ Разумеется, ускоренные темпы интеграции, создания единого экономического пространства порождают ряд проблем, связанных с гармонизацией законодательства государств-членов. В первую очередь это касается товаров, гражданский оборот которых ограничен, в частности сильнодействующих веществ.

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. закрепил принципы функционирования Таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза, в соответствии с которыми функционирует внутренний рынок товаров, а также осуществляются единое таможенное регулирование и свободное

перемещение товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного, фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных данным Договором.

При этом, как показывает судебная практика, правоохранительные органы оказались не совсем готовы к работе в новых правовых условиях, что неоднократно отмечалось в литературе.²

Показательным примером является постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П по делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 УК РФ в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева.

Приговором Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга от 2 июня 2014 г. гражданин Республики Казахстан О.Е. Недашковский был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 226.1 УК РФ, которое выразилось в незаконном перемещении через Государственную границу Российской Федерации с Республикой Казахстан сильнодействующего вещества 1-тестостерон (в форме его эфиров) массой 2,056 грамма в составе жидкости в двух ампулах с надписью «Sustanon» и того же сильнодействующего вещества (в форме его эфира) массой 3,792 грамма в составе жидкости в четырех ампулах с надписью «Тестостерону пропionат», а также сильнодействующего вещества станозолол массой 12,164 грамма в составе таблеток в емкости с надписью «Azolol».

В совершении такого же преступления, а именно в контрабанде сильнодействующего вещества 1-тестостерон (в форме его эфиров) массой 1,826 грамма в составе жидкости в двух ампулах с надписью «Sustanon» и сильнодействующего вещества метандиенон (метандростенолон) массой 1,938 грамма в составе таблеток в упаковке с надписью «Danabol-methandienone» приговором Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга от 16 мая 2014 г. признан виновным гражданин Республики Казахстан С.П. Яковлев. Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда оставила вынесенные приговоры без изменения в части квалификации действий указанных лиц.

Конституционный Суд РФ справедливо признал положение ст. 226.1 УК РФ, устанавливающее уголовную ответственность за контрабанду сильнодействующих веществ, не соответствующим

Конституции РФ, ее статьям 19 (ч. 1), 54 (ч. 2) и 55 (ч. 3) в той мере, в какой данное положение – при наличии приводящей к его произвольному истолкованию и применению неопределенности правового регулирования порядка и условий перемещения физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств и не являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, – не предполагает возможность учета специфики их перемещения, осуществляемого физическими лицами в целях личного использования. Кроме того, в резолютивной части рассматриваемого решения было указано на необходимость пересмотра приговоров в отношении осужденных по ст. 226.1 УК РФ лиц.

Таким образом, правовое регулирование трансграничного перемещения сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств, устанавливается не только нормативными правовыми актами Российской Федерации, но и международными соглашениями в сфере таможенного контроля. На сегодняшний день данное регулирование не содержит правил, которые бы однозначно свидетельствовали о противоправности трансграничного перемещения сильнодействующих веществ физическими лицами для личного применения по медицинским показаниям. Следовательно, федеральный законодатель был обязан либо исключить возможность применения ст. 226.1 УК РФ к случаям не противоправного (не противоречащего ни национальным, ни наднациональным актам) ввоза для личных нужд содержащих сильнодействующие вещества лекарственных препаратов, либо определить (самостоятельно или с участием других государств – членов союза) порядок их разрешенного трансграничного перемещения.³

Автор уже неоднократно писал о нарушениях, допускаемых субъектами Российской Федерации при формировании антинаркотического законодательства.⁴ Высшие судебные органы проделали огромную работу в этой сфере. Однако рассматриваемый нами случай – это редкость для судебной практики. Подобное стало возможным по причине существенного пробела в таможенном законодательстве, а именно неопределенности правового регулирования порядка и условий перемещения сильнодействующих веществ. Но поможет ли устранение указанного пробела пресечь ввоз на территорию Российской Федерации сильнодействующих веществ из государств – членов ЕАЭС? На наш взгляд, ответ оче-

виден – нет, это невозможно без нарушения международных обязательств, взятых на себя Российской Федерацией.

В настоящее время государства – члены ЕАЭС оказались в довольно сложной ситуации. С одной стороны, было объявлено о создании единого экономического пространства, то есть территории, на которой отсутствуют барьеры, в том числе и таможенные, для перемещения товаров и финансовых средств, с другой – Российская Федерация заинтересована в недопущении бесконтрольных поставок на свою территорию сильнодействующих веществ. Предложенные Конституционным Судом РФ меры по правовому регулированию таможенных отношений в сфере перевозки сильнодействующих веществ способны решить проблему лишь частично. В соответствии с принятыми международными обязательствами, Российская Федерация в настоящее время не может запретить ввоз данных веществ, а только регламентировать порядок их ввоза.

Соответственно, мы видим два выхода из сложившейся ситуации. Первый заключается в том, чтобы снять с себя обязательства как члена Таможенного союза в рамках ЕАЭС. Второй – полная гармонизация законодательства государств-членов. Даже краткий анализ учредительных документов ЕАЭС свидетельствует о выборе именно второго пути. Определенная работа в указанном направлении уже ведется. При этом, думается, проблему контроля за перевозками сильнодействующих веществ не решить исключительно путем гармонизации законодательства. В совершенствовании нуждаются и сами документы, образующие правовую основу деятельности ЕАЭС, которые вряд ли можно назвать единой и стройной логической системой – есть множество противоречий и неоправданных, полагаем, усложнений.⁵ По нашему мнению, необходима также гармонизация административных процедур и правоприменительной практики.

¹ Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г. Информационные технологии и экономические отношения: проблемы международно-договорной унификации права в ЕАЭС // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 69-81.

² Петрова Л.И., Манакова С.Г. Совершенствование законодательства в сфере обращения лекарственных средств // Законность. 2015. № 9. С. 12-16.

³ Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации / Т. Виноградов [и др.] // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 136-151.

⁴ Невирко Д.Д. Антинаркотическое законодательство субъектов Российской Федерации: проблемы разграничения компетенции // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков : материалы конферен-

ции: в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014; Невирко Д.Д. Проблемы разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере формирования антинаркотического законодательства // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей : материалы XVIII международной научно-практической конференции (16-17 апреля 2015 г.): в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015.

⁵ Аубакирова И.У. От Таможенного союза к Евразийскому экономическому союзу: некоторые правовые вопросы региональной интеграции // Финансовое право. 2015. № 9. С. 10-14.

Масягутова Г.Р.

Уфимский юридический институт
МВД России

**СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ
И ПРОПАГАНДА НАРКОТИКОВ: УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ**

Анализ зарубежного уголовного законодательства свидетельствует о том, что нормы об ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, существуют практически во всех странах мира. В зависимости от строгости законов в области противодействия наркопреступности все мировые государства можно условно разделить на группы. В научной и учебно-методической литературе существуют разные мнения по этому вопросу. Так, А.И. Ролик, Л.И. Романова, А.В. Федоров подразделяют государства на три группы. Авторы учебного пособия под редакцией А.Н. Сергеева – на четыре.¹

К первой группе относятся страны, которые предусматривают особо жесткую политику в отношении лиц, занимающихся нелегальным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, в том числе лиц, совершающих указанные преступные деяния без цели сбыта: Иран, Китай, Малайзия, Нигерия, Пакистан, Саудовская Аравия, Таиланд, Сингапур, Турция и ряд других. Специфика их уголовного законодательства заключается в установлении весьма суровых мер наказания за совершение указанных преступлений, вплоть до телесных наказаний и смертной казни.

Ко второй группе государств относятся Великобритания, США, Япония, Испания, Австралия. В этих странах предусмотрены серьезные меры наказания, в исключительных случаях смертная казнь, за преступления со всеми видами наркотиков.

К третьей группе относятся Германия, Италия, Россия и большинство стран СНГ, Франция. Это страны, которые придерживаются умеренной уголовно-правовой политики в сфере противодействия наркотизации общества, предусматривают достаточно строгие, но в то же время умеренные виды наказания за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ. В основном за тяжкие наркопреступления применяется наказание в виде лишения свободы, смертная казнь не применяется. В то же время за преступления в этой сфере, которые не представляют большой общественной опасности, предусматриваются наказания, не связанные с лишением свободы.

К четвертой группе относятся страны с наиболее либеральным законодательством. К таким государствам относятся Голландия, Испания, Швейцария. Характерной особенностью правовых норм этих государств является применение, с одной стороны, строгих санкций за изготовление и распространение «жестких» наркотиков (например, героина, кокаина, опия) и значительно менее строгих мер за действия с «мягкими» наркотиками (марихуаной, гашишем), вплоть до легализация потребления таких наркотиков, которые, по их мнению, не представляют большую опасность для здоровья человека.

Также некоторые ученые выделяют группу государств, прежде всего африканские и латиноамериканские, в которых уголовное законодательство об ответственности за наркопреступления находится на стадии формирования, а уголовная политика четко не определена.

Лица, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков, заинтересованы в постоянном расширении рынка сбыта запрещенных препаратов и веществ. Значительную роль в расширении этой сферы играет склонение новых лиц к употреблению наркотиков. В настоящее время в соответствии со ст. 230 УК РФ, за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов предусмотрена уголовная ответственность. Уголовная ответственность за склонение к потреблению или вовлечение в потребление наркотических средств предусмотрена уголовными законодательствами стран СНГ и России, Балтии, Албании, Болга-

рии, Вьетнама, Гватемалы, Ирана, Испании, КНР, Колумбии, Мьянмы, Перу, Польши, Хорватии. Уголовное законодательство стран СНГ и России, Венгрии, Польши и Эстонии устанавливает ответственность за те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетних.

Некоторые авторы считают склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов одним из способов пропаганды наркотиков. За пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ предусмотрена административная ответственность ст. 6.13 КоАП РФ. Оба противоправных деяния имеют формальный состав. Сопоставление их структуры приводит к очевидному выводу о том, что и те, и другие действия (склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и их пропаганда) в конечном итоге имеют одну общую цель – вовлечение граждан (в форме незаконного употребления) в незаконный оборот наркотиков.²

Можно согласиться с данной точкой зрения и считать склонение разновидностью пропаганды наркотиков. В настоящее время огромную роль в пропаганде наркотических средств, психотропных веществ играют пронаркотические сайты сети Интернет, в которых содержатся информация рекламно-пропагандистского характера и объявления с предложением по продаже наркотических средств и психотропных веществ. В последнее время такие сайты, как «Одноклассники», «Мой мир», «ВКонтакте», очень популярны среди молодежи в возрасте 18-24 лет, однако доступ к указанным сайтам имеют и несовершеннолетние лица от 10 лет, так как их реальный возраст никто не может проверить. На этих сайтах люди знакомятся, общаются, обмениваются информацией, а также объединяются в группы по интересам. Но создаются и такие группы, пропагандирующие наркоманию, где любой пользователь, независимо от возраста, может узнать, как приготовить наркотики из обычных лекарственных препаратов, которые продаются в любой аптеке, где можно приобрести наркотические средства, о местах встреч наркопотребителей. Здесь лица, употребляющие наркотики, делятся впечатлениями от употребления наркотических средств, рассказывают истории из своей жизни, а

также агитируют зарегистрированных пользователей за определенное вознаграждение приглашать новых участников. Общественная опасность подобных сайтов очевидна. Любой человек, посетив группы в социальных сетях, посвященные наркотикам, познакомившись с тем, как их готовить и употреблять, может стать наркоманом. Поэтому мы поддерживаем позиции ученых, что введение уголовной ответственности за пропаганду наркотиков, в том числе в сети Интернет, необходимо. В связи с тем, что склонение предполагает в виде адресата только конкретное лицо, считаем необходимым изменить диспозицию ст. 230 УК РФ, расширив круг потерпевших лиц, и наряду с «другим лицом», склоняемым к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, должен быть неопределенный круг лиц, здоровье и жизнь которых охраняется уголовным законом.

В ходе исследования уголовного законодательства зарубежных государств об ответственности за склонение или вовлечение в потребление наркотиков, на наш взгляд, считаем необходимым отдельно отметить правовой опыт Нидерландов. Правовые нормы, аналогичные ст. 230 УК РФ, не содержатся ни в Опиумном законе, ни в УК Нидерландов. Однако ч. 1 ст. 3b Опиумного закона предусматривает ответственность за любые публикации, которые прямо направлены на продажу, доставку или распространение наркотических средств или психотропных веществ, определенных в ст. 2 и 3 Опиумного закона. В ч. 2 ст. 3b Опиумного закона содержится исключение из этого правила: запрет не распространяется на публикации, осуществленные в медицинских или научных целях.³

Также необходимо отметить, что некоторые действия, характеризующие объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, не подпадают под рассматриваемый нидерландский запрет. Что касается насильственного склонения и воздействия на лицо с тем, чтобы оно употребило наркотик без собственного ведома, то данные действия охватываются составом преступлений, предусматривающих ответственность за причинение вреда здоровью и нарушение личной свободы, которые расположены в гл. XVIII и гл. XXI УК Нидерландов. Статьи, аналогичной российской норме, в нидерландском уголовном законодательстве не существует. Тем не менее уголовное законодательство Нидерландов предусматривает ответственность за схожее деяние. Однако по российскому законодательству преступлением считаются лишь действия, осуществляемые с целью склонения к по-

треблению наркотиков конкретного человека, не адресованные широкому кругу лиц. В Нидерландах же запрещается осуществлять рекламу употребления наркотиков в том или ином виде. Указанный опыт, по нашему мнению, необходимо учесть в российском уголовном законодательстве, криминализировав деятельность по пропаганде и незаконной рекламе наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

¹ Федоренко Т.А. Зарубежный опыт деятельности органов по противодействию незаконному обороту наркотиков и его использование в РФ// Российская юстиция. 2012. № 5. С.27-31.

² Биккинин И.А. О новом уровне антинаркотической деятельности // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 3 (7). С. 25-28.

³ Вяземская А.А. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С.181.

Шеслер А.В.,

доктор юридических наук,
профессор,
Национальный исследовательский
Томский государственный универ-
ситет

Шеслер С.С.,

кандидат юридических наук
Томский институт повышения
квалификации работников ФСИН
России

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОБИЗНЕСУ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Важнейшей причиной коррупционной преступности на общесоциальном уровне является проникновение в отечественную экономику иностранных криминальных наркогруппировок в числе тех, которые использовали обычную экономическую деятельность как прикрытие для наркоторговли.

В связи с этим основу общекриминологического воздействия должны составлять меры, направленные на формирование экономической политики государства, которая приостановит стагнацию экономической жизни страны, даст импульс к постепенному вос-

становлению, а затем дальнейшему развитию всей хозяйственной сферы.

Учитывая специфику и задачи органов, осуществляющих противодействие наркоугрозе, приоритетным направлением экономической политики государства, которая позволит эффективно противостоять коррупционной преступности в этих органах, является активное противодействие наркобизнесу, в частности подрыв его экономической основы.

В связи с этим на государственном уровне необходимо усилить контроль государственных органов за кредитно-финансовой сферой, которая является наиболее удобной для легализации криминального капитала, прежде всего обеспечить прозрачность финансовых сделок для уполномоченных органов. Безусловно, это ограничивает сферу действия банковской тайны в тех случаях, когда речь идет о выявлении компетентными органами незаконных финансовых операций.¹ Однако такое ограничение является общепринятой мировой практикой², предусматривающей две модели контроля над такими сделками. Первая предполагает обязательное сообщение компетентным государственным органам обо всех сделках, превышающих определенную сумму наличными или их эквивалента. Вторая – сообщение банками властям обо всех подозрительных сделках, в которых могут присутствовать наркодоходы.³ В России законодательно закреплены обе модели. В частности, в п. 1 ст. 6 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» говорится о том, что обязательному контролю подлежит операция с денежными средствами или иным имуществом, если сумма, на которую она совершается, равна или превышает 600 000 рублей. В п. 3 этой же статьи отмечается, что если у работников организации, осуществляющей эти операции, возникают подозрения, что они осуществляются в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, то эта организация обязана направлять в уполномоченный орган сведения о таких операциях.

Представляется, что в российских условиях, где финансовые структуры не отличаются особой щепетильностью в выборе клиентов, а само понятие подозрительной сделки является крайне неопределенным, предпочтительной представляется первая модель контроля за финансовыми сделками.⁴ Мировой опыт показывает, что при наличии такого контроля за деятельностью банков отмыв-

вание доходов начинает происходить в небанковских финансовых учреждениях (пунктах обмена валюты, игорных заведениях и т.д.). При установлении контроля за деятельностью этих учреждений криминальный капитал перемещается в нефинансовые сферы предпринимательства, операции с ним сводятся к нелегальным сделкам с лицами, не имеющими влияния в сфере легального предпринимательства.

Кроме того, специфика криминологических экономических мер предупреждения преступности, направленных на противодействие наркобизнесу, может основываться на двух взаимосвязанных стратегиях, применяемых к экономической преступности:

1) стратегия поощрения общественно полезных форм экономического поведения – заключается в создании государством благоприятных условий для занятия законной хозяйственной деятельностью: вложение капитала в производство, но не в торгово-финансовую деятельность; налоговые льготы и приоритетная система кредитов; увеличение доли государственных заказов; поощрение добросовестного труда и стимулирование предпринимательства; государственная защита форм собственности и др.

2) стратегия ограничений и пресечений нежелательных форм экономического поведения – предполагает усиление контроля за оборотом предметов, представляющих повышенную опасность, в том числе и за наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами, за кредитно-финансовой сферой и обеспечение ее прозрачности; ограничение необоснованно широкой внешнеэкономической деятельности и др.

Возможность применения этих стратегий в целях профилактики наркопреступности как одного из направлений предупреждения коррупционной преступности можно обосновать тем, что криминологи относят эту наркопреступность к одной из разновидностей преступности в сфере экономической деятельности, состоящей в предпринимательской деятельности, связанной с предметами, изъятыми или ограниченными в гражданском обороте.⁵

¹ Шеслер А.В., Мальков С.М. Актуальные направления противодействия наркопреступлениям и правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков : материалы XVI международной научно-практической конференции. Красноярск, 2013. Ч. 1. С.38-41.

² «Грязные» деньги и закон. Правовые основы борьбы с легализацией преступных доходов / под общей ред. Е.А. Абрамова. М., 1994. С. 34.

³ Дефео М. Обзор тенденций в «отмывании денег» // Информационный бюллетень национального центрального бюро Интерпола в Российской Федерации. 1994. № 11. С. 15.

⁴ Шеслер А.В. Криминологические аспекты организованной преступности. Тюмень, 2009. С. 71-72.

⁵ Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступности в сфере экономической деятельности: учебное пособие. Тюмень, 2005. С. 26-27.

Мальков С.М.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ И ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ РОССИИ

Общественная опасность наркопреступности и ее последствия затронули все сферы жизнедеятельности, в том числе и федеральную государственную службу. Не являются исключением и Вооруженные Силы России, призванные обеспечить обороноспособность страны, защитить национальные интересы, а также внутреннюю безопасность. Среди преступлений, совершаемых военнослужащими, более 15% приходится на незаконные приобретение, ношение, хранение и сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, имеют место факты хищений наркотических средств, каждое 12 преступление совершается военнослужащими в состоянии наркотического или токсического опьянения.¹

Все это отрицательно сказывается на проведении военной реформы, обеспечении боеготовности и авторитете российской армии, и в итоге представляет серьезную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации.

Особое место в предупреждении наркопреступности в Вооруженных Силах России отведено криминологическому арсеналу, то есть криминологическому предупреждению. Криминологическое предупреждение предполагает принуждение, не связанное с уголовной ответственностью и иными мерами уголовно-правового воздействия. Кроме того, в системе мер криминологического пре-

дупреждения большое место занимают меры, которые не являются принуждением, такие как организация деятельности, убеждение, поощрение и контроль. Предупреждение преступности наряду с общей организацией борьбы и правоохранительной деятельностью представляет собой важнейшую подструктуру противодействия преступности, предполагающую целенаправленное воздействие на причинный комплекс преступности.²

Таким образом, предлагаем под криминологической профилактикой наркопреступности в Вооруженных Силах и воинских формированиях России понимать деятельность государства, общественных институтов, руководства Центрального аппарата, воинских частей и подразделений соответствующих ведомств, также отдельных сотрудников и служащих, осуществляемую через меры принуждения, воспитания и оказания помощи военнослужащим, подвергающимся профилактическому воздействию, с целью устранения причин наркопреступности.

Объектами криминологической профилактики наркопреступности в Вооруженных Силах России являются социальная среда, содержащая в себе причины этой преступности; малые социальные группы призывников или военнослужащих с корпоративным антиобщественным или девиантным поведением; призывники или военнослужащие, ранее привлекавшихся к административной или дисциплинарной ответственности.

Цели криминологической профилактики наркопреступности в Вооруженных Силах России:

- устранение причин и условий наркопреступности;
- устранение прецедентного характера данной преступности;
- укрепление и развитие имеющегося антикриминогенного потенциала военной организации, то есть антинаркотической устойчивости Вооруженных Сил и воинских формирований России;
- создание позитивной социальной среды в воинских коллективах для удержания возможных потребителей наркотических средств от их потребления и от совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств³;
- нейтрализация антиобщественных свойств у военнослужащих, которые могут перерасти в криминогенную мотивацию;
- локализация и устранение общественной вредности призывников или военнослужащих, ранее потреблявших наркотические средства в немедицинских целях, а также ранее привлекавшихся к административной или дисциплинарной ответственности.

Следует выделить две группы причин наркопреступности в Вооруженных Силах и воинских формированиях России: причины, связанные с неэффективностью призывной работы, и причины, возникающие в процессе прохождения военной службы.

Среди причин, отражающих неэффективность работы с молодежью до призыва на военную службу, следует указать низкую правовую культуру и патриотическое воспитание молодежи; отставание идеологического обеспечения противодействия наркомафии среди подростков, а также отсутствие ранней профилактики, в том числе профилактики немедицинского потребления наркотиков; недостатки подбора и допризывной подготовки.

К причинам наркопреступности, возникающим в процессе прохождения военной службы, следует отнести:

- неэффективную организацию повседневной деятельности военнослужащих, которая обуславливает ощущение социального неблагополучия военнослужащих и несоответствие их властно-публичному статусу;

- недостатки в деятельности должностных лиц органов военного управления и военной юстиции (несоблюдение правовых предписаний, отсутствие требовательности руководителей к подчиненным, сокрытие дисциплинарных проступков и преступлений, недостаточное взаимодействие командиров частей и соединений с органами военной юстиции, территориальными органами наркоконтроля и иными правоохранительными органами);

- формальный подход к проведению воспитательной работы (недостаточное изучение морально-психологических особенностей подчиненных лиц, поверхностное проведение служебных проверок и разбирательств, отсутствие целенаправленной работы в неблагополучных подразделениях).

Приоритетным направлением устранения вышеуказанных причин выступает совершенствование соответствующего идеологического обеспечения. Данное направление закреплено в качестве приоритетной задачи по профилактике немедицинского потребления наркотиков Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года и заключается в формировании в обществе негативного отношения к незаконному обороту и потреблению наркотиков.

Реализация данного направления возможна через информационную политику и, во-первых, использование антинаркотиче-

ской пропаганды, во-вторых, формирование позитивного имиджа военнослужащего.

Данная политика должна осуществляться через максимальную открытость Вооруженных Сил и иных воинских формирований России для общества и установление общественного контроля за военной службой. Приоритетную роль в этом направлении должны играть общественные советы соответствующих силовых министерств и ведомств.

Антинаркотическая пропаганда должна быть направлена на социальную ликвидацию наркотиков как опасного предмета и продукта потребления в обществе, лишение их привлекательности и как следствие – их невостребованность. Это возможно через активное обсуждение последствий наркомании и наркопреступности в период допризывной работы со стороны представителей территориальных военных комиссариатов и правоохранительных органов, на уровне журналистских расследований и авторских программ, а также доведение до призывников и военнослужащих сведений о судебных решениях по уголовным делам.

При формировании идеологической основы необходимо особо обратить внимание на минимизацию антипропаганды, то есть возможность воздействия на сознание военнослужащих негативных факторов и явлений, одобрение их существования в качестве социально допустимых и даже обыденных.⁴ С этой целью необходимо эффективное решение важнейшего вопроса о пропаганде ограничения потребления алкоголя и табака в воинских коллективах, так как в основном приобщение к наркотикам происходит после приобщения человека к курению табака и потреблению алкоголя, часто в состоянии алкогольного опьянения.

Следует обратить особое внимание на реализацию следующих, на наш взгляд, наиболее эффективных профилактических мероприятий:

- разработку и реализацию концепции антинаркотической политики в Вооруженных Силах России, отвечающей современным требованиям антинаркотической безопасности от деструктивного и дезорганизующего воздействия негативных факторов;
- формирование антинаркотического климата в воинских коллективах и подразделениях (адекватность реагирования руководителей на факты наркомании и наркопреступности);
- воспитание и формирование у военнослужащих необходимых нравственно-психологических качеств с учетом специфики их

статуса, формирование особого сознания, в основе которого должна лежать идеология патриотизма, социальной справедливости, а также воспитание профессиональных традиций, основанных на корпоративной гордости, чести, осознании важности и престижа своего служебного предназначения;

– введение в процесс допризывной работы обращений к призывнику от имени высших должностных лиц страны, которые должны иметь личный характер;

– организацию прохождения военной службы по желанию призывника и специальности, учет этого при подборе рода войск, региона прохождения службы, возможности заключения контракта и получения того или иного образования.

Не менее актуальным и перспективным направлением профилактики наркопреступности в Вооруженных Силах России выступает виктимологическая профилактика наркопреступности, то есть устранение факторов (причин и условий), способствующих повышенной склонности лица быть жертвой наркопреступления. Для выявления причин и условий совершения наркопреступлений необходимо активно выявлять и изучать возможных потенциальных жертв среди призывников и военнослужащих с дальнейшими рекомендациями и проведением консультаций по снижению виктимности. С этой целью целесообразно организовать в военных комиссариатах, воинских частях и подразделениях специальные курсы по обучению лиц, имеющих повышенную виктимность, различным приемам и способам как психического, так и физического характера с целью исключения возможности втягивания в незаконный оборот наркотиков и их немедицинское потребление.

Кроме того, следует обратить внимание на необходимость эффективного взаимодействия субъектов профилактической деятельности в Вооруженных Силах России, в частности взаимодействие военных комиссариатов, воинских подразделений и организаций с правоохранительными органами: ФСКН России, ФСБ России, МВД России, ФСИН России. Наиболее распространенными формами взаимодействия могут выступать осуществление совместной деятельности по противодействию наркопреступности, в том числе по минимизации и (или) ликвидации негативных последствий; проведение координационных и межведомственных совещаний; организация постоянно действующих рабочих групп из числа представителей субъектов взаимодействия; межведомственный информационный обмен; организация совместных прове-

рок по соблюдению законодательства в сфере противодействия наркопреступлениям в воинских коллективах; организация совместных обучающих курсов, семинаров и конференций, научных исследований и др.

¹ Мальков С.М. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие наркопреступности в Вооруженных Силах // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков : материалы XVI международной научно-практической конференции (18-19 апреля 2013 г.): в 2 ч. Красноярск, 2013. Ч. 2. С. 97-98.

² Шеслер А.В., Мальков С.М. Уголовно-правовая политика и ее реализация. Красноярск, 2002. С.5-12.

³ Шеслер А.В., Жалыбин В.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Тюмень, 2006. С. 86-87.

⁴ Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е., Коробицина Т.В. Наркоситуация и основные направления профилактики наркопотребления в вузах Красноярского края // Социологические исследования. 2012. №9. С.111.

Астахова А.О.

Управление МВД России по г. Омску

**ОБ УСИЛЕНИИ ПРЕВЕНТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ**

Воздействие на наркопреступность с целью ее уменьшения и искоренения требует мобилизации усилий государственных органов и общества в целом, предопределяет интенсификацию борьбы с ней и ее профилактики. Эффективной превентивной мерой, в том числе воздействующей на рецидивную преступность в сфере незаконного оборота наркотиков, выступает контроль за ранее преступавшими закон лицами, посредством которого создаются препятствия для продолжения лицом его противоправной деятельности, возобновления и установления преступных и иных антиобщественных связей.

По официальным данным (URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>), ежегодно в сфере незаконного оборота наркотиков совершаются в среднем каждое десятое преступление от общего числа выявленных правоохрнительными органами. Так, в 2010 г.

в сфере незаконного оборота наркотиков были выявлены 222,6 тыс. преступлений (8,5% от общего количества зарегистрированных), в 2011 г. – 215,2 тыс. преступлений (9,0%), в 2012 г. – 219,0 тыс. преступлений (9,5%), в 2013 г. – 231,5 тыс. преступлений (10,5%), в 2014 г. – 253,5 тыс. преступлений (10,7%), в 2015 г. – 234,8 тыс. преступлений (10,0%).

Угрожающей является и ситуация с рецидивной преступностью: в настоящее время сохраняется высокий процент осужденных, совершивших два и более преступлений, вновь совершивших преступления в период отбывания наказания, а также в период условного осуждения. При этом в среднем по стране рецидив составляет треть всех совершенных преступлений, а среди лиц, ранее отбывших наказание в местах лишения свободы, доля многократного рецидива достигает половины всех совершенных рецидивных преступлений. Совершение лицом, привлекавшимся к уголовной ответственности, нового преступления свидетельствует о том, что пенитенциарные меры, примененные в отношении него, не оказали положительного результата. В такой ситуации одним из средств предотвращения рецидивной преступности, в том числе в сфере незаконного оборота наркотиков, служит институт уголовной ответственности за уклонение от административного надзора. Основой рассматриваемого института является институт административного надзора, который наряду с институтами патронажа, probation (испытания), мер исправления и безопасности входит в мировую систему контроля за поведением лица, освобожденного из мест лишения свободы.

Как активное использование самого административного надзора, так и применение в необходимых случаях института уголовной ответственности за уклонение от административного надзора приносят положительные результаты. В 2013 г. в России под административный надзор взяты 60,2 тысячи человек, к уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ привлечены 1812 человек (3,0%). Из числа лиц, состоящих под административным надзором, повторно совершили преступление всего 8,8%, что существенно ниже общего показателя рецидивной преступности.

Однако потенциал института уголовной ответственности за уклонение от административной ответственности в настоящее время в полной мере не реализован. Кроме того, законодательно установленная сфера действия административного надзора существенно ограничивает эффективность его действия.

Так, к лицам, осужденным за незаконный оборот наркотиков, эта мера применяется на общих основаниях (деяние относится к категории тяжкого или особо тяжкого преступления либо совершено при рецидиве преступлений). При этом законодатель ограничил его распространение и поставил в зависимость от специального условия – негативного пенитенциарного или постпенитенциарного поведения лица, совершившего преступление.

Однако в данном случае заслуживает внимания опыт Украины, где законодательно акцентировано внимание на определенной группе лиц, которые обязаны находиться под воздействием надзора за совершение умышленных преступлений. В соответствии со ст. 3 Закона Украины от 1 декабря 1994 г. «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» административный надзор в отношении совершеннолетних лиц, осужденных к лишению свободы за одно из преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, обязателен без дополнительных условий, то есть вне зависимости от характера их пенитенциарного и постпенитенциарного поведения.

По нашему мнению, возможность установления административного надзора на безусловных основаниях в отношении лиц, осужденных за совершение наркопреступлений, обуславливается, с одной стороны, высокой степенью общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, с другой – высокой степенью вероятности противоправного поведения лиц, их совершивших (рецидивоопасностью). Исходя из интересов общества и защиты социально значимых целей, следует презюмировать общественную опасность таких осужденных, их негативный социальный уклон.

Административный надзор представляет собой особый вид наблюдения за соблюдением лицами, освобождаемыми и освобожденными из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими обязанностей, предусмотренных законом. При этом административный надзор не является продолжением наказания лицу, освобожденному из мест лишения свободы, а имеет своей целью предупреждение повторных преступлений со стороны ранее судимых лиц путем систематического наблюдения за ними и оказания на них индивидуального профилактического воздействия со стороны должностных лиц органов внутренних дел. Смысл установ-

ления надзорных обязанностей и ограничений состоит в том, чтобы помешать лицу продолжить противоправную деятельность, воспрепятствовать возобновлению и установлению преступных и иных антиобщественных связей, не дать возможности вновь совершать преступления. Иными словами, основная задача административного надзора состоит в специальной превенции.

Эффективность реабилитации и ресоциализации наркозависимых напрямую зависит от готовности лица выполнять возложенные требования и ограничения. В этом смысле административный надзор может обеспечить необходимую среду, опосредованно формируя законопослушное поведение и дисциплинируя поднадзорное лицо. Стойкое нежелание лица встать на путь исправления может выразиться в том числе и в нарушении требований административного надзора. В данном случае эффективным средством воздействия выступает институт уголовной ответственности за уклонение от административного надзора.

Распространение пределов действия административного надзора на безусловном основании на лиц, ранее осужденных за преступления в сфере наркотиков, никоим образом не вступает в противоречие с выбранным курсом на гуманизацию антинаркотического законодательства. Как справедливо отмечает В.П. Иванов, гуманизация вовсе не означает псевдолиберализацию и попустительство; наоборот, по отношению к наркобарыгам и тем более оптовикам-наркобаронам надо и дальше существенно усиливать ответственность и полицейскую составляющую, учитывать специфику каждой ситуации и каждого случая.¹

Позитивное, законопослушное поведение лица, находящегося под надзором, не влечет для него негативных правовых последствий. Напротив, его нежелание встать на путь исправления, продолжение преступной деятельности должны иметь последствия в виде усиления ответственности.

Негативные последствия в этом случае, по нашему мнению, могут выражаться в двух вариантах. Первый в настоящее время регламентирован законодательно. Так, ч. 1 ст. 314.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность поднадзорного лица за неприбытие без уважительных причин в установленный срок к месту жительства или пребывания, а равно самовольное оставление этим лицом места жительства или пребывания, совершенные в целях уклонения от административного надзора. Часть 2 указанной статьи предусматривает уголовную ответственность за неоднократ-

ное несоблюдение лицом административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением данным лицом административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ), либо административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, либо административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность.

Однако в том случае, если нарушение правил административного надзора либо неисполнение ограничений, установленных судом, не содержит признаков преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, но при этом сопряжено с совершением тяжкого или особо тяжкого преступления (как в сфере незаконного оборота наркотиков, так и вне этой сферы), целесообразно рассматривать данный факт как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность.

В семантическом понимании «сопряженный» означает взаимно связанный, находящийся во взаимодействии. В соответствии с п.п. 7 и 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» сопряженность определяется через слова «в связи», «в процессе».

В данном случае необходимо определить характер взаимодействия факта несоблюдения административных ограничений и факта совершения иного преступления. Эта взаимосвязь должна быть и временной, и содержательной. С одной стороны, деяние, выразившееся в нарушении административных ограничений, должно предшествовать совершению преступления, служить его причиной и результатом. С другой – деяние, выразившееся в совершении преступления, должно быть обусловлено, находиться в причинной связи с нарушением административных ограничений.

Такой порядок реагирования на нарушение установленных ограничений, по нашему мнению, позволит существенным образом расширить сферу действия института административного надзора, обеспечит дифференцированный подход к лицам, не ставшим на путь исправления и продолжившим преступную деятельность, что в конечном итоге окажет положительное воздействие на преступность с целью ее уменьшения.

¹ Иванов В.П. О формировании правовых институтов реализации новой национальной антинаркотической модели // Наркоконтроль. 2011. № 4. С.2-4.

Середа И.М.,

доктор юридических наук, профессор
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

Кружкова Я.А.

Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

**СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НАРКОТИЗМОМ И ЕЕ ТЕНДЕНЦИИ
В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ**

В настоящее время уголовное законодательство всех без исключения стран мира содержит те или иные составы наркопреступлений. Вместе с тем подходы современных законодателей к определению средств уголовно-правового воздействия в данной сфере существенно, а иногда и принципиально различаются.¹

В зависимости от характера уголовной политики в отношении борьбы с наркобизнесом все государства можно условно разделить на три группы.

Первая группа включает государства с «либеральным» законодательством: Австрия, Азербайджан, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Португалия, Россия, Швейцария, Эстония. В этих странах отсутствует, как правило, уголовная ответственность за немедицинское потребление наркотиков, а нередко – и за их оборот без целей сбыта. В Нидерландах с 1977 г. разрешен сбыт и употребление так называемых «мягких» наркотиков в специально отведенных местах.

Ко второй группе относятся страны с умеренно жестким антинаркотическим законодательством. Таких государств большинство, это, например, почти все страны СНГ, Австралия, Аргенти-

на, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Греция, Израиль, Франция, Швеция, Япония. Здесь, как правило, уголовно наказуемым является немедицинское потребление наркотиков. За наиболее опасные преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в этих странах предусмотрены наказания в размере 20-30 лет лишения свободы, а иногда и пожизненное заключение, в частности во Франции.

Третью группу образуют страны с наиболее строгим законодательством, предусматривающим за наркопреступления очень суровую ответственность – вплоть до пожизненного заключения и смертной казни: Бангладеш, Бахрейн, Вьетнам, Иран, КНР, Куба, Мавритания, Малайзия, ОАЭ, Пакистан, Сингапур, Сирия, США, Судан, Тайланд. Так, по УК Китая смертная казнь или бессрочное лишение свободы могут быть назначены за вовлечение, обучение, привлечение обманным путем или принуждение несовершеннолетних к употреблению наркотиков перорально или путем инъекций (ч. 3 ст. 353). Для сравнения: по УК РФ максимальное наказание за подобные действия при условии, что они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия, – 12 лет лишения свободы (ч. 3 ст. 230), а без таковых – 8 лет лишения свободы (ч. 2 ст. 230).

Также представляют интерес особенности государственной политики Йемена и Саудовской Аравии в области борьбы с наркотизмом. Оба эти государства являются исламскими, в них основным источником права является шариат. Легитимность светского законодательства зависит от его соответствия нормам шариата, вследствие чего наказуемость или ненаказуемость обращения с наркотическими средствами в этих государствах регулируется нормами шариата и светского законодательства.

Учитывая повышенную общественную опасность незаконной деятельности с наркотиками, законодательные власти в Йеменской Республике и Саудовской Аравии, руководствуясь положением шариата, приняли ряд нормативно-правовых актов, направленных на борьбу с этим видом преступлений. В 1933 г. в Саудовской Аравии был принят закон (порядок) «О запрещении торговли наркотиками и их использования». Положения данного закона регулируют порядок обращения с наркотиками в медицинских и научно-исследовательских аспектах, а также предусматривают уголовную ответственность за нарушение действующего порядка. В Йеменской Республике в 1993 г. был принят закон «О борьбе с не-

законной торговлей и использованием наркотических средств и психотропных веществ».²

В Иране ежегодно в соответствии с Законом 1989 г. проводятся несколько сотен публичных казней. По законодательству Сингапура смертная казнь предусмотрена при обнаружении у человека более 15 граммов героина, 30 граммов морфия или 500 граммов марихуаны, при этом казни реально исполняются.

В последнее десятилетие в мире имела место широкая тенденция к ужесточению уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. В частности, это проявилось в том, что с 1965 г. более 20 государств установили смертную казнь за наркопреступления. Десятки стран мира в эти же годы значительно усилили уголовную ответственность за эти преступления до пожизненного лишения свободы.

Принятие жестоких репрессивных мер во многих странах так называемого третьего мира, а также в США помогло добиться существенного ограничения незаконного оборота наркотических средств, а кое-где даже свести его к минимуму.

В то же время во многих странах с либеральными установками уголовной политики умеренно жестокие меры не дали ожидаемого эффекта в борьбе с наркопреступностью, что привело к кризису данной модели уголовной наркополитики. В этих условиях все большую популярность стали приобретать идеи «уменьшения вреда», то есть смягчения последствий незаконного оборота наркотических средств вместо решительного искоренения последнего. В результате в последние годы наметилась декриминализация некоторых деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств, прежде всего немедицинского потребления, в ряде стран Европы и СНГ.

Однако, как показывает практика, попытка бороться с преступным наркобизнесом путем его частичной легализации абсолютно неэффективна.

Так, в результате начатого в 1976 г. эксперимента по либерализации антинаркотической политики Нидерланды стали «наркотической столицей» Западной Европы и не только по отношению к тем «мягким» наркотикам, за оборот которых парламент отменил уголовную ответственность, но и в отношении «жестких», таких как героин, кокаин, а ныне и «экстази».³

Позитивной тенденцией в развитии антинаркотического законодательства представляется стремление законодателя обеспе-

чить гибкость и дифференцированность уголовно-правовых методов борьбы с распространением наркомании. С начала 1990-х гг. почти во всех странах Европейского Союза были приняты специальные законы, представляющие прокурором и судам право приостанавливать уголовное преследование или исполнение приговора в случае согласия виновного-наркомана пройти курс лечения.

Российская Федерация в настоящее время относится к странам с наиболее либеральной уголовной политикой в области борьбы с наркоманией. На продолжающуюся более 20 лет эпидемию наркомании в нашей стране законодатель отвечает последовательной декриминализацией незаконного оборота наркотических средств. Отмена принудительного лечения от наркомании по приговору суда – проявление этого либерализма.

Таким образом, уголовное законодательство России является недостаточно эффективным заслоном распространению наркомании ввиду наличия ряда присущих ему существенных недостатков. Законодатель, конечно же, пытается устранить имеющееся несовершенство, но без детального исследования психологических, социологических, медицинских и криминологических аспектов наркомании и наркотической преступности нельзя разработать совершенное уголовное антинаркотическое законодательство. Если не учесть всех общественных и социальных проявлений наркотизации российского общества, то действия законодателя по улучшению соответствующего законодательства будут носить половинчатый характер и даже смогут нанести существенный вред государственному противодействию распространению наркотической преступности.

¹ Сравнительное уголовное право. Особенная часть : монография / под общ. и научн. ред. С.П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 319.

² Масаб Али Саид. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с наркотизмом в Йеменской Республике и Саудовской Аравии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000.

³ Об итогах голландского эксперимента по легализации некоторых наркотиков // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати) : ежемесячный информационный бюллетень. ВИНТИ. 2000. № 7.

Ступина С.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ МЕСТА И ОБСТАНОВКИ
СОВЕРШЕНИЯ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ**

Введение законодателем конкретного места совершения того или иного преступления в качестве квалифицирующего признака состава свидетельствует о серьезном перепаде в уровне общественной опасности совершения в таких местах преступления по сравнению с той, которая выражена признаками его основного состава.

Действующая редакция п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ предусматривает ряд квалифицирующих признаков, связанных с местом совершения деяния. Например, устанавливается ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (далее – наркотики), совершенный в следственном изоляторе, исправительном учреждении, административном здании, сооружении административного назначения, образовательной организации, на объектах спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена, в общественном транспорте либо помещениях, используемых для развлечений или досуга.

По прошествии четырех лет со дня введения в состав преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, ряда квалифицирующих признаков, связанных с определенным местом совершения преступления, сложно однозначно определить эффективность этого шага, что, полагаем, связано не с обоснованием, которое было положено в основу при их законодательном закреплении, а с небольшим объемом выработанной практики квалификации по указанным признакам.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года №14 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами"» никаким образом не коснулось

правил квалификации достаточно новых для правоприменителя признаков ст. 228.1 УК РФ. Вряд ли такое положение способствует эффективности квалификации сбыта наркотиков и привлечению виновных к уголовной ответственности.

Низкая практика применения указанных квалифицирующих признаков во многом связана с бланкетностью терминов, используемых в п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Остановимся на рассмотрении таких мест совершения сбыта наркотиков, как административное здание, сооружение административного назначения, помещения, используемые для развлечений или досуга. Полагаем, что использование в уголовном законе терминологии, не имеющей четкого легального определения, а равно и соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ, предопределяет необоснованные вариации при квалификации.

Согласно Техническому регламенту о безопасности зданий и сооружений (Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ) здание – результат строительства, представляющий собой объемную строительную систему, имеющую надземную и (или) подземную части, включающую в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенную для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных. Весьма условно по назначению здания можно подразделять на административные, коммерческие, промышленные и жилые. В ГК РФ употребляется общее понятие «здания и сооружения», четкого определения административного здания нет и в ЖК РФ. Определение административного здания, равно как здания административного назначения, можно найти в специальных нормативно-правовых актах в сфере строительства, архитектуры, пожарной безопасности и т.д.

Существуют специальные термины «общественные здания и помещения, административные помещения». При этом для различных отраслей отдельно прописываются определения административных зданий, как правило, путем перечисления его структурных составляющих. Например, согласно «СНиПу 31-05-2003. Общественные здания административного назначения» (постановление Госстроя РФ от 23 июня 2003 г. № 108) помещения в зданиях административного назначения, как правило, составляют следующие основные функциональные группы: а) кабинеты руководства; б) рабочие помещения структурных подразделений учреж-

дений и организаций; в) помещения для совещаний и (или) конференц-залы; г) помещения информационно-технического назначения, в том числе технические библиотеки, проектные кабинеты, архивы, помещения информационно-вычислительной техники и др. в зависимости от задания на проектирование; д) входная группа помещений, в том числе вестибюль, аванвестибюль, гардероб, бюро пропусков, помещение охраны; е) помещения социально-бытового обслуживания, в том числе помещения предприятий общественного питания, медицинского обслуживания, санитарные узлы, бытовые помещения для обслуживающего и эксплуатационного персонала, спортивно-оздоровительные помещения и др.; ж) помещения технического обслуживания здания, в том числе ремонтные мастерские, кладовые различного назначения и т.п.; з) помещения для инженерного оборудования, в том числе венткамеры, электрощитовые и т.п. Появляется еще и понятие «здания административного назначения».

Вряд ли такое широкое понимание административного здания и наличие множества однородных понятий способствует эффективной правоприменительной практике. В целом можно предположить, что сбыт в любом помещении административного здания подпадает под действие п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ.

Также возникает вопрос о существовании значимых различий между административным и служебным помещением. Как следствие может возникнуть вопрос об обоснованности введения не в целом понятия административного здания, а служебного помещения в административном здании.

Конечно, различия между понятиями «административное помещение» и «служебное помещение» есть, но они незначительны.

Тем не менее полагаем обоснованным при квалификации сбыта наркотиков в административном здании вести речь о сбыте наркотиков в административных помещениях административных зданий.

Еще более спорно для правоприменителя введение такого квалифицированного признака места сбыта наркотиков в п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, как сооружения административного назначения. Согласно Техническому регламенту о безопасности зданий и сооружений сооружение – это результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограж-

дающих строительных конструкций и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов. Совершенно очевидно, что для квалификации сбыта наркотиков сочетание терминов «сооружение» и «административное назначение» непонятно. Полагаем, что данный квалифицирующий признак нуждается в уточнении, и под сооружениями административного назначения более обоснованно понимать помещения административного назначения.

Что касается сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного в помещениях, используемых для развлечений или досуга, то необходимо дать определение таким терминам, как «помещение», «развлечение», «досуг», «помещение, используемое для развлечения или досуга».

В примечании 3 к ст. 158 УК РФ указано: «Под помещением в статьях настоящей главы понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях». Сразу отметим, что это законодательное определение помещения дано применительно к преступлениям, предусмотренным главой 21 «Преступления против собственности». Известно, что в этом случае нельзя распространять это легальное определение на иные составы преступлений, поскольку согласно ч. 2 ст. 3 УК РФ применение уголовного закона по аналогии не допускается.

Данное определение полностью удачным признать нельзя, поскольку оно несколько противоречит филологическим определениям, однако содержит хорошие юридические критерии отнесения тех или иных строений или сооружений к помещениям.

Отметим, что если УК РФ выделяет и определяет для ряда преступлений отдельно такие понятия, как «жилище» (примечание к ст. 139 УК РФ), «помещение», «хранилище», то в ЖК РФ выделяются «жилое помещение» и «нежилое помещение». Жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства) (ч. 2 ст. 15 ЖК РФ). Понятия нежилого помещения не содержится. Таким образом, существует необходимость закрепления легального определения нежилого помещения на законодательном уровне.

Применительно к рассматриваемой нами проблеме укажем, что важное значение для правильной квалификации имеет значение термин «помещение, используемое для развлечения или досуга».

В целом же, не претендуя на универсальность, можно предложить под помещениями, используемыми для развлечений или досуга, понимать *нежилые* помещения независимо от форм собственности, *предназначенные* для удовлетворения в свободное время социально ориентированных, *законных* физических, духовных и социальных потребностей людей и связанные преимущественно с отдыхом и развлечениями.

Подводя итог, отметим, что явно назрела необходимость в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Отдельно следует остановиться на давно назревшей проблеме сбыта наркотиков при вооруженных конфликтах, массовых беспорядках и в армии. Подтверждением тому служат происходящие события в мире и использование транснациональными группировками наркотиков как в качестве доходного базиса своего существования, так и непосредственного оружия для осуществления криминальной деятельности. В криминологии наркомания традиционно признается криминогенным условием, способствующим реализации умысла на совершение насильственных преступлений.

Отметим, что И.С. Скифским установлена умеренная положительная связь между динамикой криминального насилия и динамикой заболеваемости населения наркоманией и токсикоманией, согласно которой при изменении значения наркологического фактора на 10 тыс. человек уровень криминальной агрессии увеличивается в среднем на 1,8 тыс. преступлений.¹ Кроме этого согласно проведенным исследованиям в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации² около 3% респондентов указали, что первичный опыт наркопотребления получен в армии. Соответственно, предлагаем включить в ст. 228.1 УК РФ такие квалифицирующие составы, которые должны предусмотреть «сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный в условиях вооруженного конфликта, а также при массовых беспорядках», а также отдельно «сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации»

¹ Скифский И.С. Социальные факторы насильственной преступности в России // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 102-109.

² Мониторинг состояния наркоситуации в субъектах Российской Федерации, расположенных в пределах Сибирского федерального округа (по результатам социологических исследований) : аналитический обзор / Д.Д. Невирко [и др.]. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015.

Винокуров В.Н.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСИН России (г.Красноярск)

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ**

Ужесточение ответственности за сбыт наркотических средств и психотропных веществ не требует дополнительного обоснования, в то же время привлечение к уголовной ответственности за указанные действия должно основываться на положениях теории уголовного права. Рассмотрим одно из изменений, внесенных в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – постановление в старой редакции) постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 30 (далее – постановление в новой редакции). Согласно ч. 5 п. 13 постановления в старой редакции передачу наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (далее – наркотических средств), осуществляемую при проведении проверочной закупки, проводимой представителями правоохранительных органов в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», следовало квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ, поскольку в этих случаях происходило изъятие наркотического средства из незаконного оборота. Указанное разъяснение, по обоснованному мнению А.В. Федорова, позволило добиться единообразия в практике квалификации подобных противоправных деяний.¹

Данное положение в теории уголовного права было подвергнуто критике на том основании, что состав преступления, предусмотренный ст. 228.1 УК РФ, сформулирован как формальный, соответственно, совершение любого из перечисленных в диспозиции статьи действий, достаточно для признания преступления оконченным.²

Согласно п. 13.1 постановления в новой редакции, учитывая, что диспозиция ч. 1 ст. 228.1 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны данного преступления наступление последствий в виде незаконного распространения наркотических средств, их незаконный сбыт следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ независимо от их фактического получения приобретателем, в том числе когда данные действия осуществляются в ходе проведения проверочной закупки или иного оперативно-розыскного мероприятия, проводимого в соответствии с соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Изъятие в таких случаях сотрудниками правоохранительных органов из незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ не влияет на квалификацию преступления как оконченного.

Состав преступления, предусмотренный ст. 228.1 УК РФ, сформулирован как формальный, поскольку невозможно отразить в диспозиции нормы все последствия совершения этого преступления – неконтролируемое обладание наркотическими средствами и психотропными веществами, влекущее их употребление и причинение вреда здоровью значительного количества людей. Но тем не менее если эти последствия не наступили, преступление, даже если в диспозиции статьи не указаны последствия, не может считаться оконченным. Так, если, как было указано в постановлении в старой редакции, проверочную закупку проводят представители правоохранительных органов, действия сбытчика следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ, поскольку в этих случаях происходит изъятие наркотического средства из незаконного оборота.

В то же время возможны ситуации, когда для проведения проверочной закупки привлекают лиц, употребляющих наркотические средства, т.е. не являющихся представителями правоохранительных органов, которые могут утаить их часть, и поэтому

полного изъятия наркотических средств не происходит.³ Соответственно, такой сбыт при проведении проверочной закупки следует квалифицировать как окончанный сбыт наркотических средств. Однако практика Верховного Суда РФ шла по тому пути, что действия лиц, сбывающих наркотики, гражданам, не являющимся представителями правоохранительных органов, но согласившимся на сотрудничество с ними, также следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ (например, постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 августа 2001 г. № 488-П01, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 февраля 2008 г. №83Д08-2). Кроме этого если сбыт наркотических средств проводился под наблюдением оперуполномоченных, то он и ранее считался окончанным преступлением после передачи сбытчиком наркотических средств потребителю.⁴ Это обусловлено тем, что сотрудники правоохранительных органов не могут гарантировать, что приобретатель не скроется от них с наркотическим средством либо перед задержанием не «скинет» наркотик, чтобы позже вернуться и завладеть им. Получается, что Верховный Суд РФ либерально подходил к вопросу квалификации сбыта наркотических средств при проведении проверочной закупки лицу, их употребляющему, квалифицировав эти действия как покушение на сбыт, хотя из смысла постановления в старой редакции такие действия следовало квалифицировать как окончанное преступление. В новой редакции постановления позиция Верховного Суда РФ кардинально изменилась. Хотя, как представляется, истина находится посередине двух крайних позиций.

¹ Федоров А.В. Значение постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. №14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» для правоприменительной практики и совершенствования законодательства // Наркоконтроль. 2006. № 3.

² Жариков Ю.С. К вопросу об объекте преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Современное право. 2011. № 3.

³ Нуркаева Т.Н. Некоторые проблемы применения уголовного закона в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Борьба с наркопреступностью и наркотиками на Дальнем Востоке : материалы всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, 2007. С. 59-60.

⁴ Курченко В.Н. Квалификация действий посредника в приобретении и сбыте наркотиков // Уголовный процесс. 2010. №4. С.28.

Шеслер В.А.

Главное управление МВД России
по Красноярскому краю

**КВАЛИФИКАЦИЯ ХИЩЕНИЙ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННОЙ
ГРУППОЙ**

При квалификации хищений наркотиков, совершаемых организованной группой, следует учитывать положения ст. 35 УК РФ.

Понятие организованной группы раскрывается в ч. 3 ст. 35 УК РФ, где преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Первым обязательным признаком организованной группы является ее устойчивость. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» отсутствует определение данного квалифицирующего признака, в связи с чем его понимание должно основываться на имеющихся судебных толкованиях, сложившейся судебной практике и теоретических разработках.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» отмечается, что об устойчивости группы могут свидетельствовать такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений. С учетом данных разъяснений выделяют объективные и субъективные признаки устойчивости группы.

Объективным выражением устойчивости преступной группы являются длительный по времени или интенсивный за короткий промежуток времени период ее преступной деятельности, складывающейся из значительного числа преступлений, совершенных участниками группы; организованность участников группы (структурная определенность группы, наличие в ней руководства, системы связи и управления); относительно стабильный состав

участников группы; постоянство форм и методов преступной деятельности.¹

Субъективным выражением устойчивости группы является стойкость преступных устремлений участников группы, твердые намерения постоянно или временно заниматься преступной деятельностью, то есть неоднократно совершать преступления. В связи с этим группа может быть устойчивой и при стремлении ее участников совершить одно хищение наркотиков, но очень серьезное, которое требует длительной подготовки и тщательного планирования, четкого распределения ролей. Твердость преступных намерений в данном случае состоит из стремлений участников группы совершить несколько преступных актов, составляющих в совокупности одно преступление.²

Вторым признаком организованной группы является цель – совершение одного или нескольких преступлений, т.е. намерение участников группы систематически совершать преступления либо осуществлять однородные тождественные действия, квалифицируемые как одно преступление. Систематичность предполагает совершение двух или более преступлений, при этом необязательно, чтобы данные посягательства были однородны.

При квалификации действий соучастников хищения либо вымогательства наркотиков следует учитывать ряд особенностей.

Во-первых, лицо, склонившее другое лицо к совершению хищения наркотиков, но лично не принимавшее участие в хищении наркотиков, подлежит ответственности за подстрекательство к данному преступлению. Так, Первомайским районным судом г. Ижевска по ч. 4 ст. 33, ч.1 ст. 229 УК РФ были квалифицированы действия М., который был признан судом виновным в подстрекательстве, то есть склонении другого лица к совершению хищения психотропных веществ путем уговора.³

В соответствии с ч. 4 ст. 34 УК РФ лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению хищения наркотиков несет уголовную ответственность за приготовление к хищению наркотиков. При этом необходимо учитывать, что уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

Во-вторых, за эксцесс исполнителя (совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников) другие соучастники преступления уголовной ответствен-

ности не подлежат (ст. 36 УК РФ). Так, органом предварительного расследования действия Ч.Н., Ч.В. и Б.Р. были квалифицированы по п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ как хищение наркотических средств, совершенное группой лиц по предварительному сговору с применением насилия опасного для жизни и здоровья. Действуя с целью хищения наркотических средств, они договорились совершить открытое хищение наркотических средств у Б. и применить к ней насилие, не опасное для жизни и здоровья в случае оказания сопротивления. Реализуя задуманное и распределив между собой роли, они проникли в квартиру Б., где потребовали от нее передать им наркотические средства. Получив отказ, Ч.В., продолжая требовать наркотические средства, накинуд на шею потерпевшей заранее приготовленную веревку и сдавил с ее помощью шею Б., отчего потерпевшая потеряла сознание. Ломоносовский районный суд города Архангельска переквалифицировал действия Ч.Н. и Б.Р. на п.п. «а», «г» ч. 2 ст. 229 УК РФ (хищение наркотических средств, совершенное группой лиц по предварительному сговору с применением насилия не опасного для жизни и здоровья), указав, что в действиях Ч.В. по применению насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предмета – веревки, используемой в качестве оружия, содержится эксцесс исполнителя.⁴

В-третьих, хищение либо вымогательство наркотиков, совершенное устойчивой вооруженной группой (бандой), подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ и ст. 209 УК РФ (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14).

¹ Гордеев Р.Н. Уголовно-правовая характеристика соучастия : учебное пособие. Красноярск, 2012. С. 46.

² Мальков С.М., Токманцев Д.В. Уголовно-правовая характеристика хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ : учебное пособие. Красноярск, 2015. С. 49-50.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Удмуртской Республики от 16 октября 2012 г. на приговор Первомайского районного суда г. Ижевска УР от 7 июня 2012 г. в отношении Медведкина и др.

⁴ Приговор Ломоносовского районного суда г.Архангельска в отношении Честнейшина В. и др. от 20.05.2010. Дело № 1-210/2010.

Невирко А.Д.

Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ОБОРОТ»,
ИСПОЛЪЗУЕМОМ В СТАТЬЕ 228.2 УК РФ**

Статья 228.2 УК РФ предусматривает ответственность за:

1) нарушение правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения наркотических средств или психотропных веществ либо веществ, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, повлекшее их утрату;

2) нарушение правил культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для использования в научных, учебных целях и в экспертной деятельности, а также нарушение правил хранения, учета, реализации, продажи, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, повлекшее утрату таких растений или их частей, если это деяние совершено лицом, в обязанности которого входит соблюдение указанных правил;

3) нарушение правил хранения, учета, реализации, продажи, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, повлекшее утрату таких растений или их частей.¹

Соответственно, диспозиция ч. 1 ст. 228.2 УК РФ – бланкетная. В соответствии с Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах» правила оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, культивирования растений, используемых для производства наркотических средств и психотропных веществ, а также правила оборота инструментов и оборудования, используемых для изготовления

наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, регулируются этим Федеральным законом и принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами Российской Федерации. Причем эти нормативные акты имеют предпринимательно-правовой характер и направлены на регулирование легального оборота.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» под оборотом наркотических средств понимается культивирование растений; разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на таможенную территорию Российской Федерации, вывоз с таможенной территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации. Законодатель в данном случае под оборотом понимает не только правовой оборот, то есть совершение сделок и иных действий, направленных на передачу наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в рамках гражданско-правовых отношений: их отпуск, реализацию, распределение, приобретение, ввоз (вывоз), но и оборот с точки зрения предпринимательства: культивирование наркосодержащих растений, разработку, производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, использование и уничтожение наркотиков. Можно сделать вывод о существовании двух форм оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров:

1) гражданско-правовых имущественных правоотношений, формирующихся в связи с их присвоением и переходом от одного лица к другому;

2) гражданско-правовых имущественных правоотношений, возникающих в связи с осуществлением предпринимательской деятельности с использованием наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Первый может определяться как оборот в собственном слове этого слова, а второй – как технологический. Каждый требует специального теоретического исследования.

В качестве отдельных видов оборота наркотических средств, связанного с их передачей в собственность или иное вещное право другим лицам, выступает отпуск, реализация, распределение и

приобретение наркотических средств и психотропных веществ, а также их ввоз и вывоз с таможенной территории страны.

Под технологическим оборотом понимается деятельность, связанная с культивированием растений, разработкой, производством, изготовлением, переработкой, хранением, перевозкой, пересылкой, использованием и уничтожением наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

На основании правового режима нормы действующего гражданского права подразделяют все объекты на три группы: полностью оборотоспособные, ограниченно оборотоспособные и изъятые из оборота. Оборотоспособность в этом смысле означает допустимость совершения сделок и иных действий, направленных на их передачу в рамках гражданско-правовых отношений.

Некоторые виды вещей по соображениям государственной и общественной безопасности, охраны экономических интересов государства, обеспечения здоровья населения в обороте ограничены. Это означает, что они могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо их нахождение в обороте допускается по специальному разрешению.²

Анализ основных элементов механизма правового регулирования социальных связей, взятых в единстве дозволений и запретов, позволяет выделить два основных типа регулирования – общедозволительный и разрешительный. Их реализация протекает на основе общепризнанных в юриспруденции принципов: «дозволено все, кроме запрещенного законом» и «запрещено все, кроме дозволенного законом». Следовательно, с точки зрения субстанции права мы имеем дело с двумя парами взаимосвязанных и дополняющих друг друга видов правовой регламентации общественных отношений: дозволений и запретов, один из которых определяется общим дозволением, а другой – общим запретом.

Первая из этих пар – это тип общедозволительного регулирования. Простейший пример – общее право всех субъектов иметь в собственности имущество и свободно распоряжаться им, за исключением случаев, указанных в законе. Вторая – тип, который имеет характер разрешительного регулирования. Простейший пример – общий запрет, скажем, в обладании и свободном распоряжении оружием, наркотическими средствами, когда их обладание и использование допускается в виде исключения в разрешительном порядке.³

Следует отметить, что оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров как в рамках имущественных гражданско-правовых отношений, так и в сфере технологических процессов осуществляется на основании одного типа правового регулирования – разрешительного. Это обусловлено как режимом наркотических средств, объектов и помещений, используемых при осуществлении с ними той или иной деятельности, так и персонализацией лиц, которые могут осуществлять деятельность, связанную с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, и специальным характером их правосубъектности.

Однако в законодательстве, на современном этапе развития отношений, регулируемых ст. 228.2 УК РФ и иными нормативными актами в сфере оборота наркотических средств, образовался следующий пробел. Наркотические средства, которые изъяты из незаконного оборота, сотрудниками правоохранительных органов, и последующие действия с ними (транспортировка, хранение, проведение экспертизы и т.д.) не попадают в сферу регулирования как незаконного, так и легального оборота. Соответственно, действия сотрудников полиции, повлекшие утрату наркотических средств, не будут образовывать состава преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ. Проиллюстрируем на примере: врач, утративший наркотические средства вследствие нарушения правил перевозки, будет нести ответственность по ст. 228.2 УК РФ.

Но! Сотрудник полиции, который изъял наркотические средства и в процессе транспортировки их в отдел полиции «потерял», будет нести только дисциплинарную ответственность по причине того, что он не нарушил никаких правил, установленных для легального оборота, так как является специфическим субъектом обладания наркотическими средствами, не подпадающим под легальное регулирование оборота. Да и участвовать в обороте наркотических средств или психотропных веществ могут юридические лица и индивидуальные предприниматели при наличии лицензии на определенный вид деятельности, что также противоречит правовому статусу сотрудников полиции.

Общественная опасность деяния, связанная с утерей наркотических средств сотрудниками полиции, ничуть не меньше, а в большинстве случаев и больше (так как в обладании сотрудников полиции, могут находиться наркотические средства, полностью изъятые из оборота), чем подобная утрата субъектами легального оборота. Соответственно, подобное упущение в уголовном зако-

нодательстве, безусловно, отрицательно влияет на отношения, связанные со здоровьем населения (утрата наркотических средств может причинить вред здоровью не определенному кругу лиц).

Представляется, что для устранения данного законодательного пробела необходимо введение нового правового института – специальный оборот наркотических средств, который будет официально регулировать отношения, связанные с «оборотом» наркотических средств в рамках осуществления деятельности сотрудниками силовых структур, уполномоченных на раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Предлагается внести поправки (бланкетного характера) в Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», а именно законодательно регламентировать наличие «специального оборота наркотических средств», осуществляемого специальными субъектами – сотрудниками правоохранительных органов (оперативными уполномоченными, следователями, экспертами и т.д.). А уже на основании нормы, закрепляющей специальный оборот наркотических средств, внести соответствующие поправки в ст. 228.2 УК РФ, где предусмотреть уголовную ответственность сотрудников правоохранительных органов за нарушение правил специального оборота наркотических средств, и разработать соответствующие ведомственные акты, которые по аналогии с регулированием легального оборота будут в мельчайших подробностях устанавливать правила специального оборота (транспортировка, перевозка, хранение, передача и т.д.) наркотических средств.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 704 с.

² Подр.: Невирко А.Д. Понятие и классификация наркотических средств в легальном обороте // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 1(22). С.149-157.

³ Алексеев С.С. Право: Азбука-теория философия. Опыт комплексного исследования. М: «Статут», 1999. С. 380-381.

Токманцев Д.В.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

СУБЪЕКТ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что органы предварительного расследования и суды при решении уголовных дел о нарушении правил оборота наркотических средств и психотропных веществ в основном правильно применяют уголовно-правовую норму, предусмотренную ст. 228.2 УК РФ.

Вместе с тем имеют место случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности по ст. 228.2 УК РФ лиц, в обязанности которых не входит соблюдение соответствующих правил оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров. В целях недопущения данных фактов Следственный департамент ФСКН России обращает внимание сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания территориальных органов ФСКН России на то, что при рассмотрении сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 228.2 УК РФ, следует в обязательном порядке учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, содержащиеся в п. 21 постановления от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

Следуя данному положению, субъект рассматриваемого преступления является специальным¹, таковым «... может быть лишь лицо, в обязанности которого в соответствии с установленным порядком (например, служебной инструкцией, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица) входит соблюдение соответствующих правил или контроль за их соблюдением при совершении действий, перечисленных в части 1 названной статьи».

Исходя из этого положения, можно выделить следующие признаки субъекта преступного нарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ (ст. 228.2 УК РФ): 1) содержание обязанностей; 2) основание обязанностей; 3) место выполнения обязанностей.

В соответствии с первым признаком (содержание обязанностей) субъектом рассматриваемого преступления, следуя букваль-

ному толкованию ст. 228.2 УК РФ, признается лицо, на которое прямо возложено *соблюдение определенных (конкретных) правил оборота наркотических средств и психотропных веществ*, перечисленных в ч.1 ст. 228 УК РФ, а именно правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения наркотических средств или психотропных веществ либо их прекурсоров, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, правил культивирования, хранения, учета, реализации, продажи, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения растений содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.² На лицо может быть возложена обязанность соблюдения как одного, так и нескольких из числа указанных правил.

Следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, субъектом рассматриваемого преступления следует признавать также тех лиц, на которых возложен *контроль за соблюдением указанных выше правил оборота наркотических средств или психотропных веществ*, что, по нашему мнению, необоснованно расширяет круг лиц, являющихся субъектами рассматриваемого преступления.

Контроль, например, за соблюдением правил отпуска лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в соответствии с приказом Минздравсоцразвития РФ от 14 декабря 2005 г. № 785 «О Порядке отпуска лекарственных средств» может быть как внутренним, так и внешним. В первом случае он возлагается на руководителя (заместителя руководителя) аптечного учреждения (организации) или уполномоченного им фармацевтического работника аптечного учреждения (организации), которых действительно можно признать субъектами рассматриваемого преступления. Во втором (при внешнем контроле) – соответствующая обязанность возлагается на представителей Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития и сотрудников органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в пределах их компетенции. Полагаем, что такие лица, являясь должностными, при невыполнении возложенных на них контрольных функций в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ должны нести ответственность за преступ-

ления против государственной власти (например, при наличии соответствующих признаков за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или халатность (ст. 293 УК РФ)).

Второй признак субъекта преступления – основание обязанностей – включает два критерия. Первый – временной, означающий, что обязанность по соблюдению правил оборота наркотических средств может носить как постоянный, так и временный характер, но в течение конкретного периода времени. Второй – надлежащее юридическое оформление обязанностей лица в соответствующем документе (в трудовом договоре, служебной инструкции, приказе или распоряжении руководителя организации)³.

Например, в Правилах хранения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (утверждены постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2009 г. № 1148) прямо указано на то, что лица, ответственные за хранение наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, допущенные к работе с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, назначаются приказом руководителя юридического лица.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ указано на то, что соответствующая обязанность возлагается «... приказом или распоряжением *вышестоящего должностного* (выделено нами. – Д.Т.) лица ...». Очевидно, что это положение необходимо рассматривать лишь как один из примеров, не исключающий возможность возложения на лицо обязанности соблюдать правила оборота наркотических средств или психотропных веществ приказом или распоряжением руководителя организации, не являющегося должностным лицом (например, приказом заведующего негосударственной аптечной организации).

Выше мы указывали, что субъектом рассматриваемого преступления может выступать и руководитель юридического лица. Но здесь, возвращаясь к вышеуказанному положению постановления Пленума Верховного Суда РФ, возникает вопрос о том, кто в таком случае является тем самым вышестоящим должностным лицом, возлагающим своим приказом на руководителя организации обязанность по соблюдению правил оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров. Совершенно очевидно, что такого вышестоящего лица не может быть, а соответствующая обязанность может быть возложена на руководителя

нормативными правовыми актами, уставом организации и (или) трудовым договором.

Лобак, являясь единственным учредителем и директором предприятия <... >, ввез на территорию России прекурсор наркотических средств и психотропных веществ, а именно уксусную кислоту в концентрации более 80%, общим количеством 794 тонны. Не признавая себя субъектом преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ, Лобак сослался на то, что обязанность по оформлению документов по перевозке уксусной кислоты была возложена на других сотрудников предприятия, однако в обоснование данных доводов не представил суду приказы либо другие документы, обязывающие других лиц предприятия соблюдать установленные правила. Признавая Лобака субъектом нарушения правил ввоза прекурсоров наркотических и психотропных веществ, Миллеровский районный суд Ростовской области указал на то, что на подсудимого обязанность по соблюдению правил и контролю за их соблюдением при совершении действий, предусмотренных ч. 1 ст. 228.2 УК РФ, возложена как на руководителя юридического лица.

Отсутствие хотя бы одного из указанных критериев не позволит установить конкретное основание, по которому на лицо была возложена обязанность по соблюдению правил оборота наркотических средств и психотропных веществ, что сделает невозможным признание лица субъектом преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ.

Третьим обязательным признаком субъекта рассматриваемого преступления является место выполнения возложенных на лицо обязанностей. Таковым в соответствии с Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ч. 13 ст. 30) могут быть аптечные, медицинские, ветеринарные, экспертные, научно-исследовательские, образовательные, производственные организации и учреждения (юридические лица), имеющие специальное разрешение (лицензию) на соответствующий вид деятельности, связанный с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и (или) их прекурсоров. Обязанность по соблюдению правил оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ может быть возложена и на индивидуального предпринимателя, осуществляющего в установленном законе порядке деятельность, связанную с оборотом

прекурсоров, или его работника, имеющего допуск к работе, непосредственно связанной с прекурсорами.⁴

Местом соблюдения правил оборота наркотических средств и психотропных могут быть также морские и воздушные суда международного сообщения и поезда международных линий при наличии специального разрешения (ч. 7 ст. 31 закона), воинские части и подразделения федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная или правоохранительная служба, а также органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (ст. 36, 36.1) и расследование преступлений.

С учетом приведенных признаков в судебной практике субъектами нарушения правил оборота наркотических средств и психотропных веществ признавались заместители главного врача, врачи хирурги, медицинские сестры, анестезисты, фельдшеры выездной бригады скорой медицинской помощи и следователи; правил оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ: начальники химической лаборатории, лаборанты школьного кабинета химии, заведующие складом кислот и химикатов и др.

¹ Актуальные вопросы уголовного закона и уголовной ответственности : отчет о научно-исследовательской работе (закл.) / С.М. Мальков [и др.]. Красноярск, 2015.

² Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учебник / отв. ред. А.Г. Калугин. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015; Примаков А.А., Чугаев В.В. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом и хищением наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013.

³ Бунева И.Ю., Каплугин А.Г. Проблемы квалификации преступлений против службы в коммерческих и иных организациях : практическое пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2005.

⁴ Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е., Коробицина Т.В. Наркоситуация и основные направления профилактики наркопотребления в вузах Красноярского края // Социологические исследования. 2012. №9. С.111.

Ермаков М.Г.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ
И ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ**

Единственной нормой, которая регламентирует ответственность за незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ, является ст. 234 УК РФ. С одной стороны, она создавалась как универсальная, но с другой – в существующем варианте ее явно недостаточно для того, чтобы в современных условиях эффективно оказывать противодействие распространению данных веществ.

В деятельности следственных и судебных органов имеются затруднения и ошибки в квалификации данных преступлений. Судебная практика по указанной категории дел даже в рамках одного субъекта Российской Федерации неоднородна. Это говорит о том, что необходимы разъяснения законодательных формулировок и вопросов квалификации составов преступлений, указанных в ст. 234 УК РФ. Специальных научных исследований этих проблем в последние годы также не проводилось. Между тем криминологическая ситуация в данной сфере продолжает ухудшаться. Удельный вес преступлений с сильнодействующими и ядовитыми веществами остается стабильно высоким, что подтверждается соответствующими статистическими данными, но в то же время официальная статистика не отражает высокую латентность такого рода преступлений. Проведенные нами опросы показывают, что большинство сотрудников правоохранительных органов, а также научных работников поддерживают необходимость изменений в законодательство в данной сфере.

Таким образом, очевидна необходимость разработки новых, современных рекомендаций в уголовно-правовой сфере противодействия данному явлению. Необходимы системные изменения уголовного законодательства, и только редакцией ст. 234 УК РФ не обойтись. В рамках комплексного исследования, посвященного указанной проблеме, мы изучили социально-правовую обусловленность уголовной ответственности за данные деяния, исследовали зарубежный опыт противодействия незаконному обороту

сильнодействующих и ядовитых веществ, а также изучили собранный эмпирический материал. Проведенное нами исследование позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, общественная опасность данного явления серьезно недооценена. Концентрируя внимание на вопросах противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, законодатель незаслуженно «забывает» о сильнодействующих и ядовитых веществах. Между тем данные вещества не только употребляются наркоманами и токсикоманами, не только используются для совершения преступлений против жизни или здоровья или преступлений корыстно-насильственного характера – в качестве отравляющих или снотворных веществ, но также причиняют вред людям, которые и не подозревают об их опасности, а, наоборот, стремятся укрепить свое здоровье, улучшить физическую форму, употребляя БАДы и анаболические стероиды, что вызывает сибутраминовую зависимость или разрушает организм.

Во-вторых, опасность сильнодействующих и ядовитых веществ является их объективным свойством. В настоящее время для привлечения к ответственности необходимо установить наличие цели сбыта у лица. В ее отсутствие лицо не подлежит уголовной ответственности. Например, человек хранит ядовитое вещество – ртуть – в квартире, в тайнике под полом. Сам в квартире не живет. Соответственно, травит соседей сверху, снизу. Рабочие при ремонте в квартире вскрывают полы и тоже получают отравление. Такой человек ответственности не подлежит, т.к. хранит вещество без цели быта. И такие примеры не единичны. Мы предлагаем сформулировать норму, не акцентируя внимание на цели сбыта.

В-третьих, возникает вопрос об оценке такого действия, как хищение указанных веществ. Как известно, в УК РФ отсутствует самостоятельная норма, предусматривающая ответственность за их хищение. Но, на наш взгляд, нет необходимости перегружать кодекс новым составом. Следует в рамках действующего постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного обороту веществ, внести соответствующие разъяснения, указывающие правоприменителям на необходимость задействия норм из главы о преступлениях против собственности.

В-четвертых, изучение судебной практики позволяет сделать вывод, что подавляющее большинство фактов распространения указанных веществ происходит с использованием сети Интернет, а также с участием лиц, которые активируют свое служебное поло-

жение. В отношении размера веществ вообще складывается парадоксальная ситуация, когда общественная опасность изъятия хоть 1 грамма, хоть 100 кг вещества никак не разграничивается; на наш взгляд, эти факты должны оказывать влияние на квалификацию. Мы предлагаем дополнить статью такими признаками, как использование служебного положения, использование сети Интернет и иных средств массовой коммуникации, а также установить разграничения размера наказания в зависимости от размера вещества.

Наряду с ужесточением ответственности мы предлагаем уголовно-правовые меры, которыми будет регламентироваться постпреступное поведение. К ним мы относим установление основания освобождения от уголовной ответственности за добровольную выдачу веществ в рамках примечания к ст. 234 УК РФ; предоставление отсрочки от наказания и возможности пройти лечение от токсикомании при совершении преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, с указанием на этот факт в ст. 82.1 УК РФ. Также считаем целесообразным принятие нормативно-правового акта – федерального закона «О сильнодействующих и ядовитых веществах».

На наш взгляд, предлагаемые изменения позволят эффективно противодействовать в современных условиях такому явлению, как незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ, и реализовать положения, заложенные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Иванова Л.А.,

кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБОРОТА ПРЕКУРСОРОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

На необходимость контролировать не только оборот самих наркотиков, но и веществ, используемых при их изготовлении, обратили внимание еще в 1988 г. на прошедшей в Вене конференции ООН. Это положение было внесено в ст. 12 Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного обо-

рота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.: «вещества, часто используемые при незаконном изготовлении наркотических средств или психотропных веществ». Причем термин прекурсор уже тогда был предложен делегацией СССР, однако к общему мнению при выборе слова, обозначающего описанные вещества, специалисты так и не пришли.

В конечном итоге было принято решение привести в приложении к конвенции вещества, включенные в Таблицу I и Таблицу II, в которых были указаны 22 наименования химических веществ, часто используемых при производстве наркотических средств и психотропных веществ. Таблицам, приведенным в Конвенции ООН 1988 г., дано следующее определение: «Таблица I и Таблица II означают соответственно пронумерованные перечни веществ, содержащиеся в приложении к настоящей Конвенции, в которые могут время от времени вноситься поправки в соответствии со ст. 12». При этом вещества, включенные в Таблицу I, – это вещества, которые в одну стадию технологического процесса могут быть превращены в наркотические средства, а в Таблицу II – вещества, которые могут использоваться для обработки прекурсоров или их получения.

В докладе Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН) за 1997 г. о выполнении ст. 12 Конвенции 1988 г. дано следующее разъяснение по рассматриваемому определению: «Термин «прекурсор» используется для обозначения любого из веществ, включенных в Таблицу I или Таблицу II Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., за исключением тех случаев, когда по контексту требуется другое выражение. В зависимости от их основных химических свойств такие вещества, как правило, обозначаются как прекурсоры или основные химические вещества».

Кроме того, термин «прекурсор» мы можем встретить в ст. 2 Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 г. В контексте этой конвенции он обозначает любой химический реагент, участвующий в любой стадии производства токсичного химиката каким бы то ни было способом (то есть любой ключевой компонент бинарной или многокомпонентной химической системы).

Так постепенно, термин «прекурсор» вошел в общую практику для обозначения веществ, так или иначе связанных с произ-

водством наркотических, сильнодействующих или взрывчатых веществ. Доклад МККН за 2009 г. назывался «Прекурсоры и химические вещества, часто используемые при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ».

В Российской Федерации термины, используемые в сфере оборота прекурсоров, закреплены в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», оборот прекурсоров, как и в большинстве развитых стран, контролируется уполномоченными органами. Порядок и регулирование оборота прекурсоров, внесенных в Список IV, в Российской Федерации определены и нормативно закреплены Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах» и принимаемыми в соответствии с ним иными нормативно-правовыми актами Российской Федерации.

Ввоз или вывоз прекурсоров, внесенных в Список I и Таблицу I Списка IV, осуществляются государственными унитарными предприятиями в порядке, установленном Правительством РФ, при наличии лицензии на право ввоза или вывоза прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, выдаваемой федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственное регулирование внешнеторговой деятельности, в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 164 «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».

Для получения лицензии на право ввоза или вывоза прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ юридическими лицами должны быть получены сертификат на право ввоза или вывоза прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ (если они являются лекарственными средствами) и разрешение на право ввоза или вывоза прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, выдаваемые уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в установленном порядке.

Разрешается осуществлять ввоз или вывоз отдельных прекурсоров, внесенных в Таблицу III Списка IV, без оформления лицензии в размерах и в сроки, которые установлены Правительством РФ.

Перечень прекурсоров, ввоз или вывоз которых допускается без оформления лицензии, устанавливается Правительством РФ.

Уничтожение внесенных в Список I прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ может осуществляться в случаях, когда:

1) истек срок годности;

2) наркотическое средство, или психотропное вещество, или прекурсор подверглись химическому или физическому воздействию, следствием которого стала его непригодность, исключающая возможность восстановления или переработки;

3) неиспользованные наркотические средства принимаются от родственников умерших больных. С целью предупреждения неправильного использования наркотических лекарственных средств, оставшихся после смерти онкологических больных на дому, руководители учреждений должны организовать учет сданных родственниками неиспользованных рецептов и остатков наркотических лекарственных средств. Приказом по лечебно-профилактическому учреждению на работника, ответственного за оформление свидетельств о смерти, возлагается прием у родственников умершего онкологического больного неиспользованных рецептов, остатков лекарственных средств, содержащих наркотические лекарственные средства. Данный работник должен провести сверку расхода препарата с момента получения очередного рецепта, записанного в амбулаторную карту. Количество сданных рецептов и препаратов, их наименования и лекарственные формы (ампулы, таблетки, порошки) регистрируются в специальном журнале, пронумерованном, прошнурованном, подписанном руководителем учреждения и скрепленном круглой печатью. Сданные рецепты и препараты подлежат хранению в сейфе до их уничтожения;

4) трудно определить, является препарат наркотическим средством или психотропным веществом или внесенным в Список I прекурсором.

Конфискованное в незаконном обороте наркотическое средство, психотропное вещество или внесенный в Список I прекурсор не могут быть использованы в медицинских, научных или иных целях, а также в других случаях, предусмотренных законодательством РФ.

Порядок допуска к работе с прекурсорами определен Постановлением Правительства РФ от 6 августа 1998 г. № 892 «Об утверждении Правил допуска лиц к работе с наркотическими средствами, психотропными веществами, а также к деятельности, свя-

занной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ».

Приказом ФСКН России от 29 декабря 2011 г. № 580 утвержден Административный регламент Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по предоставлению государственной услуги по выдаче заключений об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими служебными обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в Список I прекурсорам или культивируемым наркосодержащим растениям, непогашенной или неснятой судимости за преступление средней тяжести, тяжкое, особо тяжкое преступление или преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо с незаконным культивированием наркосодержащих растений, в том числе за преступление, совершенное за пределами Российской Федерации.

В настоящее время действует постановление Правительства РФ от 18 августа 2010 г. № 640 «Об утверждении Правил производства, переработки, хранения, реализации, приобретения, использования, перевозки и уничтожения прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ». Согласно данному нормативному правовому акту юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность, связанную с производством, переработкой, хранением, реализацией, приобретением, использованием, перевозкой и уничтожением прекурсоров, принимают меры для обеспечения безопасности такой деятельности и исключения доступа к прекурсорам посторонних лиц.

Алиев Э.Г.

Учебно-филологический центр
(г. Новокузнецк)

КВАЛИФИКАЦИЯ КОНТРАБАНДЫ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШЕННОЙ ПУТЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЧТОВОГО ОТПРАВЛЕНИЯ

В последнее время контрабанда сильнодействующих веществ приобрела значительную распространенность. Обусловлено это рядом факторов, среди которых выделяется стремление кримина-

литета заменить распространение традиционных наркотиков новыми психоактивными препаратами, в том числе содержащими сильнодействующие вещества, контроль за обращением которых менее строг, нежели наркотических средств. В этом плане важным выступает правильная квалификация контрабанды сильнодействующих веществ, поскольку иное приводит к осложнению привлечения к уголовной ответственности, а порой необоснованному отказу от применения наказания к лицам, совершившим данное преступление.

В правоприменительной практике не сложилось единообразного понимания квалификации контрабанды сильнодействующих веществ, совершенной путем международного почтового отправления. В одних случаях правоприменитель квалифицирует подобное деяние по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 226.1 и 234 УК РФ, в других – по ст. 234 УК РФ, полагая, что получатель (заказчик) выступает лишь приобретателем сильнодействующих веществ. Встречаются уголовно-правовые решения, по которым приобретатель (заказчик) признается организатором или подстрекателем к контрабанде сильнодействующих веществ, при этом нередко исполнителем выступает не установленное следствием лицо, в связи с чем крайне затруднительным становится привлечение к уголовной ответственности организаторов и подстрекателей к контрабанде сильнодействующих веществ.

При решении данного вопроса, на наш взгляд, следует исходить из того, что преступления, предусмотренные ст. 226.1 и 229.1 УК РФ, в части контрабанды психоактивных веществ различных видов (наркотические средства, психотропные вещества их прекурсоров и аналогов, а также сильнодействующих и ядовитых веществ), обладают идентичным механизмом совершения¹, схожей общественной опасностью (отличается лишь особенностями влияния подконтрольных веществ на центральную нервную систему). Поэтому алгоритм квалификации данных преступлений не может отличаться. Вместе с тем необходимо отметить, что специальные разъяснения по квалификации контрабанды сильнодействующих веществ уполномоченных на то органов отсутствует. В связи с этим полагаем обоснованным распространять рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, данные в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 по делам о контрабанде наркотических средств и психотропных веществ, на дела о контрабанде сильнодействующих веществ. Согласно абз. 2 п. 17 названного постановления незаконную пересылку подконтрольных веществ путем междуна-

родного почтового отправления следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 228.1 и 229.1 УК РФ в случае перемещения их через таможенную границу Таможенного союза, членом которого является Российская Федерация, либо государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза. То есть в нашем случае деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 228.1 и 229.1 УК РФ.

При квалификации контрабанды сильнодействующих веществ, совершенной путем международного почтового отправления, иногда возникает вопрос об отнесении определенных веществ, включенных в международный перечень наркотических средств и одновременно в российский список сильнодействующих веществ. В подобном случае в специальных исследованиях предлагают исходить из правовой регламентации привлечения к уголовной ответственности за совершение так называемых конвенционных преступлений, поскольку контрабанда подконтрольных веществ относится к таковым.² В Конвенции(ях) определяются основные особенности привлечения к уголовной ответственности за то или иное преступление, в нашем случае за незаконный оборот сильнодействующих веществ в форме контрабанды, вместе с тем механизм привлечения к ответственности регламентируется самой страной (Стороной), подписавшей Конвенцию. Отсюда – правоприменитель реализует национальное законодательство, привлекая к уголовной ответственности по основаниям, в пределах и рамках, предусмотренных национальным законодательством.

Особую сложность вызывает квалификация контрабанды сильнодействующих веществ, совершенная посредством их перемещения путем пересылки почтовым отправлением в Российскую Федерацию через государственную границу с государствами – членами Таможенного союза. Проблема заключается в том, что не понятно, какой нормативный акт нарушен лицом, перемещающим сильнодействующие вещества (норма, содержащаяся в ст. 226.1 УК РФ, является бланкетной) и определение в этом случае вины лица, поскольку такое лицо может и не знать, что оборот конкретного вещества в Российской Федерации запрещен или ограничен.

По данной проблеме в постановлении от 16 июля 2015 г. № 22-П определил свою позицию Конституционный Суд РФ, по мнению которого действующее правовое регулирование порядка и условий перемещения физическими лицами через государствен-

ную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза названных веществ не предполагает возможность учета специфики их перемещения, осуществляемого физическими лицами в целях личного использования, и не позволяет этим лицам осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия.

Таким образом, все случаи перемещения через государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза подобных средств, содержащих сильнодействующие вещества, на сегодняшний день не могут являться преступными. Однако следует учитывать, что данное постановление Конституционного Суда РФ распространяется лишь в отношении контрабанды сильнодействующих веществ, перемещаемых через государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза. Кроме того, предметом преступления, подпадающего под применение данного постановления Конституционного Суда РФ, являются только сильнодействующие вещества, входящие в состав лекарственных средств и не являющиеся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами. И самое главное, данное постановление Конституционного Суда РФ имеет распространение лишь на случаи перемещения физическими лицами сильнодействующих веществ в виде лекарственных средств с целью личного использования (потребления). Полагаем, что ввоз и вывоз с территории Российской Федерации физическими лицами данных веществ с другими целями, например их последующих продажи, дарения и т.п., не соответствует условиям Федерального закона «Об обращении лекарственных средств», таким образом, влечет ответственность по ст. 226.1 УК РФ.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ в постановлении от 16 июля 2015 г. № 22-П обязывает федерального законодателя определить порядок перемещения физическими лицами через государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза лекарственных средств, в состав которых входят сильнодействующие вещества.

¹ Примаков А.А. Вопросы совершенствования законодательства об ответственности за контрабанду наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и неза-

конного оборота наркотиков : материалы конференции / отв. ред. И.А. Медведев : в 2 ч. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013. Ч. 2. С. 83-86.

² Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 226.1 и 229.1 УК РФ, при выявлении контрабанды веществ, включенных в международный перечень наркотических средств и, одновременно в российский список сильнодействующих веществ (феназепам, фенобрабитал, трамадол) : отчет о НИР / А.А. Примаков [и др.]. – Красноярск, 2013.

Огурцов А.С.,

Управление ФСКН России
по г. Москве

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 174 И 174.1 УК РФ
(ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ,
ДОБЫТЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ)**

Борьба с финансовой основой наркоторговли, выявление и расследование преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, отнесены к приоритетным для оперативных и следственных подразделений ФСКН России. В связи с этим правильное понимание состава указанных преступлений, в том числе таких его составляющих, как объект и предмет, имеет решающее значение.

Объектом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, исходя из анализа российской правовой литературы, будем считать экономическую безопасность, стабильность и чистоту от преступных доходов внутригосударственной и мировой финансовой системы, а также интересы правосудия.

Предмет преступления никогда нельзя рассматривать в отрыве от объекта, поскольку он всегда присутствует в измененном преступлением отношении, либо вытесняя предмет охраняемого общественного отношения, либо замещая его в объекте, в результате чего возникает новое, антисоциальное отношение.

Данное понятие следует отличать от объекта преступления, но не противопоставлять их друг другу. Предмет преступления – это необходимый элемент, наличие которого дает нам возможность более детально раскрыть понятие объекта преступления.

Согласно УК РФ и толкованию, содержащемуся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных

средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, являются не только денежные средства или иное имущество, незаконное приобретение которых является признаком конкретного состава преступления (например, хищения, получения взятки), но и денежные средства или иное имущество, полученные в качестве материального вознаграждения за совершенное преступление (например, за убийство по найму) либо в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте.

При этом под денежными средствами понимаются наличные денежные средства в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, а также безналичные и электронные денежные средства, под иным имуществом – движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документарные и бездокументарные ценные бумаги, а также имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретенного преступным путем или в результате совершения преступления (например, объект недвижимости, построенный из стройматериалов, приобретенных преступным путем).

Одна из наиболее обсуждаемых проблем отнесения имущества к предмету преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, связана с возможностью осуждения за эти преступления в отсутствие приговора, в соответствии с которым лицо привлечено к ответственности за предикатное преступление. Первоначально позиция была изложена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем», исходя из п. 21 которого «при постановлении обвинительного приговора по статье 174 УК РФ или по статье 174.1 УК РФ судом должен быть установлен факт получения лицом денежных средств или иного имущества, заведомо добытых преступным путем либо в результате совершения преступления». Хотелось бы, однако, высказать дополнительные доводы в пользу предлагаемого подхода, приведя ссылку на позицию высшего судебного органа, выраженную теперь уже по конкретным уголовным делам.

Первый вопрос состоит в том, может ли кто-то помимо суда прийти к выводу о преступности деяния и происхождения добыто-

го в процессе его совершения имущества, если такой вывод выражен в процессуальном решении и это решение вынесено помимо воли лица, вопрос об ответственности которого решается? Постановлением Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. №18-П, признана соответствующей Конституции РФ норма прежнего уголовно-процессуального закона, допускавшая прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям на досудебном этапе процесса, поскольку это не означало установления виновности лица в совершении преступления, не препятствовало осуществлению им права на судебную защиту и предполагало получение его согласия на прекращение уголовного дела по указанным основаниям. Поэтому в п. 21 упомянутого постановления от 18 ноября 2004 г. № 23 Пленум Верховного Суда РФ и возложил обязанность установления факта получения подсудимым или иными лицами денежных средств или иного имущества, ставшими предметом отмыкания, именно преступным путем на суд, пусть и рассматривающий только дело о легализации.

Второй вопрос заключается в том, вправе ли суд, рассматривающий уголовное дело о легализации в отношении конкретного лица, делать вывод о преступности деяния иного лица, дело в отношении которого он не рассматривает? То есть возможна ли в принципе оценка деяния как преступного в отсутствие в качестве подсудимого лица, его совершившего? И если теоретическая дискуссия по этому поводу может быть продолжена, то практика, отвечая на этот вопрос, вправе ссылаться на решения высшего судебного органа, соглашающегося с осуждением а) за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем неустановленными лицами, и б) за укрывательство особо тяжкого преступления и в том случае, когда лицо, совершившее укрывавшееся общественно опасное деяние, было признано в отношении этого деяния невменяемым.¹

Поэтому, если суд, рассматривающий дело о легализации преступно приобретенного имущества, убежден в доказанности того, что лицом, не являющимся подсудимым, совершено общественно опасное деяние, в результате которого им или иными лицами приобретено имущество, ставшее затем предметом совершенных подсудимым легализационных сделок, суд вправе вынести обвинительный приговор по делу о преступлении, предусмотренном ст. 174 или 174.1 УК РФ. В этом случае он приходит к выводу об отсутствии обстоятельств, которые, будучи впоследствии уста-

новленными, опровергнут его вывод о преступном приобретении имущества, т.е. обстоятельств, могущих исключить преступность деяния, в результате совершения которого приобретено имущество.

Некоторые юристы в поддержку этой точки зрения ссылаются на Конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, заключенную в г. Страсбурге 8 ноября 1990 г. и ратифицированную Российской Федерацией 28 мая 2001 г. Исходя из пп. «а» п. 2 ст. 6 Конвенции при квалификации предусмотренных в пункте этой статьи действий, которые страна-участница признает уголовно наказуемым отмыванием преступных доходов, не имеет значения, подпадает ли предикатное преступление под уголовную юрисдикцию страны-участницы. Очевидно, это верный довод, имея в виду, что согласно ч. 3 ст. 12 УК РФ под нашу юрисдикцию не подпадают, скажем, хищения, совершенные иностранным гражданином на территории его государства у другого гражданина этой страны, а вот за легализацию полученного в результате этого преступления имущества согласно Конвенции мы должны привлекать к ответственности. При этом даже если в отношении указанного гражданина в его стране будет вынесен приговор о хищении, это судебное решение не будет, как подчеркивается И. Клепицким, иметь для нашего суда преюдициального значения.²

Особо значимым для правоприменения является восприятие отстаиваемой позиции практикой высшего судебного органа.

Адвокаты обжаловали вынесенный Московским городским судом обвинительный приговор по делу о легализации преступно приобретенного имущества, ссылаясь, в частности, на то, что в приговоре не описано деяние, в результате которого получены денежные средства, впоследствии якобы легализованные, и не приведены соответствующие доказательства и квалификация этого деяния, а ссылка суда на постановление следователя о прекращении за давностью уголовного преследования (осужденных) за незаконное предпринимательство и подделку документов является несостоятельной, так как этот документ не является актом, устанавливающим преступность действий лица, и не имеет преюдициального значения. При этом, по мнению адвокатов, их подзащитные не могли быть привлечены к ответственности за легализацию в принципе, поскольку они не были осуждены за «основное правонарушение», в результате которого были получены денежные средства, легализованные впоследствии, а возможность привлече-

ния их к уголовной ответственности за незаконное предпринимательство утрачена в связи с истечением сроков давности.

Однако, по мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, в приговоре приведены убедительные доказательства, подтверждающие выводы суда о том, что осужденные занимались предпринимательской деятельностью, связанной с реализацией алкогольной продукции, на которую по закону требовалось наличие лицензии. Вопреки утверждениям в кассационных жалобах, указывает коллегия, суд в приговоре не только сослался на постановление следователя о прекращении уголовного дела по факту преступного происхождения денежных средств, полученных руководителями коммерческих организаций, но и установил этот факт в судебном заседании, привел убедительные доказательства получения денежных средств преступным путем. В связи с этим, заключила высшая судебная инстанция, утверждения авторов кассационных жалоб о том, что для признания Б., З., Т. и Г. виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, необходимо наличие вступившего в законную силу приговора в отношении Т. и Г., который подтверждал бы, что они занимались незаконным предпринимательством, не могут быть признаны убедительными.³

И все же точку в настоящей дискуссии поставил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», согласно пункту 4 которого вывод суда, рассматривающего уголовное дело по ст. 174 или ст. 174.1 УК РФ, о преступном характере приобретения имущества, владению, пользованию или распоряжению которым виновный стремится придать правомерный вид, наряду с иными материалами уголовного дела может основываться на:

обвинительном приговоре по делу о конкретном преступлении, предусмотренном одной из статей Особенной части УК РФ (об основном преступлении);

постановлении органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) за совершение основного преступления в связи со смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, в связи с недостижением лицом возраста уголовной ответственности, в свя-

зи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случаях, предусмотренных п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, а также по основаниям, предусмотренным ст. 28.1 УПК РФ, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава основного преступления, и органом предварительного расследования дана им соответствующая оценка;

постановлении органа предварительного расследования о приостановлении дознания или предварительного следствия в связи с неустановлением на момент рассмотрения уголовного дела лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого за основное преступление, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава такого преступления, и органом предварительного расследования дана им соответствующая оценка.

¹ Яни П. Ответственность за легализацию: нужен ли приговор по делу о предикатном преступлении? // Законность. 2005. № 8.

² Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений // Отмывание доходов от преступления (ст. 174 и 174.1 УК РФ). М., 2005.

³ Определение Верховного Суда РФ от 13.06.2006 № 5-О-23 // СПС КонсультантПлюс.

Гордеев Р.Н.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

О СУДЕБНОМ ТОЛКОВАНИИ ФИНАНСОВЫХ ОПЕРАЦИЙ С НАРКОДОХОДАМИ

В июле 2015 г. было опубликовано постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (далее – постановление), в котором правоприменитель постарался ответить на многие вопросы, связанные с пониманием ст. 174-175 УК РФ. Представляющим наибольший интерес в дан-

ных разъяснениях является подход Верховного Суда РФ к правовой оценке совершения множества финансовых операций с использованием денежных средств, полученных от сбыта наркотических средств (наркодоходов).

Связано это с тем, что в настоящее время наркопреступления, как правило, совершаются бесконтактным способом, при этом полученные от незаконного оборота денежные средства аккумулируются в электронных платежных системах и в дальнейшем переводятся из одной платежной системы в другую с последующим зачислением на банковский счет с целью получения наличных денежных средств и распоряжения ими по своему усмотрению.

При этом наблюдается отсутствие единства практики квалификации данных операций с наркодоходами. Это признают и Следственный департамент ФСКН России¹ и суды различных инстанций, и ученые². В частности, отмечается, что фактически одна и та же деятельность, связанная с совершением финансовых операций с использованием денежных средств, полученных от сбыта наркотических средств, может получить разную уголовно-правовую оценку (как легализация, как простое распоряжение денежными средствами (не образующее легализацию), как конспирация сбыта наркотиков, охватываемая объективной стороной ст. 228.1 УК РФ, как способ финансирования (инвестирования) преступной деятельности)³.

В связи с этим при квалификации множества финансовых операций с использованием денежных средств, полученных от наркодоходов, необходимо учитывать разъяснения Верховного Суда РФ, требующие установления двух кримиобразующих признаков, свидетельствующих о направленности умысла на легализацию.

Во-первых, совершение финансовых операций с денежными средствами, позволяющих фактически оторвать наркодоход от места и времени совершения предикатного наркопреступления, а также от лица, его совершившего, например перевод из электронных средств в безналичные, а затем из безналичных – в наличные.

Во-вторых, формальная передача права собственности на денежные средства иным лицам, то есть установление, изменение или прекращение связанных с ними гражданских прав или обязанностей. При этом важна неосведомленность данных лиц о том, что они задействованы в соответствующих финансовых операциях либо неосведомленность о преступном происхождении электронных денежных средств.⁴

Данные признаки вытекают из п. 10 постановления, в котором отмечается, что цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенным преступным путем (в результате совершения преступления) как обязательный признак составов преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, может быть установлена на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота. Такая цель может проявляться, в частности:

1) в совершении финансовых операций или сделок по обналичиванию денежных средств, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления), в том числе с использованием расчетных счетов фирм-«однодневок» или счетов физических лиц, не осведомленных о преступном происхождении соответствующих денежных средств;

2) в совершении финансовых операций или сделок с участием подставных лиц, не осведомленных о том, что задействованные в соответствующих финансовых операциях и сделках денежные средства и иное имущество приобретены преступным путем (в результате совершения преступления);

3) в совершении финансовых операций или сделок с использованием электронных средств платежа, в том числе неперсонифицированных или персонифицированных, но принадлежащих лицам, не осведомленным о преступном происхождении электронных денежных средств.

Стоит отметить, что выполнение финансовых операций с денежными средствами без изменения права собственности не образует легализацию. На это, в частности, неоднократно указывалось и в решениях судов субъектов Российской Федерации. Например, согласно апелляционному определению Московского городского суда от 23 марта 2015 г. № 10-3064 перечисление денежных средств на банковский счет виновного и последующие их обналичивание не свидетельствует о придании правомерности данной операции. Согласно постановлению Президиума Волгоградского областного суда от 27 мая 2015 г. не образует легализацию и перевод денежных средств с виртуальных счетов на счета кредитной организации без фактического установления, изменения или пре-

кращения связанных с ними гражданских прав или обязанностей. Аналогичное требование содержится и в конвенции ООН 1998 г. «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», где отмыwanie денежных средств – это процесс по сокрытию или утаиванию подлинного характера, источников получения доходов, по сокрытию лица, инициировавшего преступные действия и получившего доход.

Помимо двух вышеназванных признаков необходимо также устанавливать направленность умысла на дальнейшие действия с отмытыми наркодоходами. Связано это с тем, что виновное лицо может их использовать в преступной деятельности (финансирование преступной группы, приобретение наркотиков и т.п.), что не образует легализацию (отмыwanie) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Лицо должно преследовать цель правомерного распоряжения отмытыми денежными средствами, использования их в рыночных отношениях, внедрения в финансовую систему государства.

Таким образом, о направленности умысла на легализацию наркодоходов при совершении множества финансовых операций свидетельствуют: во-первых, отрыв наркодохода от места и времени совершения предикатного наркопреступления, а также от лица, его совершившего; во-вторых, формальная передача права собственности иным лицам; в-третьих, внедрение отмытого наркодохода в финансовую систему государства.

¹ Вопросы совершенствования противодействия легализации денежных средств, полученных от наркопреступлений : материалы семинара-совещания Следственного департамента ФСКН России. М., 2013.

² Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : учебник / О.Ю. Александрова [и др.]. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015.

³ Токманцев Д.В. Проблемы квалификации операций с денежными средствами, полученными от наркопреступлений // Уголовное право. 2015. № 4. С. 68-74.

⁴ Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е., Коробицина Т.В. Наркоситуация и основные направления профилактики наркопотребления в вузах Красноярского края // Социологические исследования. 2012. №9. С. 110.

Примак А.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт
ФСКН России (г. Красноярск)

ОСНОВАНИЯ (УСЛОВИЯ) ПРИМЕНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТАТЬЕЙ 82.1 УК РФ

В уголовно-правовой теории нет единого понимания оснований применения норм закона об освобождении от наказания, которыми признаками которых обладает и отсрочка отбывания наказания больным наркоманией. В литературе можно встретить суждения относительно юридического и фактического основания отсрочки отбывания наказания либо основания и условия ее применения и др., а также мнение о том, что разграничение оснований и условий не имеет под собой ни теоретической, ни практической значимости. Не вдаваясь в полемику по этому вопросу, заметим, что закон (ст. 82.1 УК РФ) содержит определенные юридические факты, наличие которых предопределяет возможность предоставления отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. К ним относятся: а) изъятие лица пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию; б) признание лица, больным наркоманией; в) совершение этим лицом преступления, указанного в перечне, содержащемся в ст. 82.1 УК РФ; г) это преступление совершено впервые; д) лицо осуждено к наказанию в виде лишения свободы.

Прежде всего такой предпосылкой, исходя из наименования данного правового образования, выступает заболеваемость лица наркоманией. Именно заболевание наркоманией, а не наркозависимость или наркотическое опьянение, при котором лицо совершило преступление, является основанием применения ст. 82.1 УК РФ. Больным наркоманией в соответствии с Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» является лицо, которому по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в соответствии с обозначенным законом, поставлен диагноз наркомания. Однако для уголовно-правового решения результаты медицинского освидетельствования явно не достаточны, они не имеют под собой уголовно-процессуальной основы. Поэтому Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 июня 2015 г. № 30, изменяющем

постановление от 15 июня 2006 г. № 14, вводит существенное уточнение, согласно которому диагноз наркомания либо его отсутствие устанавливается заключением эксперта по результатам судебно-психиатрической экспертизы, проводимой на основании п. 3.2 ст. 196 УПК РФ, а также указывает на отсутствие медицинских противопоказаний для проведения лечения такого заболевания (абз. 2 п. 35.1).¹

С первых дней реализации ст. 82.1 УК РФ у специалистов возник вопрос: почему отсрочка отбывания наказания больным наркоманией предоставляется только лицам, совершившим преступления, предусмотренные частями первыми ст. 228, 231 и ст. 233 УК РФ. Ответ на него может быть получен при анализе целевых установок этого вида отсрочки. Законодательная цель введения ст. 82.1 УК РФ, как вытекает из пояснительной записки к проекту Федерального закона, которым она закреплена в уголовном законодательстве,² является создание дополнительного стимула для добросовестного прохождения курса лечения больными наркоманией и их последующей социальной адаптации. Исходя из этой посылки, необходимо выделить следующие целевые установки отсрочки отбывания наказания больных наркоманией: излечение осужденного, его реабилитация (медицинская и социальная), а также предупреждение совершения им новых преступлений. Таким образом, главным здесь выступает устранение условия совершения преступления – наркозависимости лица, являющейся центральным сегментом в механизме детерминации совершения преступления больным наркоманией. Не вызывает сомнения, что необходимость достижения этих целей возникает не только при совершении преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, но и других криминальных актов, совершаемых наркозависимыми.

Иной проблемой применения ст. 82.1 УК РФ, связанной с определением круга лиц, которым может применяться отсрочка, является определение совершения преступления впервые. На практике нередко возникает вопрос, относится ли данное положение только к преступлениям, перечисленным в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, или в целом данный вид отсрочки применяется только к лицам, впервые совершившим преступление. Встречающиеся судебные решения говорят о том, что правоприменитель склонен применять исследуемый вид отсрочки и к лицам, ранее совершившим преступления. Так, Октябрьским районным судом г. Липецка была применена ст. 82.1 УК РФ в отношении лица, признанного боль-

ным наркоманией, совершившим преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, но которому было назначено наказание с применением правил ст. 68 УК РФ, поскольку имелась непогашенная судимость.³

Вряд ли с таким решением можно согласиться, поскольку применение исследуемого правового образования должно быть ориентировано на первичную преступность, обусловленную наркозависимостью лица. Системный анализ положений ч. 1 и 4 ст. 82.1 УК РФ говорит о том, что основанием применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией является совершения впервые преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, и никаких других. В том случае, если лицо совершило еще и иное преступление, то в соответствии с ч. 4 ст. 82.1 УК РФ суд обязан назначить наказание по совокупности преступлений, в соответствии с правилами, изложенными в ч. 5 ст. 69 УК РФ, и направить осужденного для отбывания наказания. На это же обращает внимание и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 июня 2015 г. № 30, указывая, что «в случае совершения лицом иного преступления, помимо преступления, указанного в части 1 статьи 82.1 УК РФ, отсрочка не применяется».

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 июня 2015 г. № 30 обязывает для определения лица как впервые совершившего преступление, указанного в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, учитывать положения п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», определяющем лицо впервые совершившим преступление. Такой подход нельзя признать оптимальным, и не только потому, что п. 2 постановления № 19 напрямую определяет его применение при толковании только ст. 75, 76 и 76.1 УК РФ, закрепляющих виды освобождения от уголовной ответственности, имеющих совершенно иную правовую природу, нежели отсрочка отбывания наказания больным наркоманией. Дело в том, что большинство положений обсуждаемого пункта (постановления № 19) идут вразрез с ч. 4 ст. 82.1 УК РФ, в частности, признание лицом, впервые совершившим преступление и осужденным по другому делу, приговор по которому на момент совершения одного из преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, не вступил в законную силу, что, безусловно, дезориентирует правоприменителя. Фактически лишь два подпункта («г» и «д»)

пункта 2 постановления № 19 могут быть использованы при применении отсрочки отбывания наказания больным наркоманией.

Поэтому представляется целесообразным дать прямое толкование в постановлении Пленума Верховного Суда РФ о лице, впервые совершившем преступление, которому может применяться исследуемый вид отсрочки. На наш взгляд, таким лицо должно признаваться, если оно: а) ранее никаких преступлений не совершало и в отношении его не возбуждено уголовное дело; б) имеет предыдущий приговор, который на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости); в) имеет предыдущий приговор, который вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; г) ранее было освобождено от уголовной ответственности.

Практика применения обсуждаемого института свидетельствует о том, что осужденные крайне редко изъявляют желание пройти курс лечения и последующую реабилитацию, что является необходимым для применения ст. 82.1 УК РФ. Обусловлено это несколькими факторами. Во-первых, за совершение преступлений, указанных в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, назначается наказание, как правило, не связанное с изоляцией от общества⁴, или условное осуждение, при котором, заметим, суды крайне редко назначают обязанность пройти курс лечения от наркомании, не говоря уже, в случае осуществления лечения, пройти медицинскую и социальную реабилитацию, что в принципе закон не исключает. Во-вторых, длительность сроков отсрочки отбывания наказания «отпугивает» осужденных от добровольного лечения⁵, воспринимающих отсрочку как государственное принуждение. В-третьих, такое желание осужденным может быть заявлено в любой момент, в том числе и после провозглашения приговора, что дает им основания дожидаться итогового решения по делу, после чего принимать решение о лечении и реабилитации.

Необходимой предпосылкой применения ст. 82.1 УК РФ является осуждение лица к лишению свободы. Следует учитывать, что, согласно ст. 72.1 УК РФ, назначая иное наказание, суд имеет

возможность возложить на осужденного обязанность пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. В этом есть определенный парадокс: с одной стороны, лицу, признанному больным наркоманией и обладающему меньшей общественной опасностью, поскольку назначено наказание, не связанное с лишением свободы, возлагается обязанность пройти курс лечения и реабилитацию, которая носит принудительный характер, а лицу, обладающему большей общественной опасностью, – прохождение курса лечения и реабилитации носит характер привилегии, лишенной принудительного свойства; с другой стороны, такой механизм уголовно-правового регулирования побуждения к отказу от потребления наркотиков способствует стимулированию добровольного лечения, которое, по мнению медиков, является более эффективным в вопросах излечения наркомании.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (в ред. от 30.06.2015 № 30) // СПС КонсультантПлюс.

² Паспорт проекта Федерального закона № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

³ Приговор Октябрьского районного суда г. Липецка от 30 сентября 2015 г. Дело 1-250/2015.

⁴ Откидач А.О. О правоприменительной практике по ст. 82.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 32-35.

⁵ Буркина О.А., Кузнецов А.И. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: проблемы применения // Наркоконтроль. 2013. № 4. С. 6-7.

Салакко А.С.

Первая Красноярская краевая
коллегия адвокатов

ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 82.1 УК РФ КАК МЕТОД БОРЬБЫ С НАРКОМАНИЕЙ

Выступая 15 апреля 2015 г. на заседании ГАК по теме «Повышение эффективности действующего уголовно-правового инструментария по реализации Стратегии государственной антинаркотической политики», директор ФСКН России Виктор Иванов отметил, что «из почти 600 тысяч осужденных по уголовным делам,

связанным с наркотиками, лишь четверть привлечены за сбыт наркотиков. А три четверти, то есть 400 тысяч самих наркопотребителей, государство уголовило за хранение наркотиков без цели их сбыта»¹. При этом В. Иванов в качестве способа изменения современного уголовно-правового инструментария предложил продолжить внедрять институт альтернативной ответственности, под которым понимается возможность осужденного выбрать вместо отбывания наказания лечение от наркотической зависимости в реабилитационных центрах. Положительно оценивая данное направление реформирования уголовного законодательства, направленное на гуманизацию и демократизацию уголовной и уголовно-исполнительной политики, хотелось бы более детально остановиться на анализе одного из видов альтернативной ответственности – отсрочке отбывания наказания больным наркоманией.

Несмотря на то, что ст. 82.1 УК РФ была введена Федеральным законом № 420-ФЗ 7 декабря 2011 г., до сих пор имеется неопределенность в отношении правомерности трактования и применения некоторых ключевых понятий, которыми законодатель оперирует в указанной статье. В ст. 82.1 УК РФ указывается, что «осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией... и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы...». Однако в уголовном законодательстве отсутствует определение социальной реабилитации. Ранее в УК РФ понятие медико-социальной реабилитации рассматривалось как единое, но теперь, когда понятия медицинская и социальная реабилитация разведены, такой подход законодателя не может быть признан оправданным.

В Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» раскрывается лишь более общее понятие «реабилитация больных наркоманией», под которой понимается комплекс мер медицинского, психологического и социального характера. Представляется, что введение понятия социальной реабилитации как в УК РФ, так и в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» поможет избежать неопределенности в правоприменительной практике.

Исходя из буквального толкования диспозиции рассматриваемой статьи, наркозависимое лицо должно пройти курс лечения от наркомании, медицинскую, социальную реабилитацию, то есть

необходимым условием предоставления отсрочки является выполнение всех представленных условий, поскольку в первом случае между словами «пройти лечение» и «медицинская реабилитация» стоит союз «а также», а во втором случае между двумя видами реабилитации нет никакого союза, предполагающего альтернативный выбор (например, союза «или»). Но при таком понимании юридической техники возникает закономерный вопрос: в случае прохождения лечения и медицинской реабилитации без прохождения социальной реабилитации будет ли в полной мере реализована диспозиция статьи 82.1 УК РФ? Если ответить на этот вопрос отрицательно, у нас возникнет другой вопрос: как именно должна осуществляться социальная реабилитация при нынешнем отсутствии четкой ее дефиниции?

Стоит заметить, что социальная реабилитация является зачастую не менее важным фактором в исправлении наркозависимого лица и возвращения его в общество в качестве полноценного члена. Определенный круг общения, проблемы с трудоустройством – все это влияет на возврат человека к наркотикам не меньше, чем физиологическая зависимость от наркотических средств. Поэтому стоит выделять финансирование на развитие и поддержку системы социально-реабилитационных центров, которые посредством различных программ, базирующихся на работе профессиональных психологов, трудотерапии, общении наркозависимых лиц друг с другом, помогут человеку на ментальном уровне выработать правильные, социально ориентированные установки.

При применении ст. 82.1 УК РФ большое значение имеет изучение судом материалов уголовного дела, характеризующих личность виновного, обстоятельств совершения конкретного преступления. Суд принимает решение, основываясь на совокупности доказательств, у него нет императивной обязанности применить отсрочку наказания в каких-то конкретных случаях. Есть точка зрения, что безусловным основанием применения отсрочки может являться соответствующее заключение эксперта о наличии у лица заболевания наркоманией. Но данная позиция является неверной, так как заключение эксперта – лишь один из видов доказательств и не имеет заранее установленной силы при решении процессуальных вопросов, связанных с оценкой имеющихся по делу доказательств.

К сожалению, несовершенство механизма реализации ст. 82.1 УК РФ приводит к достаточно редкому ее применению на практике. О. Евланова и Н. Павловская приводят статистику, со-

гласно которой, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за первое полугодие 2012 г. зарегистрирован всего один случай отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Авторами обоснованно приводится ряд причин, повлиявших на подобную неутешительную ситуацию: отсутствие законодательной регламентации признания лица больным наркоманией, отсутствие механизмов контроля за прохождением таким лицом обязательного лечения, а также неготовность современной системы государственной наркологической медицинской помощи к решению задач лечения и реабилитации наркозависимых преступников.²

Причина редкого применения ст. 82.1 УК РФ заключается также в нежелании подозреваемых (обвиняемых) проходить наркологическую экспертизу. «Лица, привлекаемые к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 228, частью 1 статьи 231 или статьи 233 УК РФ, понимая тот факт, что за указанные преступления суд, как правило, назначает наказания, не связанные с лишением свободы, отказываются от применения к ним ст. 82.1 УК РФ»³.

Подводя итог вышеуказанному, можно сделать следующий вывод. Несмотря на пробелы в уголовном законодательстве, отсрочка в назначении наказания лицам больным наркоманией является очевидно положительным направлением развития государственной политики в сфере борьбы с преступностью. В соответствии со ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Уже давно установлено, что суровость наказания не уменьшает процент совершения преступлений. Более эффективным способом борьбы с преступностью является ресоциализация лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Изменения, происходящие в российском законодательстве, во многом соотносятся и с международным опытом. Например, в Швеции «прокурор и суд обязаны приостановить уголовное преследование на двухлетний испытательный срок в случае хранения или приобретения незначительного объема психотропных или наркотических веществ для личного употребления»⁴. В. Иванов в одном из выступлений также предложил разрешить судам уже на стадии предварительного расследования приостанавливать уголовное преследование наркозависимых лиц, если они готовы проходить лечение. Подобные нововведения (в частности, расширение практики применения ст. 82.1 УК РФ) не только помогут существенно сэкономить бюджетные сред-

ства и разгрузить пенитенциарную систему, но и при систематичной реализации способны избавить наркопотребителей от наркотической зависимости и той криминальной среды, в которую они ранее были вовлечены.

¹ Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета директора ФСКН России Виктора Иванова на заседании ГАК по теме «Повышение эффективности действующего уголовно-правового инструментария по реализации Стратегии государственной антинаркотической политики», 15 апреля 2015 г. URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2015/0415/094736651/detail.shtml (дата обращения: 05.02.2016).

² Евланова О.А., Павловская Н.В. Практика применения новых норм УК России в части назначения наказания за сбыт наркотических средств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 57.

³ Откидач А.О. О правоприменительной практике по ст. 82.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 33.

⁴ Епихин А.Ю. Основания и порядок применения нового вида отсрочки уголовного наказания больным наркоманией осужденным // Наркоконтроль. 2012. № 2. С. 12.

Корнейчук И.С.

Управление ФСКН России
по Псковской области

ПРОБЛЕМЫ ЛЕЧЕНИЯ И РЕАБИЛИТАЦИИ НАРКОЗАВИСИМЫХ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ

Несмотря на частные достижения в области наркологии, ситуация с потреблением наркотиков в России остается напряженной и труднопредсказуемой. Наркомания способствует криминализации общества – каждый восьмой заключенный в настоящее время осужден за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. По количеству данные преступления уступают только кражам и экономическим преступлениям.

Совокупность лечебных и реабилитационных мер, реализуемых в настоящее время силами медицинских учреждений и негосударственных некоммерческих реабилитационных центров, призвана способствовать расширению круга лиц, отказавшихся от немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ.

Наркоман – это прежде всего больной человек, несмотря на то, что он совершил преступление, поэтому применение исключительно правовых мер к лицам, потребляющим наркотические средства (без признаков иных правонарушений), является не только неразумным, но и противоправным.¹

Сложнее дело обстоит с наркопотребителями, которые за совершенные преступления осуждены к лишению свободы и находятся в исправительных учреждениях. Надо иметь в виду повышенную общественную опасность осужденных, больных наркоманией, сложность их лечения, часто обусловленную невозможностью самостоятельно, без врачебной помощи, приостановить ход болезни.

В теории применяемые программы терапии и реабилитации наркозависимых в уголовно-исполнительной системе России основаны на полном отказе от употребления наркотиков, формировании осознанного отношения к отказу от приема наркотиков, становлении стойкой и длительной ремиссии с дальнейшей установкой на здоровый образ жизни.

Лечение, медицинская реабилитация и изоляция – лишь условия, не позволяющие употреблять наркотики; без социальной реабилитации и ресоциализации после освобождения и полного понимания осознания отказа от потребления нет выздоровления.

Во многих случаях лица, освободившиеся из мест лишения свободы, в связи с трудностями социализации в обществе, а также сохранением зависимости от наркотиков ввиду отсутствия квалифицированной помощи в учреждениях пенитенциарной системы становятся заложниками ситуации и продолжают осуществление противоправной деятельности. Процент рецидивности как совершения преступлений, так и потребления наркотиков одинаково высок. Как отметил директор ФСИН России В.П. Иванов на совместной коллегии ФСИН России и ФСКН России (14 июня 2013 г.): «Необходимо заниматься не только их (осужденных) перевоспитанием и адаптацией к нормальной жизни в социуме, но и освобождать их от патологической зависимости, иначе, выходя на свободу, они с утроенной энергией начинают потреблять наркотики, добывая на них средства незаконным путем либо занимаясь их продажей на улице или совершая иные преступления»².

Как известно, большинство потребителей наркотиков рано или поздно совершают правонарушения и преступления. Высокие

показатели заболеваемости наркоманией среди осужденных еще раз доказывают это.

На 1 января 2015 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержались 124,9 тысячи человек (18,6% от общей численности осужденных), нуждающихся в психиатрической и наркологической помощи³, в том числе 83,4 тысячи с зависимостью от наркотиков. Во ФСИН России функционируют 9 лечебно-исправительных учреждений для осужденных с такой зависимостью (8 – мужских, 1 – женское). Общий лимит наполнения этих учреждений составляет лишь 7,2 тысячи мест, что не отвечает имеющимся потребностям. В медицинских частях исправительных колоний и следственных изоляторов работают наркологические кабинеты.⁴ Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что более 75 тысяч осужденных наркопотребителей приходится на врачей-наркологов в исправительных учреждениях, ставки которых имеются не повсеместно.

Лечение больных наркоманией в пенитенциарных учреждениях России проводится поэтапно.

Первый этап – оказание специализированной помощи лицам с наркотической зависимостью в условиях следственных изоляторов. На первичных медицинских осмотрах среди подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений выявляются лица, страдающие наркоманией, а также лица, эпизодически употребляющие наркотики. При необходимости купируются абстинентные проявления, начинается лечение сопутствующей патологии.

В следственных изоляторах наркозависимым лицам предлагается пройти курс лечения добровольно. В случае отказа от лечения медицинской комиссией по показаниям назначается обязательное лечение.⁵

Второй этап проводится в лечебных исправительных учреждениях (далее – ЛИУ). Всем прибывшим в ЛИУ проводится первичное обследование в течение двух недель с последующим курсом стационарного лечения в течение месяца и поддерживающим амбулаторным курсом лечения под наблюдением психиатра-нарколога. На базе ЛИУ осуществляется комплекс лечебно-реабилитационных мероприятий, включающий в себя медико-биологические и социально-психологические методики.

Особое внимание отводится комплексу социальных и трудовых реабилитационных мероприятий, основанных на возможности получения осужденными полного среднего и профессионального

образования, последующего трудоустройства и реализации полученных трудовых навыков.

По данным Управления ФСИН России по Псковской области, на 1 января 2016 г. в исправительных учреждениях области находятся 4705 человека, в том числе 1327 осужденных по ст. 228-234 УК РФ. Число лиц с диагнозом наркомания составляет 600 человек, с диагнозом потребление наркотических средств и психотропных веществ с вредными последствиями – 17, что в общем объеме составляет 13% от всех осужденных, отбывающих наказание. На специализированное лечение в ФКУ ЛИУ № 8 УФСИН России по Тверской области в 2015 г. направлены 36 осужденных.

Одновременно аппаратом антинаркотической комиссии Псковской области проанализированы сведения о наличии ставок врачей наркологов в следственных изоляторах и исправительных учреждениях области, а также их укомплектованность. Из 7 учреждений Управления ФСИН России по Псковской области (5 ИК, 2 СИЗО) ставки психиатра-нарколога предусмотрены лишь в 3. В остальных случаях в штатном расписании предусмотрены ставки врача-психиатра. Фактически укомплектованы 2 ставки психиатра-нарколога (по 0,5 ставки) и 2 ставки психиатра, не имеющих квалификацию по профилю «наркология». Данное обстоятельство позволяет сделать вывод об отсутствии должного уровня медицинских и реабилитационных программ с учетом потребностей (617 человек), а в ряде исправительных учреждений их полное отсутствие.

В марте 2015 г. в рамках мониторинга наркоситуации на территории Псковской области в инициативном порядке проведены социологические исследования среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях области. Количество респондентов составило 254 человека.

Приведем отдельные результаты опроса. Так, на вопрос: «Как Вы считаете, могут ли те, кто уже начал употреблять наркотики, самостоятельно от них отказаться?» – 100 человек (39,4%) дали ответ: «Да, но с трудом», 54 человека (21,3%) – «Да, легко могут отказаться», 65 человек (25,6%) – «Нет, не могут отказаться».

Среди мер, которые необходимо принять для решения проблем наркомании, большинство опрошенных указали принудительное лечение наркоманов – 115 человек (45,3%), на ужесточение мер наказания за наркопреступления указали 57 человек (22,4%), необходимость повышения доступности помощи психологов, психотерапевтов отметили 62 человека (24,4%).

Таким образом, большинство опрошенных придерживаются мнения о возможности отказаться от потребления наркотиков, но важной мерой, способствующей отказу, отмечают принудительное лечение.

Факт наличия у себя вредных привычек констатировали 186 человек (73,2%). На вопрос: «Пробовали ли Вы наркотические вещества?» – 148 человек (58,3%) опрошенных ответили: «Нет», 100 человек (39,4%) – «Да». Лечение от наркомании проходили 23 человека (9,06%), в реабилитационных программах участвовали 22 человека (8,66%). В пробе или употреблении наркотиков в условиях лишения свободы признались 94 человека (пробовали, но перестали употреблять – 46 человек, употребляют время от времени – 48 человек).

Еще одна проблема, сопряженная с необходимостью проведения эффективной лечебной и реабилитационной работы с наркопотребителями в условиях лишения свободы, была отмечена директором ФСКН России В.П. Ивановым в ходе совместной коллегии ФСКН России и ФСИН России: «Многие заключенные российских тюрем употребляют наркотики, необходимо разработать эффективный механизм по борьбе с распространением наркотиков в местах лишения свободы. Наша задача – разработать современные средства, методы обмена информацией, цели и предотвращение дальнейшего распространения криминальных средств в колониях и тюрьмах».

По данным ФСКН России, до 80% осужденных, ранее употреблявших наркотики, продолжают их принимать, находясь в заключении.⁶ Представленные данные латентны и в условиях пениitenciарной системы трудно подтверждаемы в силу разносторонности задач, стоящих перед службой наркоконтроля и службой исполнения наказаний.

Несмотря на это, необходимо объединять усилия и предпринимать все меры по достижению эффективности и полноценности исправления осужденных в местах лишения свободы, в том числе мер по лечению и реабилитации наркопотребителей.

Требуется дальнейшее развитие и совершенствование реабилитационного звена антинаркотической практики, необходимо выходить на новые показатели пропускной способности лечебно-исправительных учреждений и эффективности их программ. Нужен достаточный кадровый состав специалистов для работы с наркопотребителями в условиях лишения свободы, целенаправ-

ленное обязательное вовлечение осужденных наркопотребителей, вовлеченных в программы лечения и реабилитации, в образовательную и трудовую деятельность.

¹ Чернышов В.В. Сущность мер медицинского характера, применяемых к осужденным, больным наркоманией. Современные представления. Правовое регулирование // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 3. С. 66.

² Официальный сайт Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. Дайджест от 14 июня 2013 г. URL: <http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/review/2013/0614/141424777/print.shtml> (дата обращения: 10.07.2015).

³ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2014 г. URL: <http://фсин.рф/press/doklad-o-rezultatakh-i-osnovnykh-napravleniyakh-deyatelnosti-federalnoy-sluzhby-ispolneniya-nakazaniy.php> (дата обращения: 10.07.2015).

⁴ Из доклада к Президиуму Государственного совета Российской Федерации «О ходе реализации государственной антинаркотической политики». 2015.

⁵ Кононец А.С., Трифонов О.И. Проблемы осуществления обязательного лечения больных наркоманией в учреждениях уголовно-исполнительной системы // СПС КонсультантПлюс.

⁶ ФСКН предлагает вернуться к принудительному лечению наркоманов, а не лишать их свободы. Фонд содействия защите здоровья и социальной справедливости имени Андрея Рылькова. URL: <http://www.rylkovfond.org/blog/novosti/fsin-stat-data-du> (дата обращения: 01.07.2015).

Рахматулин З.Р.

Ачинский филиал Красноярского
государственного аграрного
университета

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В ЧАСТИ
ЕГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ
НАРКОПОТРЕБИТЕЛЯМИ**

Ограничение свободы – это альтернативное лишению свободы наказание, которое должно иметь в своем арсенале инструменты для эффективного противодействия преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков. В настоящее время этот потенциал рассматриваемого наказания недостаточно широк. Так, авторы, исследующие личностные аспекты осужденных к ограничению свободы, отмечают, что одна из криминогенных категорий

среди них – это лица, которые совершили преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ.¹

Исследование состояния повторной преступности со стороны осужденных к ограничению свободы в период с 2010 по 2012 годы в течение трех лет после освобождения показало, что большинство виновных, совершивших преступления после отбытия ограничения свободы, были осуждены за совершение преступлений против жизни и здоровья, собственности, здоровья населения и общественной нравственности. Также вызывает научный интерес видовая характеристика преступлений, совершаемых осужденными после отбытия ограничения свободы. К их числу следует отнести преступления против собственности – кражи, грабежи, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, преступления против жизни и здоровья. Из вышеизложенного видно, что в период отбывания ограничения свободы необходимо применять комплекс мер исправительно-индивидуального воздействия. Отсутствие, к примеру, трудовой деятельности осужденного ведет к тому, что преступления в определенных случаях становятся для него средством заработка. Негативные характеристики лица также способствуют совершению преступлений наркопотребителями, токсикоманами, психически нездоровыми лицами. Обогащение содержания ограничения свободы будет способствовать решению такого рода проблем.

В одном из таких направлений уже проводится законотворческая работа. Так, целесообразно рассмотрение обязанности, которая была введена в УК РФ Федеральным законом №313-ФЗ от 25 ноября 2013 г. При назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Данные изменения учитывают потребности теории² и правоприменительной практики, находятся в русле комплексной работы, которая ведется по борьбе с наркопреступностью. Основные ее положения закреплены в Указе Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. №690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года». Директор ФСКН России В.П. Иванов воспроизвел главные направления реформы, одно из которых заключается

в использовании «наказания, прежде всего, для целей исправления преступивших закон наркопотребителей, их реабилитация и возвращение в общество», поэтому в условиях, когда «...ежегодно порядка 200 тысяч наркопотребителей привлекаются к уголовной и административной ответственности, особую актуальность приобретает механизм их правового побуждения к лечению и реабилитации, который может и станет движущей силой вовлечения наркопотребителей в реабилитацию»³. Д.Д. Невирко аргументированно прогнозирует формирование в ближайшие годы системы комплексной реабилитации и ресоциализации наркопотребителей, полноценных законодательных основ ее полномасштабного функционирования.⁴

До ноября 2013 г. практика применения уголовного наказания в виде ограничения свободы никак не могла влиять на данную статистику. Так, в 2013 г., по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, из числа осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, к лишению свободы приговорены 43 552 человек, к условному осуждению к лишению свободы и иным мерам – 42 244, к исправительным работам и штрафу – 16 011, другим видам наказаний – 6 917. В последний показатель включается и ограничение свободы, к которому приговорены 2 137 человек.

Следовательно, введение статьи 72.1 УК РФ является необходимой, своевременной и целесообразной мерой «использования» уголовного наказания для целей профилактического воздействия на наркозависимых лиц. Анализ норм уголовно-исполнительного законодательства показывает, что ее неисполнение никак не отразится на положении осужденного. Этот вывод основывается на ст. 58 УИК РФ («Ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы и за уклонение от его отбывания»), п. «б» ч. 1 которой (несоблюдение без уважительных причин осужденным установленных судом ограничений) применению в данном случае не подлежит, поскольку прохождение курса лечения от наркомании и (или) социальной реабилитации является обязанностью. Представляется, что данные правоотношения являются уголовно-исполнительными, возникают и протекают в процессе исполнения наказания, а значит, и ответственность должна быть предусмотрена нормами УИК РФ. Для этого п. «б» ч. 1 ст. 58 УИК РФ следует дополнить указанием на то, что нарушением порядка и условий

отбывания ограничения свободы считается несоблюдение без уважительных причин осужденным установленных ограничений, а также «обязанности пройти лечение от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации». Думается, что указанные нововведения позволят положительно повлиять на данную статистику, а число таких лиц будет увеличиваться.

Однако изменения должны коснуться и других сторон исполнения и отбывания уголовного наказания в виде ограничения свободы.

Так, в п. «д» ч. 1 ст. 58 УИК РФ закреплено, что нарушением порядка и условий отбывания ограничения свободы считается нарушение общественного порядка, выявленное и закрепленное в соответствии с положениями действующего КоАП РФ. Однако если лицо употребляет наркотики без назначения врача – это не является нарушением порядка отбывания рассматриваемой меры. Хотя эти действия показывают недисциплинированность лица и его нежелание исправиться. Их систематическая повторность или совершение аналогичных действий только с более серьезным ущербом могут вести за собой уголовную ответственность. Отсутствие реакции на них не должно порождать чувство безнаказанности у лица. Поэтому п. «д» ч. 1 ст. 58 УИК РФ необходимо дополнить, включив в него в том числе и правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность.

Кроме этого в ст. 53 УК РФ необходимо внести и перечень других обязанностей. К их числу следует отнести требования трудиться, трудоустроиться, учиться, не увольняться, соблюдать требования учебной и трудовой дисциплины. Эти меры позволят увеличить влияние исправительно-индивидуального воздействия, в том числе и для снижения со стороны осужденных к ограничению свободы преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Таким образом, оптимизация применения отдельных норм действующего уголовного, административного и уголовно-исполнительного законодательства позволит увеличить эффективность профилактического воздействия уголовного наказания в виде ограничения свободы, и снизит количество преступлений, совершенных в области незаконного оборота наркотиков и под их воздействием.

¹ Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных к ограничению свободы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 151.

² Тепляшин П.В. Уголовное наказание в виде ограничения свободы: проблемы законодательной регламентации и эффективности в специальном предупреждении преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. № 4 (14). 2010. С. 52.

³ Иванов В.П. Новые подходы в борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков // Совершенствование правовой базы реализации Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года: уголовный, уголовно-процессуальный и административный аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции (30 марта 2015 г., г. Екатеринбург) : в 3 ч. Екатеринбург: НВМ, 2015. Ч. 1. С. 13.

⁴ Невирко Д.Д. Противодействие наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей на международном и национальном уровнях в современных условиях // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей: материалы XVIII международной научно-практической конференции (16-17 апреля 2015 г.) : в 2 ч. / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2015. Ч. 1. С. 21.

Для заметок

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ УРОВНИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ В ЗОНЕ ДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ
ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

XIX международная научно-практическая конференция

(21–22 апреля 2016 г.)

Материалы конференции

Часть 2

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой

Подписано в печать *6 апреля 2016 г.*

Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Уч.изд.л. 14,8 (усл. печ. л. 18,75).

Тираж ____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.

Сибирский юридический институт ФСКН России.

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии Сибирского юридического института ФСКН России.

660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.